АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. И. Радовский

АНТИОХ КАНТЕМИР И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Антиох Кантемир (1709—1744).
(Гравюра на стали. 1867 г.).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

М. И. Радовский

АНТИОХ КАНТЕМИР И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1959

АННОТАЦИЯ

В книге обобщен печатный и архивный материал, освещающий вопросы, связанные с происхождением Кантемира, его общественной и научной деятельностью. Особый интерес для истории русской культуры представляют главы, касающиеся связей Кантемира с Академией наук. Автором изучены документы, относящиеся к годам пребывания Кантемира в Академическом университете, а затем на посту русского посла в Лондоне и Париже, и связи Петербургской Академии наук с зарубежными учеными, осуществлявшиеся через Кантемира, а также его личные отношения с виднейшими представителями английской и французской культуры. Особая глава посвящена трудам Кантемира, изданным Академией наук.

Ответственный редактор
А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. СЕМЬЯ. ВОСПИТАНИЕ

Вольтер в «Истории Карла XII, короля шведского», касаясь деятельности Петра I и его сподвижников, указал, что молдавский господарь Дмитрий Кантемир, отец Антиоха Кантемира, был греческого происхождения. Вольтер ошибся: гречанкой была мать Антиоха, которая вела свой род от византийского императора Кантакузена, по отцу же он происходил из татар. Утверждение Вольтера вызвало недовольство Антиоха Кантемира, и он послал ему сочинение своего отца по истории Турции, к которому была приложена генеалогия рода Кантемиров, берущего начало от самого Тамерлана.

Из родословной Кантемиров явствует, что в XV в. предок Антиоха, Силистанул, покинул орду; приняв христианство, он стал именоваться Феодором и в 1450 г. поселился в Молдавии.[1] Господарь молдавский Стефан Великий, тесть Иоанна Молодого (1458—1490), сына великого князя Московского Иоанна III, назначил Феодора правителем Килийской и Измаильской областей. С тех пор Кантемиры, занимая высокие посты, играли видную роль в истории Молдавии; дед Антиоха, Константин, первым из Кантемиров занял молдавский престол.

Своего происхождения Кантемиры не забывали, о чем свидетельствует не только тщательное собирание Дмитрием сведений о предках,[2] но и написанная учителем Антиоха, академиком Г.-З. Байером (1694—1738), биография Константина Кантемира.[3] Эта работа первого академика-востоковеда, пользовавшегося материалами, собранными Дмитрием,[4] написана несомненно под влиянием личного общения с его сыном.[5]

Дед Антиоха Кантемира, Константин (1627—1693), представлял собою характерный для XVII в. тип лихого рубаки, которого можно было встретить то в одном, то в другом лагере

враждующих сторон. Молдавским господарем он стал в 1683 г. Начал же он свою службу в польских войсках, участвуя в походах в течение семнадцати лет. В битвах со шведами и казаками Константин Кантемир отличался не раз. Его отвага и опыт в ратном деле были оценены командованием польской армии, наградившим его чином полковника.

В 1660 г. Константин вернулся в Молдавию и принял участие в войне волошского господаря против турок. В 1665 г. Константин возглавил поход против ногайских татар и по возвращении помог подавить восстание молдаван против ненавистного им господаря Дуки.

Это — не единственное пятно на совести Константина Кантемира. В 1672 г. он уже в турецком лагере и участвует в походе против Польши, возглавляя молдаванский вспомогательный корпус. Как и в предыдущих боях, он и теперь неоднократно отличается в горячих схватках с неприятелем. Особенно были отмечены его заслуги при взятии Каменец-Подольска и при защите гарема султана, едва не попавшего в руки предводителя польского войска, прославленного полководца Яна Собесского. За это Константину было обещано молдавское княжество, которое, однако, он получил лишь через десять лет.

Не скупясь на подачки феодальной верхушке, Оттоманская империя безжалостно выжимала соки из порабощенных ею народов. Негодование и явное возмущение молдаван принимали все более яркое выражение. Взоры молдавского, как и других народов, стонавших под игом османов, были обращены на Россию. Ее одну считали в силах не только противостоять турецкой экспансии, угрожавшей Западу так же, как и Востоку, но и помочь вернуть свободу населению других завоеванных Турцией стран. В последние годы жизни и Константин понял, насколько важна для Молдавии дружба с Россией. Об этом свидетельствует его письмо к царям Иоанну и Петру, датированное ноябрем 1689 г.[6]

Прямо противоположными чертами характера был наделен сын Константина Дмитрий (1673—1723). Хотя отец в последние годы жизни и брал его с собою в походы, он не смог отвлечь его от широких духовных запросов и природных склонностей. В истории Молдавии Дмитрий стал известен как один из самых выдающихся и дальновидных государственных деятелей, оправдавших, как увидим ниже, чаяния лучших людей своей страны. Он проявил себя весьма широко и на научном поприще; в нашей литературе его называют ученым энциклопедистом.[7]

Когда Константин Кантемир занял молдавский престол, Дмитрию было десять лет. В четырнадцатилетнем возрасте

ему пришлось отправиться в Константинополь в качестве заложника (до того заложником был там же его старший брат Антиох). Как выразился биограф Антиоха Кантемира, «турки пользовались этим мало гуманным средством, чтобы держать в руках подвластных им правителей».[8] В столице Турции Дмитрий прожил четыре года, после чего его сменил тот же брат Антиох, ставший впоследствии господарем Молдавии.[9]

Годы, проведенные Дмитрием на чужбине, были посвящены усиленным занятиям. В Константинополе находилась многочисленная греческая колония, которая населяла часть города, называвшуюся Фанар. Здесь жило много знатных и ученых греков. Один из них, Маналаки, основал Академию, где обучались православные юноши. В среду этих подростков попал и сын молдавского господаря, находившийся в турецкой столице в качестве «аманата» (заложника).

В труде Дмитрия Кантемира по истории Оттоманской империи содержится описание этого учебного заведения.[10] В нем значительное место занимают характеристики преподавателей, среди которых были не только богословы, но и незаурядные знатоки медицины, философии, филологии и др. Кантемир указывает, кому из них и чем он обязан в изучении различных дисциплин. Наряду со значительным числом преподавателей, учивших по схоластическим канонам, там были и наставники, интересовавшиеся положительными знаниями. Они возбуждали у своих учеников желание следовать их примеру.

В годы пребывания в Константинополе Дмитрий усиленно занимался турецким языком, а также турецкой музыкой.[11] В биографиях Дмитрия Кантемира отмечено, что сочиненные им «музыкальные пиесы» долго распевались в Турции «с удовольствием и с великою от знатоков оного народа похвалою».[12]

В 1691 г. Дмитрий, смененный в роли аманата вторично братом Антиохом, вернулся на родину и незадолго до кончины отца был избран господарем Молдавии. Турецкий султан не утвердил этого избрания. Популярность Дмитрия в Молдавии, стонавшей под турецким игом, угрожала господству поработителей. Ему пришлось вновь вернуться в Константинополь. Там 10 (21) сентября 1709 г. у него родился сын Антиох.[13]

В Константинополе Дмитрий продолжал свои научные занятия, работая главным образом над вопросами истории. Завершить же эти свои труды он смог лишь после переезда в Россию, к чему его побудили следующие обстоятельства.

В 1710 г. турецкие власти назначили Дмитрия господарем Молдавии. Как и украинцы того времени, передовые молдаванские деятели видели путь к освобождению от турецкой за-

висимости в соединении с Россией. Начиная с 40-х годов XVII в. молдаване неоднократно направляли в Москву посольства с просьбой взять под защиту их страну, включив ее в состав Русского государства.[14] Турецкие правители надеялись, что такой популярный в Молдавии человек, как Дмитрий Кантемир, занимая пост господаря, сможет повлиять на своих соотечественников и удержать их в повиновении султану.[15] Кантемир же ясно понимал, что, находясь в составе Оттоманской империи, молдавский народ никогда не будет избавлен от порабощения. Поэтому, придя к власти, он решил завершить дело, начатое за семьдесят лет до того.

Разбитый под Полтавой шведский король Карл XII бежал в Турцию, где при помощи Англии и Франции ему удалось склонить султана объявить в 1710 г. войну России. Между тем в подвластных Оттоманской империи славянских странах, а также в Молдавии и Валахии нарастало освободительное движение. Взоры борцов за освобождение от турецкого ига с надеждой обращались к России. Господарь Молдавии — Кантемир и Валахии — Бранкован вступили в переговоры с Петром I, обязуясь оказать помощь русским войскам.[16]

В дипломе, выданном 13 апреля 1711 г. Петром I Дмитрию Кантемиру, §§ 13—14 гласят:

«Если когда между нашим царским величеством и салтаном Турским мир сочиниться может, то княжество Волошское[17] обороны и защиты нашего царского величества никогда лишено да не будет, а наипаче домогатися между главными пунктами Волошскими, чтоб княжество Волошское к нашему царскому величеству належати должно было.

«Ежели неприятель (что всемогущий бог да отвратит) усилится и Волошское владетельство в поганском владении останется, то он, яснейший принц Волошский, в таком случае имеет наше соизволение, в наше государство прибежище свое иметь, и во оном из казны нашего царского величества повсягодно толико расхода иметь будет, колико князю довольно быть может, также и наследники его нашего царского величества жалованья вечно не будут лишены. . .».[18]

Эта война, известная под названием Прутского похода 1711 г., протекала в неблагоприятных для России условиях и окончилась неудачей. Имея значительное численное превосходство — основные силы русской армии были сосредоточены на севере,[19] — неприятель поставил русские войска в тяжелое положение, и они попали в окружение на территории Молдавии.[20]

Дмитрий Кантемир строго соблюдал заключенный им с Петром договор. Когда русские войска переправились через

Днестр, Кантемир открыто перешел на сторону России, несшей избавление молдавскому народу от векового ярма.[21] Весь народ радостно встречал своих избавителей. Молдавский летописец И. Некулче отмечал: «Тогда все христиане радовались москалям».[22] Кантемир всеми средствами помогал русским войскам. В июне 1711 г., как только русские войска вступили в Молдавию, Петр I в послании к Кантемиру выразил ему глубокую благодарность за оказанное русским войскам содействие и торжественно обещал гарантировать после освобождения страны права Кантемира и его потомства на молдавский престол.[23]

Однако на основании заключенного с турками мирного договора Петр вынужден был вывести свои войска из Молдавии. С ним ушли Кантемир и оставшиеся ему верными молдаване, которые переселились в Россию.[24]

Ролью Дмитрия Кантемира в войне 1711 г., а затем и в Персидском походе 1722 г.[25] интересовались все, кто писал о Петре. Отметим, что А. С. Пушкин в работе о Петре I неоднократно касался деятельности Дмитрия Кантемира.[26]

В России Дмитрий Кантемир сначала поселился на юге страны, где ему были отданы поместья неподалеку от Харькова, потом в 1713 г. переехал в Москву. И здесь главное внимание он уделял научным занятиям. Однако круг его интересов значительно расширился, особенно, когда в 1719 г. он переселился в Петербург.[27]

Научное наследие Д. Кантемира составило восемь томов, изданных Румынской академией наук.[28] При его жизни увидела свет лишь незначительная часть работ.[29] Но и этого было достаточно для распространения известности Кантемира как ученого далеко за пределами России. Это подтверждает избрание его в члены Берлинской академии, выдавшей Кантемиру диплом, в оригинале составленный по-латыни.[30] По поручению Берлинской академии он написал работу по истории Молдавии.[31]

Об уважении к Кантемиру как к ученому в России свидетельствует то, что когда Петр I задумал основать Академию наук, то вероятным кандидатом на пост президента называли Дмитрия Кантемира.[32] Он несомненно занял бы этот пост, если б не скончался за два года до открытия Академии. В одной немецкой энциклопедии было напечатано, что должность первого президента Петербургской академии наук занимал именно Дмитрий Кантемир. По этому поводу академик Г.-Ф. Миллер, первый историк Академии, писал: «Князь Кантемир был сочлен Берлинской академии наук, но сие в записках оной Академии пропущено. А что в Иохерском ученом словаре[33] сделан директором Академии петербургской и сказано о нем,

что многие ученые его примечания находятся в Комментариях Петербургской академии,[34] то явная ошибка. Когда учреждена оная Академия, князь Кантемир был уже на том свете».[35]

Известность Дмитрия Кантемира, после того как произведения его стали печататься на западноевропейских языках и были высоко оценены в научном мире, необычайно возросла. В предисловии к французскому переводу его капитального труда по истории Турции, изданного в 4 томах в Париже в 1743 г., мы находим следующие строки:

«История возвышения и падения Оттоманской империи есть труд государя более знаменитого своими добродетелями и обширностью познаний, чем благородством крови и древностью происхождения. Потомок великого Тамерлана, легендарного покорителя прекраснейшей части Азии, он сумел вознаградить себя за превратности судьбы полетом своего гения, который выше тронов и венцов».[36]

Близкое знакомство с бытом восточных народов и изучение их истории и культуры — современные востоковеды признают, что Кантемир был знатоком арабской письменности и эпиграфики,[37] — убедило его в том, что ни одна нация или группа наций (например, европейские народы) не могут считаться стоящими выше остальных. В произведении, направленном против ислама, говоря об элементах культуры, Кантемир подчеркивал: «Смело могу рещи, яко восточные племена ничемже нижшие суть западных».[38]

На деятельности Кантемира остановился В. Г. Белинский в своей работе «Портретная галлерея русских писателей». Отмечая, что биографы подчеркивают происхождение Кантемиров по прямой линии от Тамерлана, он писал:

«Для русской литературы все равно: от Тамерлана или еще древнее — от Адама произошел сатирик Кантемир. Для нее довольно знать, что он был сын молдавского господаря Димитрия Кантемира, столь известного в истории Петра Великого по турецкой войне, кончившейся миром при Пруте. Князь Димитрий был человек ученый. С особенным удовольствием занимался он историей, «был весьма искусен в философии и математике и имел великое знание в архитектуре»; был членом Берлинской академии; говорил по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латыни, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом молдавском и русском языках. . . Очень естественно, что у такого отца дети были людьми учеными и образованными».[39]

Надо сказать, что последнее замечание применимо только к Антиоху и, пожалуй, к его старшей сестре Марии. Братья же

его, хотя и дослужились до высоких чинов, в науке себя не проявили, несмотря на то что отец старался об образовании всех одинаково.

В 1713 г. Дмитрий Кантемир поселился в Москве. Антиоху не было тогда еще и четырех лет. В это время он лишился матери, урожденной Кантакузен [40] (она была дочерью Волошского господаря).[41] Большое влияние на воспитание маленького Антиоха имела его старшая сестра Мария, которая и заменила ему мать. О Марии Кантемир, сыгравшей известную роль в личной жизни Петра I, имеется обстоятельная работа, написанная академиком Л. Н. Майковым.[42] Вот как он характеризует эту замечательную женщину: «Чтение княжна Мария очень любила и знала в нем толк; читала она самые серьезные книги — от священного писания, житий святых до сочинений исторического и вообще научного содержания, но не пренебрегала также произведениями изящной словесности, древней и новой; что недостаточно понимала сразу, то не ленилась перечесть вновь, обдумывала прочитанное, и даже решалась высказывать о том свое мнение». Биограф Кантемира Гуаско отметил особую близость Антиоха и его сестры Марии. «Их вкусы, — писал он, — совершенно совпадали. Мария была широко образована и любила литературу. Антиох часто ей писал и получал от нее письма на греческом, итальянском и французском языках».[43]

Проявляя большую заботу об образовании своих детей, Дмитрий Кантемир завещал все свое состояние тому из них, кто проявит наибольшие способности к наукам. Он старался дать им солидное образование, приглашая авторитетных учителей, о которых необходимо сказать несколько слов.

Вместе с Дмитрием Кантемиром в Россию приехал священник Анастасий Кондоиди, который во время пребывания Дмитрия Кантемира в Константинополе преподавал в упоминавшейся уже тамошней Академии.[44] Он и был приглашен в дом Дмитрия Кантемира в качестве воспитателя его детей. Кондоиди был человеком широко образованным, и это не ускользнуло от внимания Петра I, который в 1721 г. при учреждении Синода назначил Кондоиди его асессором «во уважение его просвещения и особенных сведений в церковных уставах».[45] Впоследствии Кондоиди стал епископом Вологодским, а затем Суздальским. Он был близко знаком с некоторыми из первых членов Петербургской академии наук. Академик И.-П. Коль,[46] занимавшийся историей славянской литературы, называл Кондоиди своим «глубокоуважаемым другом и покровителем» и характеризовал как «человека непревзойденной доблести, учености и любезности».[47]

Подобрать в замену Кондоиди столь же образованного и сведущего в древних языках учителя было нелегко. Дмитрий Кантемир вспомнил о томившемся в ссылке Либерии Коллети, причастном к делу царевича Алексея. Отношения Кантемира с Петром были настолько близкими, что он не побоялся гнева царя, и его дети подали челобитную, в которой просили «повелеть на наш пароль отдать иерея Либерия Колетия, который по указу вашего царского величества в Соловецкий монастырь сослан, понеже он вышереченных языков предовольно искусен. И когда либо ваше царское величество от нас его востребовать изволит, мы всегда готовы его поставить».[48] Однако просьба эта не была удовлетворена.[49]

Для всестороннего образования детей Кантемира, готовившихся к поступлению в русскую службу, необходим был преподаватель русского языка, сведущий в светских науках. Таким был признан питомец Московской славяно-греко-латинской академии И. И. Ильинский (ум. в 1737 г.). Его знания и способности были настолько выдающимися, что его хотели отправить за границу для продолжения образования. Но Дмитрий Кантемир упросил позволить ему взять Ильинского в наставники к своим детям. Ильинский не только обучал детей Дмитрия Кантемира, но и выполнял обязанности его секретаря, находясь неотлучно при нем, даже тогда, когда Дмитрий занимал должность начальника канцелярии Петра I и сопровождал его в 1722 г. во время Персидского похода.[50] С Дмитрием следовала и вся его семья.

Все биографы Антиоха отмечают, что Ильинскому он обязан бо́льшим, чем овладение основами знаний. Ильинский известен как переводчик, которому было не чуждо и литературное творчество. Он писал стихи и, вероятно, первый возбудил у Антиоха серьезный интерес к литературе. С Ильинским Антиох Кантемир поддерживал дружеские и деловые отношения до самой его кончины. Ильинскому принадлежит перевод на русский язык произведения Дмитрия Кантемира об исламе, написанного по-латыни.[51]

При учреждении Петербургской академии наук Ильинский был назначен переводчиком.[52] Историки русской науки не проходят мимо его деятельности на этом поприще. Ему и его товарищам М. П. Сатарову и И. С. Горлицкому принадлежит огромный и весьма нелегкий труд в создании русской научной терминологии.[53] В. К. Тредиаковский, известный русский филолог и поэт, отмечал, что «князь Антиох Димитриевич Кантемир, знаменитый по роду своему и толь славный по наукам, в российском стихотворстве, но ученик, прославляющийименем и удобопонятностью учителя своего, помянутого Ильин-

Дмитрий Кантемир (1673—1723).
(Портрет неизвестного художника).

ского».[54] Не прошел мимо переводческой деятельности Ильинского и академик Коль, называвший его «человеком довольно просвещенным и образованным».[55] Высокую оценку деятельности Ильинского и личных качеств его дал историк Академии Миллер.[56]

Образование Антиоха не ограничивалось одними лишь занятиями с домашними учителями, он учился, как указывают его биографы, и в Московской славяно-греко-латинской академии, из стен которой в первой половине XVIII в. вышло немало выдающихся деятелей в области науки и культуры. Однако в этом учебном заведении Антиоху пришлось учиться лишь короткое время.[57] Хотя главной задачей, которую ставила перед собой Академия, была подготовка своих питомцев к церковной деятельности, контингент учащихся составляли не только выходцы из духовного сословия. Замечательно, что в первой половине XVIII в. здесь учились дети и разночинцев и знати.[58] Они получали солидное образование, которое не было исключительно богословским.

Такое направление деятельность Академии приняла помимо и даже вопреки воле церковного начальства, которое рассматривало вверенное ему учебное заведение исключительно как школу для подготовки служителей культа. Ректор Академии Гедеон писал, что в ней «происходят во учении токмо духовных персон дети, которые б могли в духовный чин происходить».[59] Однако культурный подъем, который переживала вся страна в первые десятилетия XVIII в., породил такую тягу к образованию, что Академия, основанная при монастыре, превратилась почти в общеобразовательную школу. В ней, как сказано выше, получили возможность учиться, кроме детей духовенства, представители дворянских и аристократических семей, а также выходцы из самых разнообразных слоев населения — дети мастеровых, солдат, стряпчих, купцов.

Академия вынуждена была в какой-то мере удовлетворять более широкие запросы многих учащихся, не готовившихся к духовной карьере. На это в один голос указывают все биографы Ломоносова. Вот что писал наиболее известный исследователь его жизни и творчества Б. Н. Меншуткин: «Пребывание Ломоносова в Академии было для него плодотворно, так как, кроме латинского языка и других наук, позволило ему несколько пополнить то, чего ему недоставало — общее образование; а логика и философия способствовали развитию той ясности мышления и изложения, которые проявляются во всех его научных произведениях».[60] В биографии же Ломоносова, написанной в XVIII в.,[61] мы читаем: «В свободные

25 маия
453

Всепресветлейший, Державнейший Император
и Самодержец всероссийский, Петр Великий,
Отец Отечествия, Г[осу]д[а]рь всемилостивейший.

1

Крайнее желание имею учитися: а склонность в себе усмотряю к латинском языке снискати науки, а имянно знание истории древния и новыя, географию, юриспруденцию и что к стату политическому надлежит. Имею такожде и к математическим наукам немалую охоту, такожде между делами и к миниатуре.

2

Но понеже вышепомянутые науки гораздо рачителнее снискиваются, також и удобнее приобретаются в знаменитых окрестных государств академиях: требуется и к исполнению того пребывание и денежное иждивение, а сиротство мое и крайней в деньгах недостаток без всякаго моего изъяснения сами собою вашему императорскому величеству доволно ведомы суть.

3

Того ради всенижайше прошу, да повелит высокодержавство ваше мене нижайшаго для приобретения вышепомянутых наук отпустить в окрестные государства, и для моего сиротства по монаршеской своей великодушии, хотя малое что на тамошнее иждивение милостивейше пожаловать.

Вашего императорскаго величества

Маия 1724 году
Подано 25 маия

всенижайший раб
Князь Антиох Кантемир

Прошение Кантемира, поданное Петру I.

Центр. гос. архив древних актов (ЦГАДА).

часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке. Находимые в оной книги утвердили его в языке славянском. Там же, сверх летописей, сочинений церковных отцов и других богословских книг, попалось в руки его малое число философических, физических и математических книг».[62]

Последние строки являются важным источником для выяснения условий, в коих находились учащиеся Славяно-греко-латинской академии. Указание на наличие пособий по естественнонаучным дисциплинам (напомним, что в то время термин «физика» был понятием гораздо более широким, чем в наши дни; определение его, данное Антиохом Кантемиром, будет приведено ниже) свидетельствует, что Академия действительно превращалась в общеобразовательное учебное заведение. В то же время слова о «малом числе» таких пособий говорят о том, что Академия не могла полностью удовлетворить запросы любознательных учеников. Вот почему наиболее способные из них стремились за границу, где наука развивалась шире и в более благоприятной обстановке.

На западноевропейские университеты, или, как их тогда нередко называли, Академии, обратились и взоры Антиоха Кантемира. Еще в 1711 г. в числе других привилегий, предоставленных Дмитрию Кантемиру, Петр I определил: «Князю ездить к Москве и в иные города, также и посланным его, и сыновей своих послать для наук в знатные города и в иные христианские страны».[63] В своем духовном завещании [64] Дмитрий Кантемир специально предусмотрел посылку детей за границу с целью продолжения образования. Пункт 4-й гласит: «Из доходов деревень моих и из иных заводов и от жалования императорского величества (ежели имеет оставатися) определить в год по три тысячи рублев для наук детей, к которым, чтоб показал милость его величества и послать бы их в иных странах, где его величество за благо рассудит, а пока неопробованы будут в науках и в других инструкциях, которые суть надобны императору и государству, в наследники не определять».[65] Завещание это не датировано, но из пункта 10-го можно заключить, что оно было составлено во время Персидского похода, т. е. в 1722 г.[66] — Антиоху не было тогда еще и тринадцати лет.

Дмитрий умер через год. Жизнь и деятельность этого выдающегося человека до наших дней не перестает интересовать историков как в нашей стране,[67] так и за рубежом, особенно в Румынии; [68] изучением творчества Д. Кантемира занимается и Молдавский филиал Академии наук СССР, издающий его труды.[69]

Обстоятельства сложились так, что наследником отца был признан Константин Кантемир, женившийся на дочери Д. М. Голицына (1665—1737), влиятельного вельможи при царском дворе.[70] Между братьями возникла тяжба, которая длилась много лет. Антиох остался без средств к существованию. В мае 1724 г. он обратился к Петру I с просьбой разрешить ему отправиться за границу и определить «хотя малое что на тамошнее иждивение».[71]

Этот документ, написанный рукою четырнадцатилетнего мальчика, является наиболее ранним из известных нам автографов знаменитого писателя и служит весьма важным штрихом в его биографии. В начале прошения Кантемир говорит о «крайнем желании» учиться и указывает, какими дисциплинами он хотел бы заняться. Это прежде всего история — древняя и новая; затем следуют география, юриспруденция и все, «что к статуту политическому надлежит». Далее Кантемир пишет о своей «не малой охоте» и к математическим наукам, что по тем временам означало широкий круг естественнонаучных дисциплин. Он указывает и на желание изучать искусства. К занятиям всем этим он считает себя подготовленным, так как овладел основами латыни.

Большой интерес представляют строки прошения Кантемира, где он говорит о своем материальном положении. Оказывается, что царю были известны затруднения, которые испытывал молодой Антиох, — «сиротство мое и крайний в деньгах недостаток без всякого моего изъяснения сами собою вашему императорскому величеству довольно ведомы суть».[72] Никакой резолюции на прошении Кантемира нет; имеется лишь сделанная писарской рукой помета, что прошение подано 25 мая 1724 г.

Дело, как говорили в старину, осталось без последствий. Биографы Кантемира объясняют это тем, что был уже утвержден проект учреждения Академии наук и Университета при ней.[73] Однако прошло не менее двух лет, пока приехавшие из-за границы академики стали читать курсы лекций. Антиох Кантемир был среди первых их слушателей,[74] находясь в то же время и на военной службе.[75]

ГЛАВА II

ПИТОМЕЦ АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

При основании Петербургской академии наук перед ней ставились более широкие задачи, нежели перед подобными научными корпорациями на Западе, имевшими своим назначением проводить исключительно научные изыскания. В нашей же стране высшее научное учреждение было призвано заниматься наряду с исследовательской также и педагогической деятельностью.[1]

Ученые, занявшие вакантные места в Академии, обязаны были обучать молодых людей в специально созданных при ней учебных заведениях — Гимназии и Университете. Задолго до открытия Академии было разработано Положение о ней, в котором отмечалось: «Понеже ныне в России здание к возращению художеств и наук учинено имеет, того ради невозможно, чтобы здесь следовать в протчих государствах принятому образу; но надлежит смотреть на состояние здешнего государства, как в рассуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была».[2]

Конечно, Академия заботилась прежде всего о том, чтобы питомцы академических учебных заведений пополняли ее личный состав, начиная с должностей канцеляристов и переводчиков и кончая действительными членами.[3] Но при учреждении Академии, когда в стране, кроме духовных учебных заведений, не было (если не считать военных училищ) ни средних, ни высших школ, предполагалось, что она наряду с ученой деятельностью будет готовить кадры не только для исследовательской работы, но и для занятия ответственных государственных постов.

Из числа первых студентов Академического университета вышли ровесники Кантемира — будущий президент Мануфактур-коллегии В. Е. Адодуров (1709—1780), занимавший с 1762 г. пост куратора Московского университета,[4] и П. З. Кондоиди (1709—1760), ставший впоследствии Главным директором над Медицинской канцелярией и имеющий большие заслуги в развитии врачебного дела в России.[5]

Начальная история Академического университета очень слабо изучена. Сохранившиеся материалы, служащие источниками для изучения первого в стране высшего учебного заведения, представляют собой лишь разрозненные и отрывочные документы. Сказанное относится к сведениям и о Кантемире-студенте.[6]

В июле месяце 1727 г., через полтора года после официального открытия Петербургской академии наук, от нее потребовали представить в Верховный тайный совет «ведение, сколько профессоров (академиков, — *М. Р.*) и протчих в Академии служителей имеется, и их число жалованья, с известием и что они уже сделали, что касается до наук, и о обучении младых людей, и что будут делать впредь».[7] К поданной записке (доношению) был приложен «Реестр, количество число в Академии наук профессоров, студентов и протчих академических служителей и оным надлежит давать годового жалованья, кроме квартир, дров и свеч»; в том месте, где говорится об учащихся, которые «при профессорах обретаются»,[8] значится имя Антиоха Кантемира.

Сохранился документ, свидетельствующий о том, что Кантемир был одним из самых первых студентов Университета, учрежденного при основании Петербургской академии наук. Когда в 1740 г. Правительствующий Сенат запросил у Академии сведения, «сколько с начала оной Академии из шляхетства, будучи в той Академии в науках юриспруденций обучилось и кто имяны, и оные из той Академии куда выпущены и где ныне обретаются»,[9] в представленном списке на первом месте значится «волосского господаря сын, князь Антиох Кантемир».

Наряду с официальными документами важным источником для изучения жизни Кантемира является его эпистолярное наследие. Но опубликованная переписка Кантемира относится уже к периоду пребывания его за границей;[10] хранящиеся же в Архиве Академии наук СССР неизданные письма Кантемира, содержащие ценные сведения о нем, присланы им из Москвы, т. е. относятся к тому времени, когда он уже закончил свое образование в Академическом университете.

Источником для биографии Кантемира, начиная с очерков, появившихся в русской литературе еще в XVIII в., служит его жизнеописание, составленное аббатом Гуаско,[11] которому Кантемир сам сообщил многие сведения о себе. Эта биография, написанная вскоре после смерти Кантемира, приложена к его «Сатирам», изданным в 1749 г. на французском языке.[12]

Говоря о полученном Кантемиром образовании, автор указывает, что математике Кантемир учился у Бернулли, физике у Бильфингера, истории у Байера, философии и литературе у Гросса.

Эта биография страдает многими неточностями. Тем не менее, написанная в значительной мере со слов самого Кантемира, она не теряет своего значения до сих пор. Так, например, только из произведения Гуаско мы узнаем, как учился Кантемир и о его успехах. По словам Гуаско, Кантемир «начал в Академии курс методических и непрерывных занятий под руководством самых талантливых профессоров, которых император привлекал со всех сторон». Далее Гуаско сообщает, что успехи Кантемира были быстрыми и Академия «восхищалась превосходством и разносторонностью талантов князя».[13]

Гуаско назвал не всех наставников Кантемира. В числе его учителей был еще и Ф.-Х. Майер (1697—1729). Он учился в Тюбингенском университете; в 1725 г. вместе с Бильфингером приехал в Петербург, где сначала был зачислен студентом Академического университета. Менее чем через полгода президент Академии наук Л. Л. Блюментрост [14] издал распоряжение: «Понеже студент Меэр разные пробы искусства своего объявил, того ради велено оного в Академию наук определить профессором матезис чрезвычайным и жалованья давать ему по триста рублев в год».[15]

У Майера Кантемир получил первые основательные познания в области математики, к которой сохранил интерес на протяжении всей своей жизни. Ближе всех знавший Кантемира его биограф Гуаско, встречавшийся с ним изо дня в день, сообщает: «Занятием, которому он отдавал больше всего времени, со времени прибытия во Францию, была алгебра, которую он изучил когда-то давно. Он полностью занимался ею почти два года и, когда счел себя достаточно подготовленным, составил по алгебре труд на русском языке, который остался в рукописи. Можно с уверенностью сказать, что не было ума более способного в этой науке, чем у него. Отличительными качествами его ума были точность и основательность. Это бросалось в глаза даже тем, кому мало приходилось слушать его рассуждения, будь то в политических делах или в вопросах, касающихся искусств и наук. Он всегда

исходил из основных начал, делал из этого выводы и шел прямо к истине».[16]

Познания Кантемира в математике были хорошо известны в кругу наиболее авторитетных специалистов в этой области, со многими из которых он был лично знаком. О сношениях его с выдающимся французским математиком Мопертюи речь будет впереди. Здесь отметим, что Кантемир состоял в переписке и с наиболее крупным авторитетом того времени, Л. Эйлером, который делился с ним результатами вычислений, связанных с изучением кометы 1742 г.[17]

Всем этим Кантемир был обязан прежде всего Майеру. В надгробной речи, произнесенной Бильфингером [18] на могиле Майера, читаем: «К его непреходящей славе служит то, что он имел счастье и талант так обучить математике его светлость младшего сына волошского господаря Дмитрия Кантемира, Антиоха Кантемира, что он за время около двух лет овладел геометрией и алгеброй и сможет в предстоящей поездке во Францию [19] поддержать славу знатнейшего русского дворянства перед высшей школой наук в Париже. Письма из Москвы, которыми этот князь удостаивал покойного в течение двух лет, являются доказательством как его любви, так и учености, и в будущем послужат в такой же мере к чести князя, в какой мере они были ранее утешением и радостью для нашего усопшего».[20]

О том, что Кантемир учился у Майера, имеются сведения в труде первого историка Академии наук Г. Ф. Миллера,[21] который сам был одним из первых студентов Академического университета.[22] Кроме этих сведений, появившихся уже в печати, имеется еще известие в неопубликованном документе «Реестр студентам», составленном в 1732 г. И. Д. Шумахером, когда он представлял Сенату обзор деятельности Академии.[23] Там значится: «Антиох Кантемир, принц молдавский, слушал от 1726 до 1727 года у профессоров Гросса и Майера философию и математику. Был в то время поручиком гвардии Преображенского полку, а ныне обретается российским императорским министром (послом, — *М. Р.*) при королевском Британском дворе».[24]

На основании источников, говорящих о годах обучения Кантемира в Университете, следует полагать, что он учился в Академии едва ли более 2 лет.[25] Тем не менее полученные им знания выдвинули двадцатилетнего юношу в ряд наиболее образованных людей того времени. Этим он обязан был в значительной мере Петербургской академии.

Образование Кантемира было широким и разносторонним. Своей естественнонаучной подготовкой он обязан академику

Бильфингеру, приехавшему в Петербург вместе с первыми академиками. О нем необходимо сказать здесь несколько слов. Разработка физических проблем в Петербургской академии наук берет свое начало с исследований этого ученого.[26] Из документов, отражающих отношения между учителем и учеником, сохранились письмо Бильфингера к Кантемиру и ответ последнего.[27] Но эта переписка имела место уже в 1736 г., более чем через пять лет после того, как Бильфингер уехал из России, а Кантемир уже свыше четырех лет занимал пост посла в Англии. О том, чему учился у Бильфингера Кантемир, можно судить по различным произведениям последнего. Сюда относится, кроме перевода «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля и примечаний к нему, еще и первая сатира «На хулящих учение».[28]

Документы, отражающие начало деятельности Академии, позволяют судить о содержании курса физики, который Бильфингер преподавал своим слушателям. В обращенном ко «всем любителям добрых наук, и наипаче рачителям к учению» объявлении о курсе лекций, которые начали читать в январе 1726 г. академики, говорится:

«Георг Бернгардт Бильфингер, физики экспериментальной и феоретической профессор, искусства физикальные восприимет, с изъяснением их и конклюзиями, следствуя в том Гравесанду в институциях философии невтонианской, для пользы академической в 1723 году изданных».[29] Об этом же сказано и в объявлении, датированном 27 августа 1727 г.: «В лекциях толкует слушателям своим наставления физические по предводительству (учебному руководству, — *М. Р.*) Гравесандову, купно же отправляет и курс физических всякого рода экспериментов».[30]

Первые работы по изучению трудов Ньютона, вышедшие в России, связываются с началом деятельности Петербургской академии наук, при этом указывают на приведенное выше место из объявления о лекциях академиков.[31] Сам Бильфингер, ученик X. Вольфа (который был учителем и М. В. Ломоносова), принадлежал к антиньютонианцам, но, не разделяя теоретических воззрений Ньютона, Бильфингер излагал своим студентам все то, что было сделано великим английским ученым в области естественных наук, которые объединялись тогда общим названием «физика».

Комментарий Кантемира к «Разговорам о множестве миров» изобилует главным образом астрономическими объяснениями, стихотворение же его «В похвалу наук» свидетельствует о знакомстве автора с трудами Ньютона по оптике.[32] К этой области физики Кантемир надолго сохранил интерес. Через много

лет, живя в Париже в качестве русского посла, он перевел трактат о свете Альгаротти.[33]

Общее мировоззрение учителя Кантемира оказало на последнего исключительное влияние. До приезда в Россию Бильфингер был экстраординарным профессором Тюбингенского университета, где он немало терпел за свои естественнонаучные взгляды. Профессора из консервативного лагеря чуждались его, считая чуть ли не атеистом. Таким Бильфингер надолго остался в памяти тюбингенцев. В изданной почти через сто лет после его смерти истории Тюбингенского университета отмечается: «Человек с большими способностями, ясным мировоззрением и острым умом, он был одним из наиболее выдающихся лейбницианцев. В философских занятиях у него скоро начались столкновения с богословами, считавшими опасной ту ясность, с которой он применял основные положения новой философии также и к религиозным истинам».[34]

Эти обстоятельства принудили Бильфингера оставить Тюбинген и ухватиться за предложенное ему, по рекомендации Вольфа,[35] место в Петербургской академии наук. Как и все приехавшие в Россию ученые, он обрел здесь возможность заниматься научными изысканиями в несравненно лучших, чем на родине, условиях,[36] не опасаясь открыто выражать свои взгляды и прививать их своим слушателям. Ярким свидетельством этого является влияние его на формирование общего мировоззрения Кантемира, его «воспитание и наставления», о которых сам Кантемир говорит в посвящении к переводу книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». Это влияние и побудило Кантемира взяться за такое необычайно смелое дело, на осуществление которого потребовалось целых десять лет.

Наибольшую пользу Кантемиру как студенту Академического университета из всех дисциплин, усвоенных им в Славяно-греко-латинской академии, принес латинский язык. Преподавание в Университете велось на этом языке [37] — академики русского языка не знали и за редким исключением, как например Миллер и Эйлер, не старались им овладеть.

Еще до поступления в Славяно-греко-латинскую академию Кантемир получил превосходное по тому времени домашнее образование, значительной частью которого также являлось изучение латинского языка, но в сравнении с тем, что требовалось для занятий в Университете, оно было явно недостаточным.[38]

На кафедру греческих и латинских древностей в Академию наук был приглашен Г.-З. Байер. Он занимался также восточными языками и историей. О нем Миллер писал: «Скоро по при-

езде своем в Петербург, Байер оказался человеком, который, по-видимому, был создан для классических древностей... Доказательством его невероятных трудов служит множество статей в академических Комментариях: исторический отдел их, пока он был жив, наполнялся исключительно одними его трудами».[39] Наши сведения о взаимоотношениях Кантемира с учителями гуманитарных дисциплин гораздо полнее, чем о его связи с преподавателями точных наук.

Одно из писем Кантемира Байеру — оно написано 16 июля 1730 г., т. е. более чем через два года после того, как Кантемир оставил Петербург и жил в Москве, — свидетельствует о восторженном уважении, с которым он относился к своему учителю-классику. В нем мы читаем:

«Если я редко пишу Тебе, славнейший муж, то не приписывай это моей нерадивости. Ведь я так люблю Тебя и мне доставляет величайшее удовольствие делать то, что, как я знаю, сколько-нибудь Тебе приятно. Я пишу так редко, ибо писать по-латыни затрудняюсь, зная Твое искусство и красноречие. Я боюсь, что оскорблю Твой слух. Но я все же буду писать чаще, чтобы не лишиться Твоих писем, которые всегда мне чрезвычайно приятны».[40]

Примечания, составленные Кантемиром к выполненным им переводам и к собственным сочинениям, относились не только к вопросам естественнонаучным. Значительное число их касается сведений литературных и исторических; это несомненно являлось результатом занятий у Байера. Однако отношения его с Байером были гораздо ближе и шире. С этим ученым Кантемира связывало издание трудов его отца Дмитрия и биографии его деда Константина.[41]

В 1729 г. в Академии наук было объявлено, что «князь Антиох Кантемир „Турецкую историю“, трудами отца его блаженной памяти, сочиненную, в Академию отдать намерен, ежели оную соблаговолят в печать отдать, понеже оная и в Голландии с великим желанием и приятностью принята будет».[42]

Сам Кантемир не считал себя способным выполнить работу по подготовке к печати этого обширного труда своего отца и просил поручить это Байеру, являвшемуся тогда единственным востоковедом в Академии наук. Из письма Кантемира к Шумахеру видно, что рукописное наследие его отца оставалось в Петербурге и находилось под присмотром Ильинского, от которого, по указанию Антиоха, надлежало получить рукопись «Турецкой истории».

Антиох понимал, что труд его отца не лишен недостатков, но обнаружить их мог только компетентный специалист. «Поэтому, — писал Кантемир, — господина Беера просить стану

(ведая его во всем, что древности и ориентальной истории касается, преискусна), чтоб по своей любви труд приложил ее всю прочесть, и где что худо — исправить, где не полно — добавить, и имея во всем полную власть, привесть ее в совершенство».[43]

В связи с хлопотами об издании труда Дмитрия Кантемира Антиох начал непосредственную переписку с Байером, который охотно взялся за это дело. 12 апреля 1729 г. Байер писал своему ученику: «Мы думали об издании записок по Турции Твоего отца, бессмертного мужа, и я со дня на день откладывал исполнение моего приятнейшего долга, пока смогу написать Тебе что-нибудь определенное об этом деле. Сегодня я, наконец, освободился от этого затруднения, ибо уже решено, как будет делаться этот труд. Итак, я принялся за эту работу».[44] Далее Байер сообщает, что к произведению Дмитрия Кантемира составит его жизнеописание, которое не замедлит послать Антиоху.

Этой работой Кантемир остался весьма доволен. В ней были приведены сведения и о его предках и в конце биографические данные о нем самом. Последнее смутило двадцатилетнего юношу, и он просил изъять строки, касающиеся его. «То немногое, — читаем мы в ответном письме Кантемира, — что Ты столь изящно написал о жизни моего отца и предках, я прочитал с любезной помощью г-на Ильинского. Я убедился, насколько это написано хорошо, правильно и со знанием дела. Там нет ничего, что я хотел бы изъять, за исключением конца сочинения. Я высоко чту Твое уважение к памяти моего отца и приношу Тебе глубочайшую благодарность».[45]

Книга эта, по свидетельству Миллера, не была издана Академией наук, так как Антиох Кантемир, получив в 1731 г. назначение в Англию, забрал с собой рукопись, увидевшую затем свет не на латинском языке, на котором была написана, а на английском. Впоследствии был сделан перевод па французский и немецкий языки.[46]

На русском языке работа Байера по истории рода Кантемиров была издана почти через полвека после его смерти. Умер Байер в 1738 г. Известный издатель-просветитель Н. И. Новиков в 1783 г. напечатал на латинском и русском языках труд Байера под названием: «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина, сочиненная С.-Петербургской Академии наук покойным профессором Беером с российским переводом и с приложением родословия князей Кантемировых». Книга снабжена предисловием издателя и им же составленными примечаниями, весьма ценными для биографов Антиоха Кантемира.

Из тех академиков, у которых учился Кантемир, он дольше всех поддерживал переписку с Х. Ф. Гроссом [47] и ближе всех с ним сошелся. Как писал историк Академии наук П. П. Пекарский, Гросс был «любимый наставник кн. Антиоха Кантемира».[48] Предметы, которым обучал Гросс, наиболее соответствовали складу ума и интересам Кантемира. В жизнеописании его, составленном Гуаско (было переведено в несколько сокращенном виде на русский язык и помещено в родословной, приложенной к биографии Константина Кантемира), мы читаем:

«Предпринял он в оной Академии выслушать у искуснейших профессоров, выписанных по повелению Петра Великого, порядочный курс вышних наук. . . — нравоучительной философии у Гросса. Сию последнюю науку предпочел он всем другим, говоря, что оная человеку необходимо нужна, поколику научает нас познавать самих себя, поступать честно и сделаться полезным обществу».[49]

По заключенному с Бильфингером контракту, помимо всего прочего, он должен был подготовить одного или двух студентов к самостоятельной научной работе.[50] Это были приехавшие с ним в 1725 г. его ученики по Тюбингенскому университету Майер и Гросс, которые продолжили в Академическом университете свое образование.[51] В конце 1725 г., как и Майер, Гросс был произведен в экстраординарные профессора, а в январе 1726 г. стал наравне с другими академиками читать курсы лекций. В цитированном объявлении о начале занятий в Университете сказано: «Христиан Фр. Гросс, философии нравоучительной профессор чрезвычайный, научать будет эфике, по книге Пуфендорфской, яже о должности человека и гражданина».[52]

Пуфендорф (Pufendorf, Samuel, 1631—1694) был известен в России еще до открытия Академии наук. В 1718 г. по распоряжению Петра I был напечатан русский перевод его работы по истории Европы.[53] Упомянутая же книга Пуфендорфа, служившая пособием при прохождении преподаваемого Гроссом курса, была издана в русском переводе в 1726 г.[54] Взгляды Пуфендорфа на абсолютную монархию оказали свое влияние на Кантемира, который впоследствии примкнул к представителям дворянства, боровшегося с аристократической верхушкой за неограниченную власть монарха.[55]

Как и со всеми академиками, с Гроссом был заключен контракт, по которому он обязался в течение пяти лет служить в Академии. По истечении этого срока Гросс возбудил ходатайство об увольнении. В датированном февралем месяцем 1731 г. донесении президента Блюментроста сказано: «В Ака-

демии наук обретается профессор Гросс, который во оной Академии по контракту своему урочное время выжил. А ныне оный требует, дабы от оной Академии уволить и дать апшит».[56] Но Гросс после отставки не уехал из России, а занял место секретаря Брауншвейг-Вольфебютель-Бланкенбургского посольства в России,[57] находясь и на службе у вице-канцлера Остермана. Когда по воцарении Петра II двор переехал в Москву, там пребывал и дипломатический корпус.

В годы пребывания в Москве не прекращалось общение Кантемира с Гроссом. В письмах последнего в Академию и к отдельным академикам нередко упоминается имя Кантемира, в частности в связи с предпринятым им изданием сочинения отца, а также и своего перевода Фонтенеля. В письмах Гросса вообще много говорится об академических изданиях, на которые в Москве был большой спрос.

Находясь в Москве, Кантемир все время поддерживал связи с Академией. Так как за отсутствием Блюментроста ею целиком управлял Шумахер, то свои письма Кантемир адресовал этому последнему. Первое письмо к нему датировано 14 марта 1728 г. Оно составлено в самых изысканно вежливых выражениях, какими вообще отличаются все письма Кантемира, даже и в тех случаях, когда адресат не мог вызывать у него особого почтения. Но письмо к Шумахеру бесспорно является лишним свидетельством о том, какое значение приобрел в Академии всесильный библиотекарь. Конечно, для нас больше всего интересно, что, вращаясь в кругу придворного общества и находясь в близких отношениях с юным царем,[58] Кантемир пристально следил за деятельностью Академии, Шумахер это знал и считался с этим. Как только выходили из печати Труды Академии, он посылал их Кантемиру. Они печатались на латинском языке. В 1728 г. было издано «Краткое описание Комментариев Академии наук» (ч. 1).[59] В этом издании были напечатаны некоторые работы учителей Кантемира. Особый интерес представляло сочинение Байера «О стене кавказской», в котором опубликован эпиграфический труд Дмитрия Кантемира, выполненный им во время Персидского похода. Дмитрия Кантемира интересовали главным образом надписи, сохранившиеся на остатках древней крепости, и он их скопировал. Этот ценный памятник и был предметом публикации Байера. В протоколе заседания Конференции (Общего собрания) Академии наук от 6 марта 1728 г. читаем: «Славный Байер представил на рассмотрение собрания карту Кавказской стены, начерченную славной памяти покойным князем Дмитрием Кантемиром и любезно переданную Байеру его младшим сыном Антиохом Кантемиром».[60]

Получив том Трудов Академии, Кантемир писал Шумахеру: «Ежели бы довольные Вашей ко мне любви и благосклонности не имел доказательства, не смел бы утрудить Вас сим моим письмом, которого суть две крайние причины: во-первых, должности моей быть признаю благодарить Вас за присланную ко мне новоизданную в Академии нашей книгу. Она, может быть, меня лучше научит, сколько я Вам имею быть обязан. Я, по своей возможности, буду стараться, чтоб любовь Вашу, которую доселе не заслужил, впредь правильно заслужить мог. Также прошу Вас, чтоб меня всегда имели в любви своей и почтили бы меня своим письмом, мне дражайшим. С моей же стороны так полезная корреспонденция николи не будет оставляема».[61]

Сохранились еще два письма Кантемира к Шумахеру, из которых одно до сих пор не было опубликовано. В каждом из них речь идет о посланных Кантемиру Трудах Академии, тщательно собиравшихся им. Второе из упомянутых писем (оно датировано 16 марта 1729 г.) является замечательным документом, характеризующим облик Кантемира, которому претила всякая неправда, в особенности, когда она выражалась в лести по отношению к нему самому. Опытный царедворец, Шумахер был весьма искусен в подхалимстве. Заискивая перед каждым вельможей, Шумахер расточал и Кантемиру похвалы сверх всякой меры и утверждал, что только он один способен понимать содержание Трудов Академии, в которых печатались работы по всем областям знания. Кантемир решительно отклонял столь грубое превозношение его заслуг. «Среди моих соотечественников, — подчеркивал он, — немало таких, которые преуспевают в науках».[62] Шумахер это, конечно, знал. Ему были известны, например, успехи в математике Адодурова, вызывавшие восхищение у занимавшего эту кафедру в Академии Д. Бернулли.[63] Но особенно характерны для Кантемира следующие написанные им строки: «Мне многого недостает, чтобы я мог без труда читать, что содержится в этой книге («Трудов»). Ибо она наполнена столь многими тончайшими научными предметами, что на многих страницах для меня это не более, как набор слов, из-за новизны вопросов или из-за своеобразия терминологии, принятой в науках, мне неизвестных».

Переписка с Шумахером касалась и вопроса об издании труда Дмитрия Кантемира по истории Турции. Небезынтересно отметить, что автор готовил свою работу к печати еще в Константинополе и заказал там портреты султанов, о которых речь идет в его книге. Мало того, там были изготовлены уже и клише, правда, не совсем пригодные для репродукции. «Понеже, — писал Антиох, — для лучшего совершенства не худо приложить

и персоны султанов, которых история описана (коли те не годятся, за свою грубость, которые у нас вырезанные имеются доски), можете, взяв персон тех оригинал в Царьграде рисованный, и с них приказать академическому мастеру вновь вырезать. Оригинал тот имеется у Ильинского, и можете у него взять».[64]

Кантемир прожил в Москве менее четырех лет. За это время им была создана большая часть его литературных произведений — сатиры, песни (оды), басни, эпиграммы.[65] В Москве же был выполнен упоминавшийся уже перевод сочинения Фонтенеля «О множестве миров». Все эти работы в значительной мере были предприняты под влиянием мыслей, пробужденных в нем занятиями у выдающихся ученых, личным примером показывавших образцы самоотверженного служения любимому делу. Несмотря на то что отец Кантемира больше всего желал, чтобы его сын посвятил себя науке, Антиох, желая стать наиболее полезным России, обратился к трудам на ином поприще — к дипломатии и литературе. Ими он оказал родной стране неоценимые услуги. В одаренных писателях-публицистах и высокообразованных государственных деятелях Россия нуждалась тогда не меньше, чем в ученых-исследователях. Кантемира захватило бурное течение общественно-политической жизни, и он оказался в центре важнейших событий начала 30-х годов XVIII в.

Поэтическое творчество Кантемира в первой же опубликованной им сатире своей общественно-политической заостренностью сразу же обратило на себя внимание всех тех, кто участвовал в борьбе с реакционными силами, поднявшими голову после смерти Петра. Хотя произведения Кантемира оставались ненапечатанными свыше четверти века, это, однако, не мешало их быстрому и широкому распространению по всей стране [66] и вызывало даже подражания.[67]

Свою первую сатиру Кантемир направил против невежд и мракобесов, назвав свое сочинение «На хулящих учения», с подзаголовком: «К уму своему». Воспитанник Академического университета, оказавшись в центре общественно-политической жизни страны, столкнулся с яркими проявлениями реакции против науки и просвещения. Сам Кантемир в автокомментарии писал: «Сатира сия, первый опыт стихотворца в сем роде стихов, писана в конце 1729 года, в двадесятое лето его возраста. Насмевается он его невежам и презирателям наук, для чего и надписана была „На хулящих учения“».[68]

Обстановка в стране была такова, что Кантемир не смог напечатать это свое первое публицистическое произведение.[69] На русском языке оно увидело свет через восемнадцать лет после смерти автора.[70]

В нем с уничтожающим сарказмом высмеивались как светские, так и духовные невежественные карьеристы, бессильные что-нибудь ценное создать, но в жизни преуспевающие. Только те, кто занимает прочное положение в обществе, благодаря своим связям и изворотливости достигают высоких почестей.

«Можно и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги».[71]

Конечно, и раньше недостатка в карьеристах и пустозвонах не было; Кантемир в специальном примечании указывает: «Слова *в наш век* посмешкою вставлены», он тут же подчеркивает: «Путь к истинной славе всегда бывал весьма труден, но в наш век легко многими дорогами к ней дойти можно, понеже не нужны нам уже добродетели к ее приобретению».[72]

Действительно, труден был тогда путь ученого и писателя, часто терпевших неимоверные лишения. Ученый, как правило, не только не получал достойной оценки, но и подвергался еще преследованиям со стороны благоденствующих невежд. На такую участь обречены были все, кто посвятил себя служению музам, (как объяснил в примечании Кантемир, «обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют»[73]).

«Всех неприятнее тот [путь], что босы проклали
Девять сестр.[74] Многи на нем силу потеряли
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами саду; [75]
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду».[76]

Тем не менее успехи просвещения в России в то время были неоспоримы, и это было признано во всем мире. Эти успехи, достигнутые русскими просветителями, были завоеваны в результате упорной и ожесточенной борьбы. Ведь каждый новый шаг их приводил в ужас реакционеров, среди которых особо отталкивающими были ханжи, вызывавшие самое большое отвращение у Кантемира. В его сатире изображен ханжа Критон, типичный сторонник занимавшего пост местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского — вождя консерваторов и противника Феофана Прокоповича. Однако обскуранты оказались бессильными оградить молодежь от новых веяний, к которым она оказывалась весьма восприимчивой. Критон с сокрушением восклицает:

«Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушав, что сами не знали,

Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину
Мало веры подая священному чину».[77]

Трудно себе представить более яркое выражение идей Ф. Прокоповича,[78] который, несмотря на архиепископский сан, был одним из самых убежденных сторонников новейших достижений науки, отвергавших библейскую космогонию. Прокопович открыто придерживался гелиоцентрических воззрений.[79] Своей ученостью Прокопович заметно выделялся даже среди наиболее образованных русских людей. Датский путешественник Фон-Гавен, будучи в России, встречался с Прокоповичем и впоследствии писал о нем: «По знаниям у него мало или почти нет никого равных, особенно между русскими духовными. Кроме истории, богословия и философии, у него глубокие сведения в математике и неописанная охота к этой науке».[80] А другой иностранец, испанец Рибера, писал, что библиотека Прокоповича по своему богатству не имеет себе равных в России.[81]

Никто лучше Прокоповича не мог оценить значение произведения начинающего поэта, лира которого была так созвучна его собственным взглядам. Как рассказывает Кантемир, один из его приятелей попросил дать ему переписанный экземпляр сатиры, чтобы ее прочесть, и без его, Кантемира, разрешения послал это сочинение Феофану Прокоповичу, не указав, кто его автор.[82] Прокопович, сам блестящий публицист и в то время уже известный драматург и поэт, сразу оценил необычайный талант неведомого ему автора. По словам Кантемира, Прокопович стал деятельно распространять сатиру — «ее везде похвалами стихотворцу рассеял». Прекрасно понимая, какую роль может сыграть такое произведение, Прокопович этим не ограничился («тем не доволен») и, возвращая сатиру, приложил в дар незнакомому автору книгу «Гиральдия о богах и стихотворцах», обратившись к нему со стихотворным посланием, начинающимся следующими строками:

«Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоин ты славы;
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы
Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты
Благо, что бог дал ум тебе здравый;
Пусть весь мир будет на тебя голосливый
Ты и без счастья довольно счастливый».[83]

Замечательно то, что Прокопович, воздавая в последующих строфах должное автору сатиры, так метко высмеивавшему

пороки, особенно подчеркивал в нем черты ратоборца за науку:

> «Объемлет тебя Апполин великий,
> Любит всяк, кто есть таинств его зритель».[84]

В литературе по истории русской общественной мысли, по почину Г. В. Плеханова,[85] когда речь идет о 20—30-х годах XVIII в., отмечаются благотворные усилия ряда деятелей просвещения. Наиболее видным из этих деятелей был, кроме Прокоповича и Кантемира, и Василий Никитич Татищев. Это были люди разные как по возрасту, так и по роду занятий. Внешне, казалось, ничего не могло быть общего между архиепископом Новгородским — Прокоповичем, государственным деятелем — историком Татищевым, проявившим себя на поприще горнозаводской промышленности Урала, и молодым начинающим поэтом-публицистом Кантемиром.[86] И Прокопович, и Татищев были на десятки лет старше начинающего сатирика. И тем не менее имена всех троих стоят рядом в истории русской культуры, так как их общий выдающийся вклад в русскую литературу как бы отодвигает на задний план всю остальную их деятельность, хотя она и сама по себе оставила глубокие следы в истории России. Вспомним хотя бы то значение, которое имели работы Татищева по организации уральской промышленности, сыгравшей столь важную роль в экономическом обновлении страны, или деятельность Феофана Прокоповича на поприще церковных реформ, где он проявил себя прогрессивным деятелем, решительно ставшим на сторону петровских преобразований. Их, как и все прогрессивные силы страны, объединило беззаветное служение обновлению родины. Прокопович, Татищев и Кантемир были наиболее последовательными в своей деятельности и наиболее образованными людьми своей эпохи. Они в своих трудах стремились теоретически обосновать необходимость петровских реформ.[87] Все трое были страстными пропагандистами научных знаний и выступали как противники церковного мракобесия. Их социологические воззрения основывались на так называемом «естественном праве» человека. Важнейшим стимулом прогресса они считали широкое народное просвещение, а источник всех общественных зол видели в невежестве.[88] Отсюда объединяющее их общее название «ученая дружина».

Термин «ученая дружина» был впервые употреблен Прокоповичем именно в послании к Кантемиру, которого он ободряет на борьбу с хулителями науки:

> «А ты как начал течи путь преславный,
> Коим книжные текли исполины,
> И пером смелым мещи порок явный
> На нелюбящих ученой дружины».

Феофан Прокопович (1681—1736).
(Гравюра из изд. Платона Бекетова «Пантеон российских авторов», 1802 г.).

Редко, когда речь идет о русской культуре двадцатых годов XVIII в., не встречается упоминания об «ученой дружине». Но иногда ее роль и значение толкуют неправильно, трактуя ее как некоторую сложившуюся организацию, если не политическую, то хотя бы литературную, наподобие, скажем, «Зеленой лампы» или «Арзамаса».[89] Из приведенных строк послания Прокоповича к Кантемиру нетрудно убедиться в том, что термином «ученая дружина» он характеризует вообще корпорацию ученых людей. Уже свыше ста лет назад [90] было указано, что употребленное Прокоповичем выражение заимствовано им из Горация (Послания, I, 3, 6).[91] Прокопович, говоря об ученой дружине, имел в виду круг образованных людей, объединенных общими идейными установками и противопоставивших себя — конечно, каждый в одиночку — всем поборникам старины. Силы, олицетворявшие «нелюбящих ученой дружины», представляли собой конкретную угрозу всем выразителям прогрессивных идей. Поэтому легко себе представить, сколь ценной для Кантемира явилась поддержка такого передового и влиятельного государственного деятеля, каким был Феофан Прокопович — непоколебимый сторонник государственных реформ.

На послание Прокоповича Кантемир ответил тем, что свою новую сатиру «О различии страстей человеческих» посвятил высокоавторитетному ценителю его таланта. Сатира имеет подзаголовок «К архиепископу Новгородскому». Свои чувства благодарности, вызванные посланием Прокоповича, Кантемир выразил в особом стихотворении «Благодарительные стихи Феофану Прокоповичу»:

«Устами ты обязал меня и рукою,
Дал хвалу мне свыше мер, заступил немало —
Сатирику то забыть никак не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулит трубою.
Нет! Но силы воздавать дары равномерны
В знак благодарения — увы! — запрещают.
Приими убо сия, и хоть не блистают
Дары изящством, однак знаки воли верны».[92]

Только много лет спустя в Париже Кантемир подготовил собрание своих произведений.[93] Тогда же он составил и примечания к отдельным своим сочинениям. Они служат незаменимым источником для характеристики умственного кругозора Кантемира и его эпохи, а также содержат материалы для выяснения взаимоотношений Кантемира и Прокоповича.

Вот что мы читаем в первых строках Примечаний к сатире III:

«В начале примечаний на первую сатиру изъяснено, каким образом оная и ея сочинитель от Феофана Прокоповича, архиепископа Новгородского, приняты и похвалены. Оный его преосвященства поступок был поводом настоящей сатиры, которую стихотворец сочинил в 1730 году нарочно, чтоб в ней собрать приличные тому архипастырю похвалы и ему же в знак своего благодарства ее приписать».[94]

Когда Кантемир писал эти примечания, Прокоповича не было уже в живых; он умер в 1736 г., более чем через четыре года после того, как Кантемир уехал за границу. Как в России, так и за рубежом Кантемир интересовался многогранной деятельностью Прокоповича, имя которого было ему близко знакомо с детских лет — Прокопович, как и семья Кантемиров, принимал участие в Прутском походе.

Обращаясь в своих сочинениях к широкому кругу читателей, Кантемир счел необходимым включить в них краткую биографию этого выдающегося государственного деятеля.[95] Он сообщает сведения о происхождении Прокоповича, об обучении его в Киевской духовной академии, где тот «прошел стихотворство, витийство и философию». Упомянул Кантемир и об его поездке в Польшу, Германию и Италию. Петр I во время посещения Киева обратил внимание на исключительно одаренного и широко образованного молодого учителя философии Киевской академии. Впоследствии он привлек его к участию в работе над церковной реформой.

Своим умственным развитием Кантемир в основном, конечно, обязан петербургским академикам, у которых он учился, но тем не менее и Прокопович с полным правом также мог бы считаться его учителем. Он был автором тех произведений, которые оставили в сознании одаренного юноши глубокий след. Что же касается общественно-политических взглядов, то именно Прокопович оказал наибольшее влияние на Кантемира. Те идеи, которые так горячо пропагандировал его последователь в своих сатирах, он проводил в жизнь.[96]

Необходимо отметить, что Прокопович до конца жизни оказывал Академии наук действенную поддержку, покровительствуя в трудные минуты ее членам и сотрудникам. Тесные дружеские отношения сложились у Прокоповича с академиком Г.-З. Байером. Последний посвятил ему труд по китаеведению «Museum Sinicum».[97] Его Прокопович привлек к преподаванию в созданной им в Петербурге школе для сирот и бедных детей.[98] Прокопович оказывал всяческое содействие Г. В. Стеллеру, который по его представлению был определен в Академию адъюнктом по кафедре естественной истории.[99] Стеллер принял участие в знаменитой Камчатской экспедиции, где он показал

себя не только как одаренный ботаник и вообще всесторонне образованный натуралист, но и как на редкость выносливый путешественник, который легко переносил самые тягостные лишения.[100] Академика Гросса, учителя Кантемира, Прокопович называл своим другом и посылал к нему питомцев своей семинарии.[101] Академик Х. Гольдбах,[102] выступая в 1735 году в Академии по вопросам о составлении ее истории, говорил о Ф. Прокоповиче, что он «уже давно с отеческой любовью следит за нашими работами и оказывает всякого рода благоволение».[103]

В современной западноевропейской литературе признается, что своими успехами, превзошедшими в некоторых отношениях даже широкие замыслы Лейбница, представлявшего свои проекты Петру I,[104] первые петербургские академики обязаны прежде всего передовым деятелям русской культуры. Вот что пишет историк русско-немецких научных связей Э. Винтер:

«Они (академики) открывали изумленному миру широкие горизонты. Индия, Китай, Япония и Аляска не были пределами этой обширной панорамы, они стали предметом подробного исследования. Ожидания Лейбница в начале XVIII века исполнились сравнительно быстро, даже были превзойдены. Правда, они (академики) не сами по себе пришли к такой широте взглядов, это был взгляд русского просвещения, которому они служили и которое было начато Петром Великим, поддержано и значительно подвинуто вперед такими людьми, как Прокопович, Татищев, Кантемир. Ими двигали социально-экономические изменения, происходившие в России в начале 18-го века».[105]

Прокопович был старше Татищева всего на пять лет, но и последний, несомненно, испытал на себе влияние этого просвещенного сподвижника Петра. Татищев, как и Прокопович, активно содействовал Академии в ее работе. Он вел переписку со многими ее членами. Немалая часть его эпистолярного наследия хранится теперь в Архиве АН СССР.[106]

Вслед за Прокоповичем и Татищев выступил против обскурантизма, проявив себя убежденным сторонником распространения просвещения и наук в родной стране. Свои взгляды он подробно изложил в написанном в форме диалога сочинении «Разговор о пользе наук и училищ». В нем на вопрос: «Что в правлении нужное разумение?» Татищев дает следующий ответ: «Сие есть главнейшее и нужнейшее в государстве, чтоб правление всех в государстве училищ такое было, которое бы в состоянии находилось все вреды и препятствия ко умножению наук предупредить, а вкравшиеся отринуть, о сохранении общей пользы прилежать и оную, колико удобно, умножать».[107]

Нельзя не поражаться грандиозными для того времени планами организации народного образования, задуманными Татищевым, которые значительно опередили свое время.

Это произведение Татищева дает возможность составить яркое представление об облике просвещенного и гуманного деятеля того времени. Неутомимо пропагандируя новейшие достижения науки, он не забывает указать, что сам он не свободен от ошибок.

В уста одного из своих собеседников Татищев вкладывал следующие слова:

«Что вы сумневаетесь о плоде сего разговора, я удивляюсь. Понеже вы могли приметить, что многие, бывшие при сей беседе, со вниманием слушали, и надеюсь, что в рассуждение примут и оное в свою и ближнего пользу употребят таким образом, что могут и другим, равномерно или еще лучшим порядком и со умножением изъясня, к пользе объявить, а к научению детей родителям охоту подать. Что же вы приметили некоторые уничтожающих, презирающих или и дурачащих нас, то истино может быть правда. Только вы не извольте дивиться, что такие люди находятся, которые по злонравному нраву, все доброе и их буйству противное за зло почитают; ибо с одного цвета вредительны по природе наук получают отраву, а блаженная пчела с того же цветка приносит мед. Равномерно и в сих злые, ухватясь за какое-либо слово, на зло толковать начнут. Да есть ли причина того невинному бояться. Я не говорю, чтоб я, говоря так, много не погрешил; но и того не отрекаюсь, когда меня кто обличит правильно, в чем погрешено, я готов исправиться и его за показание лучшего знания благодарить».[108]

Как видим, эти три лица, каждый своими средствами, преследовали по мере своих сил одну и ту же цель — вывести страну на широкий путь культурного развития, покончив со всем, что мешало этому движению. «Философы и поэты, — писал В. А. Жуковский, — употребляют оружие насмешки для пользы нравов. Сатирик и стихотворец комический имеют то сходство с моралистом-философом, что они действуют для одной цели, к которой, однако, достигают различными путями. Моралист рассуждает и, убеждая ум, говорит сердцу; напротив, комик [юморист] и сатирик осмеивают моральное безобразие и тем более привязывают нас к красоте моральной, которая становится ощутительнее от противоположности».[109]

Но «ученая дружина» не ограничивалась одной лишь литературной деятельностью. Она оказалась в центре политических событий, когда в стране сложилась особенно тяжелая обстановка с воцарением Анны Иоанновны. Вся власть тогда

едва не перешла к немногочисленной клике так называемых «верховников» — членов Верховного тайного совета, уже в предыдущее царствование показавшего свое тлетворное влияние на государственные дела.

Наиболее ярыми борцами против надвигавшейся опасности выступили Прокопович и Татищев. К ним примкнул и двадцатилетний Кантемир, которому, несмотря на его юный возраст, в разыгравшейся борьбе выпала видная и ответственная роль.

Анна Иоанновна легко согласилась с условиями, предъявленными ей «верховниками», и подписала акт, согласно которому у нее оставалась лишь видимость власти, а подлинное управление страной переходило к «верховникам». Противники последних решили просить царицу взять обратно уже подписанные ею «пункты». Это было опасно: в случае неудачи подписавшие такую петицию поплатились бы головой. Нужно было проявить немалое мужество, чтобы решиться на такой рискованный шаг. Кантемир, не колеблясь, принял самое активное участие в этом деле. Он пропагандировал среди гвардейских полков идею борьбы с верховниками,[110] что сыграло немаловажную роль в подготовке гарнизона к сплоченному выступлению против притязаний захватившей власть клики.[111] Ему поручили составить текст обращения к царице.[112] В поданном ей адресе передовое дворянство просило: «Присланныя к вашему императорскому величеству от верховного совета, подписанныя вашего величества рукою пункты уничтожить». Далее мы читаем:

«Только всеподданнейше ваше императорское величество просим, чтоб соизволили ваше императорское величество сочинить, вместо Верховного совета и высокого Сената один Правительствующий Сенат, как при его величестве блаженныя памяти дяде вашего императорского величества Петре Первом было и исполнить ево довольным числом двадцати одною персоною; также де и ныне в члены и в предь на упалые места во оный Правительствующий Сенат и в губернаторы и в президенты повелено было шляхетству выбирать балатированьем как то при дяде вашего величества его императорском величестве Петре Первом установлено было и при том всеподданейше просим, чтоб по вашему всемилостивейшему подписанию форму правительства государства для предбудущих времен ныне уставляв».[113]

По свидетельству Гуаско, Кантемир, ратуя за абсолютную монархию, был противником деспотизма: «Он слишком уважал драгоценные остатки свободы среди людей». И далее добавляет: «Но он полагал, что в условиях момента следовало держаться установленного порядка, ибо он всегда думал, что

Всепресветлейшая державнейшая
великая Государыня Императрица
Анна Иоанновна,
Самодержица Всероссийская

Когда ваше императорское величество
всемилостивейше изволили пожаловать
всепокорное наше прошение, собственно
для лучшаго утверждения и пользы оте-
чества нашего сего числа подписать,
недостойных себе признаваем благодарствия
за таковую превосходную вашего импера-
торского величества милость; однако
усердие верных подданных, которое
от нас должность наша требует,
побуждает нас по возможности нашей
не показатися неблагодарными; для
того в знак нашего благодарства все-
подданнейше приносим и всепокорно просим
всемилостивейше принять самодержа-
вство, таково каково ваши славные
и достохвальные предки имели, а при-
сланные к вашему императорскому величеству

Первый лист челобитной Анне Иоанновне.
Сочинена А. Кантемиром в 1730 г.
(ЦГАДА).

монархия, умеренная аристократией, является самым лучшим образом правления. Именно это так восхищало его в Англии, где Парламент, удерживая верховную власть в надлежащих границах, препятствует ей возвышаться над законом и ограждает подданных от печальных последствий самодержавного правления».[114]

Участие в политической жизни страны столкнуло Кантемира с Остерманом, ведавшим иностранными делами. Вице-канцлер под любым предлогом старался избавиться от ставшего уже известным сатирика.[115] На словах Остерман высказывал симпатию к молодому многообещающему вельможе, готовя в то же время средства для его удаления.[116] Удалению Кантемира от двора содействовал и всесильный временщик Бирон.[117] Случай к этому представился в 1731 г., когда возобновились дипломатические отношения между Россией и Англией. На пост русского посла был назначен 22-летний Кантемир. Бирон заверял императрицу: «Пусть возраст князя Кантемира не причиняет Вам беспокойства, я его знаю и отвечаю за его способности».[118] Кантемир оставил Россию и отправился в Лондон в январе 1732 г.[119]

ГЛАВА III

В ЛОНДОНЕ И В ПАРИЖЕ

Путешествие из России в Англию длилось три месяца. По дороге, находясь в Голландии, где полиграфическое дело было на высоком уровне, Кантемир договорился с одним издателем о напечатании упоминавшегося уже труда его отца по истории и географии Молдавии, но это не было осуществлено.[1]

В Лондон Кантемир прибыл в конце марта.[2] Отзывы английского резидента в Петербурге К. Рондо, прибывшего в Россию еще в 1729 г.,[3] о только что назначенном посланнике предопределили высокое уважение к нему,[4] а его личные качества и широкое образование укрепили благоприятное мнение о нем как в придворных кругах, так и в дипломатическом корпусе. Английский министр иностранных дел лорд Гарингтон сообщал в Петербург, что Кантемир производит на всех самое хорошее впечатление.[5] Первый биограф Кантемира, Гуаско утверждает: «Известность его как писателя предшествовала ему в Лондоне, и в этом городе такое звание было достойно уважения».[6]

Выдающиеся способности Кантемира, сразу же проявившиеся на новом для него поприще, заставляли всех, кто с ним общался, забывать о его возрасте и о небольшом его чине.[7] Об этом помнили только в Петербурге, особенно придворные дамы, которые, невзирая на высокий пост,[8] занимаемый Кантемиром, не переставали обременять его различными мелкими поручениями, вплоть до приобретения для них всякого рода вещей, таких, как «дамская епанча», «шелковые чулки», нюхательный табак «рапе с виолетом» и т. п.[9]

С первых дней пребывания Кантемира в Лондоне ему пришлось заняться делами, о которых он, вероятно, ранее и не подозревал. В Англии оказалось немало русских людей. Некоторые из них были посланы Петром I для обучения различным специальностям. После смерти Петра о них забыли;

предоставленные самим себе, они очутились в бедственном положении. Повторилось то, что имело место за два с лишком века до того, когда при Борисе Годунове русские молодые люди были отправлены учиться в английских университетах и о них вспомнили лишь в царствование Михаила Федоровича, когда следы этих студентов, за исключением одного — Григорьева, — затерялись.[10] Кантемир затратил немало времени и сил, чтобы вернуть своих соотечественников на родину. Особенно он заботился о возвращении некоего Левкина, посланного в Англию для обучения монетному делу, но все хлопоты Кантемира остались безрезультатными.[11]

Немало забот причинили русскому послу в Лондоне выступления известного в XVIII в. итальянского авантюриста Локателли, появившегося в 1733 г. в Петербурге. Ему удалось войти в доверие к академику Делилю и его брату, также члену Петербургской академии, Делилю де Кройеру, собиравшемуся в Камчатскую экспедицию. С ним Локателли доехал до Казани, где был заподозрен в шпионаже, а затем выслан из России. В 1735 г. он, мстя русскому правительству, издал в Париже так называемые «Московские письма» (Lettres Moscovites), полные клеветы на ту страну, где его изобличили в ряде предосудительных поступков. Как писал Кантемир Остерману, сочинение Локателли «с крайнейшею бесстыдностью и продерзостью порекает двор, министров и весь народ российский».[12] Книжка с необычайной быстротой распространилась по Европе: она дважды была издана в Париже, переведена на английский язык, и кроме того, была напечатана еще в Кенигсберге. Такая литература, начиная с петровских времен, когда Россия вышла на широкую международную арену, интенсивно распространялась на Западе. Для разоблачения враждебной пропаганды Петру пришлось даже пригласить немецкого публициста Г. Гюйссена, который в ряде произведений дал достойный отпор зарубежным злопыхателям.

Против пасквиля Локателли Кантемир принял свои меры. Не добившись запрещения этой книги в Англии, он поручил своему секретарю Генриху Гроссу (впоследствии русскому послу в Англии), брату своего учителя, перевести ее на немецкий язык и снабдил ее возражениями, изобличавшими авантюриста.[13] Положение, которое занимал Кантемир, и его общепризнанный авторитет придавали особый вес этой отповеди Локателли.

Русский посланник резко выделялся среди представителей других государств, аккредитованных при британском правительстве. Он сразу же обратил на себя внимание окружающих тем, что все свободное от служебных обязанностей время по-

священно углубленным научным занятиям, всемерно расширяя круг знаний, приобретенных на родине. Свой высокий дипломатический пост он широко использовал для служения науке и литературе.[14] Друзей он, происходивший сам из высшей аристократической знати, выбирал не из среды особ высокопоставленных, а делил свои досуги с представителями науки, литературы и искусства; в большинстве это были выходцы из Италии.[15] В первой на русском языке биографии Кантемира отмечено: «Время, которое ему оставалось от министерских [посольских] дел не преминул он употребить на просвещение своего разума в такой земле [стране], которая сделалась отечеством науки и художеств [ремесел]. Дом его был сборищем ученых людей, кои привлекаемы были как его славою, так и приятным обхождением. Англию почитал он за центр всех наук, и часто сие утверждал в своих разговорах».[16]

В этих строках содержится, правда, некоторое преувеличение: в 30-х годах XVIII в. Англия уже не занимала того первого места в мировой науке, как в начале столетия. Напомним, что ко времени приезда Кантемира в Лондон Ньютона давно уже не было в живых. Достойный преемник его в области математики, механики, астрономии и физики — Л. Эйлер производил свои блестящие исследования на берегах Невы. Но и тогда Англия сохраняла свое превосходство в области некоторых наук, в частности в астрономии и в изготовлении научных инструментов. Издавна (и, пожалуй, почти до наших дней) она славилась точным приборостроением.

Петербургская академия наук пристально следила за каждым новым шагом, сделанным английскими специалистами в области экспериментальной техники и в изготовлении аппаратуры, которой пользовались в своих исследованиях ученые всех стран. В обширной переписке Кантемира с президентом Петербургской академии наук И. А. Корфом[17] первое же письмо Корфа касается как раз этого вопроса.

В начале 1735 г. в Академии стало известно, что английский мастер физических приборов Сиссон изготовил угломерный аппарат, названный универсальным астрономическим инструментом. Академия существовала менее чем десять лет, и ее подсобные мастерские, которые могли бы изготовлять сложные приборы, только создавались; их расцвет относится уже ко второй половине XVIII в., когда во главе мастерских стал знаменитый русский изобретатель И. П. Кулибин (1735—1818). Он и организовал, в широких для того времени масштабах, производство необходимой Академии аппаратуры. В первой же половине века научные инструменты ввозились, вначале из Голландии, а затем из Англии. Это заставило Корфа обратиться

к Кантемиру с просьбой помочь Академии приобрести только что появившийся новый угломерный прибор.

Об этом инструменте Корфу сообщил один приехавший из Лондона профессор; он рассказал, что встречался там с Кантемиром и заверял Корфа, что молодой русский посланник (ему едва минуло двадцать пять лет) своими познаниями поражал первоазрядных ученых и что они были счастливы беседовать с ним. Профессор этот утверждал также, что поскольку изобретение «универсального инструмента» представляет большой интерес, оно не могло ускользнуть от внимания Кантемира. В своем обращении к нему Корф писал: «Ваша любовь к науке, а также обязанности по должности, которой благоугодно было е. и. в. облечь меня, доверив мне управление С.-Петербургской Академией наук, дает мне право написать Вам это письмо по поводу одного математического инструмента, . . изготовленного Джонатаном Сиссоном».[18] В заключение Корф выражает надежду, что просвещенный представитель России в Англии будет всегда содействовать разрешению задач, стоящих перед Петербургской академией, и «не пропустит случая» предпринять все то, что способствует развитию науки.

Все письмо Корфа составлено в весьма учтивых выражениях, обращенных к вельможному корреспонденту, который занимал в служебной иерархии более высокое место, чем президент Академии наук. Это было совершенно излишним: к Академии наук Кантемир относился с таким же благоговейным почтением, как и в свои студенческие годы. В ответном письме Корфу, которое он не замедлил послать,[19] Кантемир не оставил без внимания тех строк из письма Корфа, где говорится об уважении, которым пользуется русский посланник в Англии: «Очень прошу Вас, — писал он, — поблагодарить того профессора, который так убедительно говорил в мою пользу; считайте, все эти похвалы лишь плодом его любезности».[20]

Далее Кантемир выражает свое удовлетворение по случаю назначения Корфа президентом Академии. Корф принимал участие в борьбе с верховниками, в которой Кантемир сыграл столь важную роль. Он был близок Кантемиру и своим свободомыслием. При дворе Корфа даже считали вольнодумцем.[21] Поэтому нельзя отнести только к обычным выражениям вежливости следующие слова из этого письма Кантемира к Корфу: «Я очень доволен, милостивый государь, тем, что е. и. в. остановила свой выбор на таком достойном лице, каким являетесь Вы, поручив Вам руководство своей Академией наук. Вы можете рассчитывать, милостивый государь, что я не упущу ни одной возможности служить Вам в этой стране и доказать Вам, как я Вас уважаю».[22]

Кантемир был очень рад случаю служить родной стране на научном поприще, оказывая Академии посильные услуги, и охотно взялся выполнить поручение Академии. Тысячами нитей он был связан с Россией, но ничто не было для него столь ценным, как животворная связь его с Академией наук. «Прошу Вас, милостивый государь, — писал он Корфу, — быть уверенным, что для меня всегда будет делом чести прилагать свои старания ко всему, что может быть хоть сколько-нибудь полезно нашей Академии».

Просьбу Корфа Кантемир выполнил самым аккуратным образом и сообщил Корфу следующее: «Инструмент соответствует тому представлению, какое Вам о нем дали; я его видел, но не рассмотрел так тщательно, как я это сделал после Вашего письма. Он называется универсальным астрономическим инструментом; но построен так, что с его помощью можно разрешить всевозможные задачи Астрономии и получать все проекции сферы». Далее Кантемир сообщает, что Сиссон изготовил всего два экземпляра своего инструмента; второй, собственно, еще не закончен; работа над ним будет завершена месяца через полтора. Кантемиру удалось получить изображение инструмента, которое он приложил к своему письму. Цена инструмента весьма высокая — 200 фунтов стерлингов. Но Кантемир узнал, что Сиссон изготовляет такие же инструменты и малых размеров, стоимость которых не превышает 25 гиней. Со своей стороны он рекомендовал приобрести последний образец, и в случае, если он выдержит испытания, то мастер согласен обменять его на больший инструмент, с соответствующей доплатой.

Академия согласилась с мнением Кантемира и поручила ему заказать инструмент малых размеров и отправить с ближайшей оказией. Имелось в виду воспользоваться им в Камчатской экспедиции.[23] Кантемир не замедлил выполнить это поручение, и вскоре Академия получила инструмент, который был ею вполне одобрен.[24] Об этом Корф сразу же сообщил Кантемиру. Из письма Корфа видно, что академический мастер Брюкнер взялся изготовить такой же инструмент, но значительно бо́льших размеров, и уже приступил к работе над ним.

Академии не раз потом приходилось прибегать к содействию Кантемира в приобретении и других астрономических приборов. С такой просьбой обратился к нему старейший академик — астроном Ж.-Н. Делиль (1688—1768), как это видно из ответного письма Кантемира, написанного по-латыни:

«Муж славнейший и ученейший! Из долгого моего молчания не заключай, будто я уклоняюсь от поручения, переданного мне Тобою. Я тем более желал бы его исполнить, что всячески

хочу служить интересам Академии наук, к тому же по просьбе столь ученого мужа. Но Ты знаешь английскую независимость — они не любят, когда их к чему-нибудь принуждают. Я посылал к Грэхему[25] в третий и в четвертый раз, прося о разрешении, но до последних дней не получил от него положительного ответа. В беседе он не сказал мне ничего о том, что я предложил ему на основании Твоего письма, кроме того, что он не занимается больше изготовлением математических приборов. Я очень сожалею, что в этом деле не могу исполнить Твои столь достойные просьбы. Что же касается честности и рвения Сиссона, другого механика, который по приказу президента Академии наук г-на Корфа несколько лет назад получил заказ на изготовление малого астрономического прибора, о нем, прошу Тебя, сообщи мне точнее. Я не сомневаюсь, что этот мастер почтет для себя за честь служить своим искусством Академии наук. Между тем, я хотел бы Тебя заверить, ученейший муж, что всегда с готовностью и удовольствием буду исполнять поручения Академии и, в частности, Твои и буду рад случаю проявить себя как преданнейший Тебе А. Кантемир».[26]

Зная о том, в какой мере Кантемир проявляет интерес к научной жизни в России и как внимательно он следит за ее успехами, Корф не только обращался к нему с поручениями, но и сообщал о научных новостях. В одном из его писем имеются, например, такие строки: «. . . в Сибири открыты очень богатые залежи яшмы, иногда там находят глыбы совершенно исключительных размеров. Кажется сама природа раскрывает свои сокровища даже в самых отдаленных провинциях».[27] Кантемир очень дорожил такими сообщениями и в ответном письме писал Корфу: «Я радуюсь новым открытиям в Сибири и крайне Вам признателен за сообщение сведений о них».[28]

Изучение бескрайных просторов России имело в виду не только исследование ее природных ресурсов. Как правило, перед отправлявшимися экспедициями ставились комплексные задачи. В числе академиков, принимавших, например, участие в Камчатской экспедиции, были не одни натуралисты. За деятельностью экспедиций, отправляемых во все концы страны, пристально следили во всем мире. Например, письма Ганса Слоана в Россию являются убедительным тому свидетельством.[29] Вполне поэтому естественно, что известия об экспедициях Академии представляли для Кантемира большой интерес. Корф это знал и в одном письме от 22 февраля 1740 г. сообщал: «Г-н Делиль уезжает в Обдорское к устью Оби,[30] намереваясь наблюдать в апреле месяце прохождение Меркурия по диску Солнца, невидимого в то время в С.-Петер-

бурге; в случае, если пасмурная погода помешает наблюдению, его путешествие окажется весьма полезным для географических и физических открытий, которые г-н Делиль предполагает сделать в этой местности».[31]

Письма к Корфу являются ценным источником к изучению и литературной деятельности Кантемира, отдававшего свой досуг в значительной мере поэтическому творчеству и переводам. Однако произведения Кантемира, даже вполне законченные, годами оставались в рукописи. Тем не менее, оторванный от родины, он не переставал мечтать об активном участии в просвещении родной страны. Этими побуждениями он руководился, предпринимая переводы классиков, которые предназначал для широкого круга читателей. Среди переводов Кантемира было и произведение римского историка Юстина. Перевод этот до нас не дошел, но цитированное письмо к Корфу является лишним свидетельством об этой работе Кантемира. «Если нашей молодежи, — писал Кантемир, — сколько-нибудь будет полезен перевод Юстина на русский язык, то я с величайшим удовольствием продолжу перевод, который сделал почти наполовину; Вам предстоит высказать о нем свое суждение и посмотреть, сможет ли перевод такой книги представить какие-либо преимущества для успехов литературы в нашей стране, ради славы которой мы все работаем.[32]

Годы, проведенные Кантемиром в Англии и во Франции, освещены в литературе главным образом в связи с его дипломатической и литературной деятельностью. Однако для биографии Кантемира весьма существенно ознакомление и с его научными интересами. О них свидетельствует его обширная переписка, особенно с Гроссом, который постоянно сообщал своему бывшему ученику сведения, относящиеся к самым различным сторонам научной жизни в России.

Среди основных задач государственного значения, которые стояли перед Академией, весьма важное место занимали вопросы картографии России. В Академии было организовано специальное учреждение — Географический департамент, деятельность которого привлекала, можно сказать, всеобщее внимание. В одном из писем Гросса Кантемиру читаем:

«Закончена генеральная карта России, которую велел вытравировать г-н Иван Кирилов.[33] Она была преподнесена на прошлой неделе е. и. в. императрице. Здесь еще нельзя получить таких раскрашенных карт; иначе я послал бы Вам один экземпляр с его превосходительством милордом Форбсом (англ. посол, — *М. Р.*), который удостоил меня своим благоволением и своей дружбой во время своего пребывания здесь. Но я постараюсь воспользоваться какой-либо другой

оказией, чтобы послать ее Вам, хотя, если сказать правду, я предпочитаю ей генеральную карту России г-на Страленберга,[34] потому что она более полная. Однако, когда будет закончена карта г-на Делиля, она, без сомнения, будет более совершенной, чем остальные две».[35]

Переписка Гросса с Кантемиром свидетельствует о том, что Гросс не переставал оказывать ему дружеские услуги по расширению его научного кругозора. Услуги эти относились главным образом к своевременной присылке выходивших в России новых книг. Большой книголюб, Кантемир собирал значительную библиотеку, приобретая выходившие в свет новинки и пополняя свое собрание старинными изданиями, среди которых находим книги, напечатанные в XVI в.[36] Из переписки с Шумахером — начало ее относится к 1728 г. — видно, что Кантемир считал необходимым немедленно приобретать каждый том Трудов Петербургской академии, как только он выходил из печати.

В этом деле Кантемиру частенько оказывал помощь и его учитель И. Ильинский. После смерти последнего Кантемир писал Гроссу: «Я получил известие, что бедный г. Ильинский, переводчик Академии наук, умер, я об этом весьма сожалею, тем более, что он часто давал себе труд исполнять мои поручения. Я еще недавно просил его добыть мне через г. Шумахера эстампы к IV тому произведения г. Буксбаума о растениях.[37] Но так как смерть помешала Ильинскому доставить мне это удовольствие, прошу Вас, сударь, взяться за это и послать с ними вместе 5-й том Трудов нашей Академии и другие книги, вышедшие у вас за последние полгода».[38]

Как и во многих других письмах, в этот раз Кантемир сообщает Гроссу о собственных занятиях. Из цитированного письма мы узнаем, в частности, что он работал над составлением русско-французского словаря. «Прилагаю, — писал Кантемир, — также список русских книг, которые мне нужны для усовершенствования русско-французского словаря, начатого мною недавно;[39] прошу Вас отыскать их и купить. Если книги г. Ильинского будут проданы, то разыщите русскую библию и русско-латинский словарь, который был им начат. Может быть, они мне пригодятся для моей работы».

Гросс тщетно пытался выполнить последнюю просьбу Кантемира, как это видно из помеченного 2 сентября письма последнего: «Выражаю Вам тысячу нижайших благодарностей за труды, которые Вы любезно потратили на поиски моих глобусов и прочих бумаг, находившихся в руках покойного г. Ильинского. Я не могу скрыть от Вас моего удивления по поводу того, что среди его вещей не нашлось их следа. Совершенно

достоверно, что эти два глобуса у него были, у меня есть множество его писем, где он о них упоминает; достоверно также, что у него в руках были оригиналы Истории турок моего отца, русский перевод этого труда, переписанный неким Деметри, переводчиком Морской математической школы, и другие тетради, написанные рукою моего отца, не говоря уже о множестве его писем. У Ильинского был также мой портрет в военной форме и несколько книг, одна из них — словарь, упомянутый в письме г. Тредиаковскому».[40]

Из сведений об академической жизни, которые Гросс не переставал сообщать Кантемиру, особенно заслуживают внимания упоминания о предпринимавшихся работах по географии. В первые годы существования Академии наук исследованиями в области географии занимался возглавлявший кафедру астрономии академии Ж.-Н. Делиль, пытавшийся сосредоточить в Академии все дело картографии страны и все связанные с ним смежные дисциплины. Для этого он неоднократно обращался в Правительствующий Сенат, но в течение длительного времени ему не удавалось добиться положительных результатов.[41] Заметный сдвиг произошел после того, как Делиль опубликовал разработанный им обширный план намеченных работ.[42] Обо всем этом Гросс так сообщает Кантемиру: «Большой план по географии, опубликованный недавно г. Делилем, рассмотрен и, может быть, увенчается желанным успехом, когда будет одобрен Сенатом. Здесь ежедневно ждут этого одобрения, поскольку это дело поддерживает и ему покровительствует сенатор князь Юсупов.»[43]

Занятый важными государственными делами и непрерывным литературным трудом, Кантемир никогда не забывал своих учителей. И учителя не забывали своего талантливого питомца; каждый раз, когда представлялась возможность, они спешили засвидетельствовать ему свое уважение. Это подтверждает и письмо Г. Б. Бильфингера от 27 мая 1736 г., представляющее интерес для всех, кто знакомится с биографией первого петербургского академика-физика, сохранившего благодарную память о России.[44]

Вспоминая петербургские годы, Бильфингер писал Кантемиру:

«Я не хотел упустить случая засвидетельствовать Тебе мое уважение и освежить воспоминания о том времени, когда я мог лично выражать Тебе мое расположение. Я представляю себе, как Ты в условиях Лондона успешно продвигаешься в тех науках, которые Ты когда-то не слегка отведывал, а поглощал быстро и жадно. Служебные дела, даже самые тяжкие, которые других совершенно подавляют, Тебя не могут занять

всецело. Мне теперь не удается заниматься науками, если не считать военную архитектуру, в которой я, как мне кажется, сделал некоторые успехи, после того, как нашел несколько новых форм укреплений, совершенно отличных от античных и основанных на совсем других принципах. О, если бы можно было этими постройками принести пользу русским, чтобы они поняли, что можно с половинными затратами строить вдвое лучшие укрепления, чем они обычно строят. . . .Но я не буду писать об этом много, опасаясь Твоего недовольства, что это отвлекает Тебя от Твоих важных занятий».[45]

Издавна одним из наиболее распространенных видов международных научных связей является избрание зарубежных ученых в состав иностранных членов (почетных и членов-корреспондентов) научных корпораций. Такой институт существовал в Петербургской академии наук с ее основания.[46] Избрание в Академию выдающихся ученых Англии и Франции связано с именем Кантемира. Он приехал в Лондон через пять лет после смерти Ньютона, возглавлявшего высшее научное учреждение Англии, с которым Петербургская академия наук установила научные связи еще при жизни великого ученого. Ньютона заменил на посту президента Королевского общества Ганс Слоан, с именем которого связано создание Британского музея. Слоан и был избран первым из английских ученых почетным членом Петербургской академии.

О его многолетних связях с петербургскими академиками сохранилось немалое количество документов. Они почти все опубликованы[47] и красноречиво свидетельствуют о том высоком положении, которое занимала Петербургская академия в мировой науке, и о том, как, в частности, относились в Англии к высшему научному учреждению России.[48] В Петербургскую академию наук Слоан был избран в 1734 г.[49] Диплом, присланный Академией Слоану, был вручен ему Кантемиром.[50]

В 1738 г. Кантемир был назначен русским послом во Францию и в сентябре месяце переехал из Лондона в Париж.[51] Здесь еще больше, чем в английской столице, он сблизился с виднейшими деятелями науки и культуры, чему в значительной степени содействовали привлекательные черты его характера. Они образно запечатлены одним современником. «С первого взгляда, — писал Гуаско, — его характер казался чрезвычайно холодным; но эта чисто внешняя холодность исчезала без следа, когда он находился в обществе людей, которые ему нравились. Его грустное настроение было вызвано больше его длительными недомоганиями, чем влиянием климата его родины, но он был весел со своими друзьями, был очень при-

вязан к ним, и ему доставляло удовольствие услужить им. „Нет ничего более приятного, — говорил Кантемир часто, — чем использовать доверие, которым располагаешь, в интересах других“. В его речах было больше солидности, чем пылкости; однако он умел приправлять их остротами, когда выдавался случай. Его разговор был приятен и поучителен, без пышности или тщеславия. Его вежливость не была ни вычурной, ни натянутой; она исходила из чувства, и он питал отвращение к такой вежливости, в которой видел притворство. Он любил сатиру, но такую сатиру, которая вызывала смех у мудрых и добродетельных. Он был философом; но он понимал, что одинаково рискованно как исключать разум, так и допускать только один разум. Он любил порядок в своем доме и не считал, что долги являются признаком высокого положения. У него был мягкий характер. Будучи некрасивым, он имел одухотворенное и приятное лицо. Он говорил по-русски, по-молдавски, по-латыни, по-итальянски, по-французски и на современном (новом) греческом языке; он понимал древнегреческий, славянский, испанский и английский языки».[52]

Связи Кантемира были настолько широки и разносторонни, что привлекали к себе внимание французских властей, установивших за ним негласный надзор; об этом Кантемир был хорошо осведомлен и принимал некоторые меры предосторожности.[53] Усердие жандармерии не пресекло, однако, общения Кантемира с лучшими людьми Франции. Его связи с французским обществом до сих пор не перестают привлекать к себе внимание историков. Относительно недавно во Франции была издана специальная монография о пребывании Кантемира в Париже.[54]

Среди новых знакомых Кантемира был математик Мопертюи (1698—1759), прославившийся к тому времени руководящим участием в организованной Парижской академией Лапландской экспедиции по градусному измерению. Впоследствии он был президентом Берлинской академии наук. Мопертюи поделился с русским послом своим горячим желанием быть в составе иностранных членов Петербургской академии. Активно участвующими в ее работе считались те из иностранных членов, кто получал от Академии пенсию (небольшое жалование).

Избрание Мопертюи состоялось в августе 1738 г., и в знак уважения к этому ученому Академия решила просить Кантемира лично передать диплом Мопертюи, мотивируя это тем, что «ему будет бесконечно более ценно, если он его получит из Ваших рук».[55] Сразу это сделать Кантемир не мог. В это время Мопертюи не было в Париже — он уезжал в Базель, чтобы встретиться там с Бернулли для проведения

совместных работ. Из предыдущих, хотя и не продолжительных встреч с Мопертюи, прошло всего несколько месяцев с тех пор, как Кантемир переехал во Францию, — он знал, что этот выдающийся ученый хотел бы принадлежать к активным иностранным членам Петербургской академии. До того только два французских ученых состояли почетными членами нашей Академии — Меран (Jean-Jacques d'Ortous de Mairan, 1678—1771; избран в 1734 г.) и Реомюр (Reaumur, René-Antoine Ferchanet, 1683—1757; избран в 1738 г.), но они пенсии не получали, так как не принимали активного участия в ее работе. Не интересуясь материальной стороной («Тысяча турских ливров, — писал Кантемир, — было бы для него все равно, что десять»), Мопертюи хотел занимать в Петербургской академии такое же положение, как Вольф и Бернулли, которые получали от нее жалованье и состояли как бы на службе, публикуя в «Commentarii» свои труды. Кантемир указывал, что «г-н Мопертюи обязуется посылать в Академию не менее двух сочинений в год, а если нужно, то и больше».[56] Во всех последующих письмах Кантемир вновь и вновь затрагивает вопрос о пенсии Мопертюи, «которой он добивается единственно потому, что считал бы это для себя величайшей честью».[57]

Кантемир долгое время усердно, но безрезультатно хлопотал о назначении Мопертюи жалования от Петербургской академии наук. Более чем через год после избрания Мопертюи он писал Корфу: «Двести рублей пенсии, назначенной так кстати, вызовут большой отклик во Франции; императорская Академия получит от этого пользу, так как присоединит к своим Комментариям несколько статей первоклассного ученого, и что касается, в частности, меня, я буду этим весьма обязан Вам».[58]

Как ни хотелось Корфу удовлетворить ходатайство русского посла, финансовое положение Академии не позволило ему это сделать. Лишь позже желание Кантемира осуществилось. «Я, — писал Корф Кантемиру, — получил два письма от 17 и 24 января (1740 г.), которыми Ваша светлость меня почтили, и не преминул бы ответить немедленно на то и другое, если бы дело о пенсии г-ну Мопертюи не потребовало некоторой отсрочки при настоящем положении Академии. Это дело только что закончено, в соответствии с намерением Вашей светлости, г-н Мопертюи получил от Академии наук пенсию в 200 рублей в год, и я особенно доволен, что смог дать Вашей светлости это маленькое доказательство чрезвычайного внимания, которое я уделяю всему тому, что мне поручается с Вашей стороны».[59]

Мопертюи не был единственным французским ученым, о привлечении которого к работам Академии ходатайствовал

Кантемир. Он рекомендовал избрать в нашу Академию и другого выдающегося ученого А. К. Клеро (1713—1765), чье необычное дарование проявилось в очень раннем возрасте (первая научная работа была им написана в 12 лет, а 18-ти лет он уже был адъюнктом Парижской академии наук). Клеро, участвовавший в Лапландской экспедиции по градусному измерению, в 1743 г. напечатал свой классический труд по теории фигуры Земли,[60] получивший единодушную высокую оценку во всем мире. В Петербургской академии имя Клеро было известно задолго до этого. Еще в 1734 г. Д. Бернулли, по возвращении на родину, писал Эйлеру о многообещающем французском ученом и предлагал «постараться достать из Парижа молодого Клеро». Этим словам Бернулли предпослал следующие строки: «Можно говорить, что хочешь, однако почет Академии от иностранцев по большей части в зависимости от математических и физических наук».[61] Клеро переписывался с Л. Эйлером, делясь результатами своих научных изысканий.[62]

Кантемир знал не только о том авторитете, который завоевал молодой Клеро, но и о том, что последний очень хотел бы быть избранным в Петербургскую академию. Однако в те годы Академия переживала один из самых тяжелых периодов своей истории. Вследствие невыносимых условий ее покидали лучшие научные силы. Уехал из Петербурга и Л. Эйлер. В течение пяти лет в Академии не было президента, и произвол начальника Канцелярии не знал границ. Восшествие на престол Елизаветы Петровны сопровождалось многими изменениями в государственном аппарате. В Академии был смещен Шумахер. Его заменил А. Нартов,[63] управлявший в то безвременье всеми делами Академии. К нему и обратился Кантемир.

Вот что он писал 16 мая 1743 г.:

«Не зная, кто теперь президентом Академии наук или кому надзирание оной препоручено, Вам, государю моему, доношу, что я отправил на адрес Академии наук два экземпляра книги г-на Клеро о фигуре Земли, экземпляр другой книги о поправлении театров. Г-н Клеро — член здешней Академии наук весьма знатный, рад был бы, ежели книга та могла ему заслужить назначение в члены С.-Петербургской Академии, как то случилось господину Мопертюи, его товарищу. Я совершенно будучи уверен в искусстве г-на Клеро, сам о том просил бы г-на президента, ежели бы имя его мне было знакомо. Но пока на то от Вас, государя моего, изъяснение получу (о чем покорно прошу), уповаю, что при вручении книги Клеровой г-ну президенту соизволите представить о вышеупомянутом его, Клеро, желании, в чем и премного обяжете».[64]

Выполнить просьбу Кантемира Нартов не мог — президентское кресло пустовало уже свыше двух лет, — но Кантемир об этом не знал. Со времени ухода Корфа из Академии, да в значительной мере и при нем, корреспонденцию с Академией Кантемир вел через Шумахера, фактически управлявшего ею. Президенты (кроме Корфа), как правило, глубоко в дела возглавляемого ими учреждения не вникали и в нем бывали не часто. Все они имели обязанности при дворе и только ими, собственно, были заняты. Посланные Кантемиром книги Нартов обещал представить академикам — «отослать в Конференцию к профессорам на апробацию», — а Клеро послать в качестве «обратного презента» Труды Академии. «Что же, Ваше сиятельство, — писал Нартов в ответном письме Кантемиру, — изволите желать, дабы ему, Клеро, быть членом здешней Императорской Академии Наук, в том за неимением ныне в Академии президента услужить не могу, а когда е. и. в. президентом оной Академии всемилостивейше пожаловать соизволит в то время Вас, милостивого государя моего, уведомить не уповаю, дабы Ваше сиятельство о сем до принятия его, г-на Клеро, в члены здешней Академии касающемся деле и самому будущему президенту адресоваться могли».[65]

С Нартовым Кантемир переписывался в течение всего времени, пока тот занимал место управляющего делами Академии. Речь шла главным образом о пополнении личной библиотеки Кантемира новыми изданиями Академии. В то безвременье, которое она переживала, связи с внешним миром часто нарушались. Бывали перебои и с посылкой книг за границу. В одном письме Кантемир жалуется: «Эйлерову Механику из Академии никогда не получал».[66] На эту и ряд других просьб,[67] касающихся академических изданий, Нартов послал каталог и сообщил, что отобранные названия книг будут высланы тотчас же, после уплаты их стоимости «понеже указами Правительствующего Сената подтверждено, дабы Академии ничего и никогда без денег не отпускать».[68] В этом письме Нартов добавил: «Присланная из Франции книга блаженныя памяти родителя Вашего сиятельства, содержащая в себе описания Оттоманской империи на французском языке, через здешнего профессора Делиля в Академии Наук получена, за которую Вашему сиятельству при посылке книг Комментарий здешнего академического издания услужить потщуся».[69]

Через Кантемира Петербургская академия осуществляла свои связи с Парижской академией. Эти связи с его приездом во Францию значительно расширились. Дело в том, что до того русско-французские дипломатические отношения были весьма натянуты. Это не могло не отражаться на научных связях

и вызывало немалое огорчение в ученом мире. Бернулли, например, писал в 1735 г. Эйлеру: «Очень жаль, что оба эти двора (петербургский и парижский, — *М. Р.*) не состоят в полном согласии, потому что ничто не было бы так полезно для наук, как тесная связь между собою обеих Академий, которые теперь только две и заслуживают это название».[70]

С приездом Кантемира в Париж отношения между Россией и Францией улучшились. Оживились и научные связи. Но Академия, испытывавшая немалые материальные затруднения, доходившие подчас до финансового краха, не могла приобретать новые издания, иначе как в обмен. В этом деле Кантемир не переставал оказывать ей существенные услуги. Еще тогда, когда он находился в Лондоне, художник Аммикони изготовил эстампы портретов Петра I и ряд других гравюр. Зная о материальном положении Академии, Кантемир договорился с художником об обмене его произведений на академические издания и просил прислать в Лондон все вышедшие в свет выпуски печатного органа Академии («Commentarii»), трудов своего учителя Байера по истории и китаеведению, составленное академиками для Петра II пособие по математике, а также географические карты России.[71]

Во Франции Кантемир следил за тем, чтобы каждый выходивший в свет том Трудов Парижской академии наук своевременно посылался в Петербург, а Труды нашей Академии становились без промедления достоянием французских ученых. Об этом часто идет речь в переписке с Шумахером и Нартовым. Когда в 1743 г. произошел некоторый перерыв в книгообмене между Академиями, то обратились к Кантемиру за содействием для его возобновления. Вот что писал Нартов: «Хотя Королевская французская Академия наук здешней императорской Академии мемории свои сообщить обещала, только еще и поныне не прислала, чего ради здешняя Академия наук благосклоннейшего Парижской Академии о сем напоминания у вашего сиятельства просит».[72]

В переписке с Нартовым имеются сведения, отражающие заботы Кантемира о пополнении его собственной библиотеки новыми изданиями, выходившими в России. Ему сообщали даже об изданиях, не увидевших еще света. В том же письме мы читаем: «Как скоро Краткое описание Кунсткамеры из печати выйдет, то для Вашего сиятельства через почту и без умедления пришлется».[73]

Одним из видов международных научных связей были в те годы объявлявшиеся научными учреждениями конкурсы на решение важных научных проблем. В таких конкурсах прини-

мали участие ученые различных стран. На 1740 г. Парижская академия объявила конкурс на тему о причинах морских приливов и отливов. Эйлер взялся за решение этой задачи и в июне 1739 г. послал в Париж выполненную им работу. Она по дороге затерялась — так ответили Эйлеру на его запрос, посланный в Париж в октябре. По формальной причине Эйлер был лишен права участвовать в конкурсе: рассматривались только те работы, которые поступили в конкурсную комиссию не позднее 1 сентября.

В Петербурге с этим никак не хотели согласиться; там были уверены, что труд Эйлера никем не будет превзойден. Президент Академии Корф решил обратиться за содействием к Кантемиру, направив ему новый экземпляр работы Эйлера. В приложенном письме Корф, сообщая все обстоятельства этого дела, писал: «Если бы автор упомянутой работы не потратил на нее чрезвычайного старания, развивая в столь же трудных, сколь и остроумных вычислениях рассматриваемую им тему, и если бы я не был осведомлен из достоверного источника, что из всех работ, уже находящихся в руках членов комиссии, не будет ни одной, которая могла бы претендовать на премию, — я не придал бы большого значения подобному делу, и, конечно, не решился бы писать о нем Вашему превосходительству».[74]

Кантемир тотчас обратился к французскому сановнику, в ведении которого находилась Парижская академия наук, и дело приняло благоприятный оборот.[75] Произведение Эйлера было допущено к участию в конкурсе, и Кантемир, заручившись необходимым документом, писал Корфу: «Из прилагаемого при сем билета Вы увидите, что труд г. Эйлера принят на конкурсе вместе с другими. Я не могу выразить Вам все то удовольствие, которое я испытываю от этого, так как я был весьма счастлив успешно осуществить дело, порученное мне Вами».[76]

Как и следовало ожидать, премия была присуждена Эйлеру,[77] который со своей стороны обратился к Кантемиру с письмом и выразил свою благодарность за «хлопоты и заботы».

Известно еще одно письмо Эйлера Кантемиру.[78] Оно написано в январе 1743 г., когда Эйлер уже жил в Берлине. Зная интерес Кантемира к Петербургской академии наук, Эйлер сообщает ему об освобождении Шумахера из-под ареста и возвращении его к управлению делами Академии.[79] «В настоящее время, — писал Эйлер, — стало совершенно очевидным, что Петербургская Академия наук скоро будет возвращена к своему прежнему блестящему состоянию, так как Комиссия, назначенная е. и. в. для расследования жалобы г-на Де-

лиля на г-на Шумахера, закончила свою работу, и г.-н Шумахер совершенно освобожден от ареста. Нужно будет позаботиться о приглашении новых членов».[80]

Тем не менее в Академии еще долго не было президента. Это усугубляло ее бедственное состояние, сказавшееся и на положении почетных (иностранных) членов Академии, которым, как и действительным членам и другим ее сотрудникам, подолгу не выплачивали жалованья. В связи с этим уместно остановиться на переписке Кантемира с Бернулли, относящейся к 1742—1743 гг. По возвращении на родину, в г. Базель, швейцарский ученый оставался на службе в Петербургской академии, состоя почетным ее членом. Не получив своей пенсии, Бернулли написал об этом Шумахеру, но тот был тогда уже отстранен от Академии, находясь под следствием. Без вмешательства какого-нибудь влиятельного лица добиться ничего нельзя было. Бернулли обратился к Кантемиру, и он охотно взялся хлопотать за столь прославленного ученого, с которым его связывали воспоминания о пребывании в Академическом университете.

О том, что начальник канцелярии Академии наук «впал в немилость» Кантемир узнал не сразу. Он несколько раз обращался к Шумахеру, и его письма (их было четыре) остались без ответа.[81] Тогда он написал К. Бреверну[82] и одновременно предложил Бернулли, в свою очередь, самому написать последнему и взялся переслать это письмо,[83] не зная, что Бреверн давно уже не принимает участия в работе Академии.

Обращение Кантемира в Петербург попало в Комиссию по расследованию дела Шумахера.[84] Комиссия запросила по этому вопросу Нартова, который в своем донесении от 21 февраля 1743 г. писал: «Академия наук заслуженного Бернуллиева жалованья послать не в состоянии для того, что почти все академические служители за прошлый 1742 год жалованья не получали, а на сей 1743 год положенной по штату суммы из штатс конторы, якобы за неимением, денег поныне не прислано; и оттого вся Академия крайнюю бедность и мизерию терпит».[85]

В это время вероятным кандидатом на пост президента стали называть Кантемира. Весть об этом распространилась далеко за пределы России и вызвала искреннее одобрение у ученых как внутри страны, так и за рубежом. Ученый мир тревожился за судьбу Петербургской академии, которая, несмотря на свой авторитет, признанный во всем мире, не раз уже, в силу пренебрежения к нуждам науки со стороны власть имущих, была на волосок от гибели. Надежды, возникшие в связи с новым назначением, ярко выражены в датированном 27 октября 1742 г.

письме Л. Эйлера академику X. Гольдбаху: «Здесь ходит слух, что пост президента Академии сохраняется для князя Кантемира, что, несомненно, было бы величайшим счастьем для Академии».[86]

Первый биограф Кантемира Гуаско писал, что «перспектива стать шефом Академии наук его очень привлекала». Эти сведения вошли в последующие жизнеописания Кантемира и в литературу по истории Академии наук.[87] Действительно, из бедственного состояния Академию мог вывести только деятельный, высокоавторитетный человек, который пользовался бы уважением среди ученых как внутри страны, так и за рубежом. Для этого поста никто не подошел лучше, чем Кантемир, и сам он это прекрасно понимал. Гуаско свидетельствует: «Я могу сказать к чести и его и науки, что этот пост всегда был предметом его стремлений. Он старался заранее заслужить его путем тех связей, которые поддерживал со своими соотечественниками, путем усердия, с которым он сообщал им все открытия, сделанные в зарубежных странах, и путем трудов, которые он прилагал к обогащению библиотеки Академии наук — похвальные занятия, от которых его никогда не отвлекали дела по его должности».[88] Президентское кресло привлекало Кантемира еще потому, что возраставшее ухудшение его здоровья побуждало его отказаться от самой по себе сложной и трудной дипломатической службы, усугублявшейся еще бесконечными интригами, которые постоянно плелись при дворе. Его биограф сообщает, что эти обстоятельства «заставили его думать об оставлении карьеры посланника и попросить после своего ухода в вознаграждение за свою службу место президента Академии, где он надеялся найти меньше конкурентов, меньше завистников и больше возможностей проявить себя полезным своей родине».[89] Тем не менее он искренно приветствовал своего друга С. К. Нарышкина,[90] когда разнесся слух о предстоящем назначении его президентом Академии. Князю М. И. Воронцову Кантемир писал в конце 1743 г.: «Ведомость о Семене Кирилловиче меня весьма возвеселила, и надеюсь, чтоб под его осмотром науки у нас пойдут в лучший путь, чем до сих пор шли: буде он уже прибыл, покорно прошу его имянем моим поздравить».[91]

Однако ни Кантемир, ни Нарышкин не получили этого назначения. Даже после смерти Кантемира — он умер от водянки 11 апреля (31 марта) 1744 г. в Париже — в течение двух лет в Академии не было президента, а когда таковым был назначен К. Г. Разумовский,[92] то совсем не за его заслуги на поприще науки — ему было восемнадцать лет, когда его назначили на эту должность, — а исключительно благодаря влия-

нию, которое приобрел его брат Алексей, фаворит Елизаветы Петровны.

Среди выдающихся французов, с которыми пришлось Кантемиру лично иметь дело, следует назвать еще Вольтера, к которому вначале он относился резко критически.

Работой Вольтера о Карле XII Кантемир был недоволен. Причиной тому служили не только содержавшиеся в ней неверные сведения о молдавском господаре. Вольтер допустил немало и других фактических ошибок, в особенности в тех местах текста, где речь шла о Прутском походе. Эти ошибки Кантемир едко высмеял в своем письме к маркизе Монконсель. Письмо это относится еще к лондонскому периоду жизни Кантемира — оно датировано 21 января 1737 г. Тогда же Кантемир узнал, что Вольтер работает над произведением о Ньютоне. Это не могло не вызывать удивления у всех тех, кто знал Вольтера только как писателя.[93] Понятны поэтому следующие строки из письма к Монконсель:

«Мне сообщают из Голландии, что он собирается подарить нам роман о философии Ньютона, наподобие написанного им о жизни Карла XII, притом роман, как он обещает, доступный всем. Философия Ньютона в изложении г. Вольтера, который бесспорно не может написать алгебру, доступную всем! Не смешно ли Вам, сударыня, слышать подобное предположение? Если бедняга заставил перелетать целые армии, не отмечая их пути, ни причин, приводивших их в действие, то посудите, что он наделает, если пожелает объяснить движения небесных тел! Боюсь, что мы окажемся не в безопасности на земле».[94]

В данном случае, однако, Кантемир был неправ. Вольтер превосходно разбирался в движении небесных тел, как и во всем том, что изложено в бессмертном труде Ньютона «Математические начала натуральной философии». Мало того, он первый из французов восстал против картезианства, став на своей родине глашатаем ньютоновского учения.[95]

Резкие высказывания Кантемира вызваны тем, как поверхностно писал Вольтер о Петре I. «Кстати по поводу г. Вольтера, — писал далее Кантемир Монконсель, — я обязан Вам всяческой благодарностью за то, что Вы думаете о нашем императоре Петре Великом. Если умершие могут слушать, что о них говорят живые, и если бы этот монарх Вас знал, он был бы польщен Вашим почтением, и будучи любезным, сумел бы показать Вам, что заслужил Вашу дружбу, как и Ваши похвалы. Мы же, русские, имевшие счастье быть некогда его подданными, мы чтим его память за то, что он извлек нас из постыдного не-

вежества и открыл нам путь славы, по которому нас ведут его преемники».[96]

Однако в годы пребывания Кантемира в Париже между ним и Вольтером завязалась личная непосредственная переписка. Она дошла до нас не вся. Известны только два письма Вольтера[97] и одно Кантемира. Первое письмо Вольтера является ответом на письмо Кантемира, которое до нас не дошло. Как видно, у Кантемира была возможность доставить Вольтеру подлинные сведения, которые были искажены в «Истории Карла XII».

Интересуясь русской историей, Вольтер воспользовался случаем и обратился к Кантемиру с рядом вопросов, свидетельствующих о существовавшем в то время низком уровне знаний относительно России на Западе:

«Не будет ли слишком большим злоупотреблением Вашей любезностью с моей стороны, — писал Вольтер, — если я осмелюсь задать Вам несколько вопросов об этой обширной империи, которая сейчас играет такую прекрасную роль в Европе, и славу которой Вы утверждаете среди нас? Мне сообщают, что население России в тридцать раз меньше, чем 700—800 лет назад. Мне пишут, что в ней всего около 150 тысяч дворян, десяти миллионов людей, платящих подати, в том числе женщин и детей, около 150 тысяч духовенства; и вот в этом последнем отношении Россия значительно отличается от многих других государств Европы, где духовенства больше, чем дворян. Меня уверяют, что украинские, донские и др. казаки вместе со своими семьями составляют всего 800 тысяч душ, и наконец, что в этих обширных странах, подвластных самодержавию, живет не более 14 миллионов человек. Такое малое количество населения представляется мне странным: ибо я не вижу, чтобы русские были в большей мере уничтожены войной, чем французы, немцы, англичане, — а между тем в одной Франции насчитывается около 19 миллионов жителей. Такая непропорциональность удивительна. Мне писал один врач, что будто бы такой недостаток людей следует приписать оспе, которая совершила здесь больше опустошений, чем где-либо, и которую цинга делает неизлечимой. В таком случае, обитатели этой страны весьма несчастны. Неужели Россия должна потерять свое население из-за того, что один генуэзец вздумал открыть Америку 200 лет назад? Мне говорят, что теперешнее правительство следует всем намерениям царя Петра. Поскольку среди его проектов имеется и проект проявления добрых отношений к иностранцам, я надеюсь, Ваша светлость, что Вы будете ему следовать и простите все эти вопросы, которые осмеливается Вам задать иностранец. Князей, у которых

a ciray ce 19 avril 1739

Monseigneur

japrends avec chagrin que Ledition des Le Det est deja
faitte je leur ordonne de faire un carton concernant
cequi regarde votre illustre pere mais les ordres des auteurs
ne sont pas plus executez par les libraires que ceux du divan
ne le sont par les arabes voleurs. jay ecrit, et je vous ecrire
encore mais je ne repons pas de lautorite de mon divane
jay lhonneur de renvoyer a votre altesse lhistoire
ottomane quelle a bien voulu me preter et cest avec regret
que je la rends. jy ay apris beaucoup de choses jen
aprendrais encor davantage dans votre conversation
car je scai que vous etes doctus sermones cujuscumque linguae
et cujuscumque artis.

je renvoye Lhistoire ottomane par le carosse publie de
Bar sur aube qui part mercredy prochain 22 du mois,
le paquet est a votre adresse a votre hotel. et les registres
du bureau public en sont chargez a bar sur aube
si on ne la porte pas chez vous monseigneur vous
pouvez envoyer vos ordres au bureau de paris

N: 116.

Письмо Вольтера Кантемиру.
(Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград).

jay plus d'une raison de me plaindre de la
precipitation de mes libraires, ils s'empressent
de servir des fruits qui ne sont pas murs. mais
de quelques mauvais goust qu'ils soient jauray
lhonneur monseigneur de vous les presenter
des que je pouray en avoir. je sçai que vous
faites naitre sous vos mains les fruits et les
fleurs de tous les climats. les langues modernes
et les anciennes, la philosofie et la poesie vous
sont familiaires votre esprit est comme lempire
de votre autocratrice qui setend sur des climats ~~peuples~~
opposez et qui tient la moitié dun cercle de
notre globe. parmy les francais qui connaissent
votre merite, il ny en a point monseigneur
qui soit avec plus de respect que je suis

votre tres humble et tres
obeissant serviteur
Voltaire

Окончание письма Вольтера Кантемиру.

просят о подобной милости, немного, и Вы относитесь к весьма небольшому числу князей, которые могут поучать других людей».

Кантемир не замедлил ответить на эти вопросы, указав на абсурдность сведений о России, дошедших до Вольтера. Кроме того, он сообщил ему еще дополнительные автобиографические сведения.[98]

Обстоятельства сложились так, что Вольтер не смог выполнить в новом издании «Истории Карла XII» обещания, данного Кантемиру. Рукопись была уже в печати, и издатель поторопился скорее пустить книгу в продажу, руководствуясь своими коммерческими соображениями, — все, что выходило из-под пера Вольтера, быстро раскупалось. Противостоять этому Вольтер не смог, поэтому он счел необходимым обратиться к Кантемиру и сообщить ему все обстоятельства этого дела. «У меня, — писал Вольтер, — много причин жаловаться на спешку со стороны моих книгопродавцев. Они торопятся продать еще незрелые плоды; но какой бы у них ни был плохой вкус, я буду иметь честь преподнести их Вам, Ваша светлость, как только смогу их получить. Я знаю, что из Ваших рук появляются плоды и цветы всех климатов; языки, современные и древние, философия и поэзия, все Вам доступно в равной мере; Ваш ум — как и империя вашей монархини, охватывающая противоположные климаты и обнимающая половину окружности нашего земного шара. Среди всех французов, знакомых с Вашими талантами, нет ни одного, Ваша светлость, который питал бы к Вам большее почтение, чем Ваш смиреннейший и покорнейший слуга».[99]

* * *

Кантемир прожил за границей двенадцать лет. Труды его за этот период оставили глубокий след в истории русской общественной мысли.

О вкладе его в русскую литературу мы читаем во всех школьных учебниках; его сатиры вошли во все хрестоматии, с тех пор как такие пособия стали издаваться.[100] Еще в 1802 г. Н. М. Карамзин писал о Кантемире: «Наш Ювенал. Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога. Он писал довольно чистым языком, и мог по справедливости служить образцом для современников».[101] Так отзывались о Кантемире в начале XIX в. все, кто писал о русской литературе предшествующего столетия. С тех пор как в нашей стране стали издавать серии классиков, сочинения Кантемира были включены в них. Советские литературоведы немало сделали для подлинно научного анализа творчества Кантемира. Разыскания о языке писателя,[102] о его стихе, о композиционных прие-

мах, о его месте в истории русской литературы, принадлежащие советским исследователям (М. П. Алексеев, Д. Д. Благой, З. И. Гершкович, П. Ф. Приймa, Л. В. Пумпянский), появлялись и продолжают появляться в печати. Творчеству Кантемира посвящают свои диссертации молодые исследователи.[103]

Как дипломат Кантемир заслужил глубокое признание. Советская историческая литература оценивает его как одного из наиболее способных русских дипломатов и государственных деятелей.[104] Монтескье[105] писал другу Кантемира, его будущему биографу Гуаско: «Вы везде найдете друзей, которыми можете заменить понесенную Вами потерю; но сомневаюсь, чтобы Россия отыскала в скором времени посла, одаренного достоинствами князя Кантемира».[106]

А Гуаско в биографии Кантемира, касаясь его дипломатической деятельности, писал, что его реляции, посланные в Петербург, превосходно отражают интересы главных европейских стран и одновременно являются прекрасными литературными произведениями, многие из которых представляют собой шедевры.[107]

Как представитель русской культуры на Западе Кантемир не перестает и до наших дней интересовать историков и литературоведов.[108] Деятельность Кантемира неотделима от истории русской науки, особенно когда речь идет о международных научных связях.

Петербургская академия наук это очень высоко ценила. Если при жизни Кантемира она, в силу условий того времени, не могла полностью воздать ему за оказанные Академии ценные услуги, то свой долг перед ним она выполнила впоследствии, неоднократно издавая и популяризируя его сочинения.

ГЛАВА IV

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАНТЕМИРА В ИЗДАНИЯХ АКАДЕМИИ НАУК

Начало XVIII в. отмечено в истории России не только военно-политическими успехами и коренными социально-экономическими преобразованиями, но и значительными достижениями в области культуры. Размах культурных преобразований поражал людей науки во всем мире. Такие ученые, как Лейбниц и Ньютон, пристально следили за тем, что делалось тогда в нашей стране.

Особенный интерес представляют высказывания великого английского ученого, тем более что он и тогда, когда был профессором Кэмбриджского университета и когда возглавлял высшее научное учреждение Англии — Лондонское королевское общество, был в сущности далек от всего, что не имело непосредственного отношения к его научным исследованиям. Ни то, что он был избран в Парламент, ни то, что он занимал пост хранителя Монетного двора и произвел при этом полный переворот в денежном обращении,[1] дела не меняло. Тем не менее он счел нужным включить в письмо к ближайшему соратнику Петра I А. Д. Меншикову следующие слова: «. . .Королевскому обществу известно стало, что император Ваш, его царское величество, с величайшим рвением развивает во владениях своих искусства и науки и что Вы служением Вашим помогаете ему не только в управлении делами военными и гражданскими, но прежде всего также в распространении хороших книг и наук».[2]

Письмо это датировано 1714 г., следовательно, оно написано было за десять с лишним лет до открытия Петербургской академии наук. Выпущенный недавно Академией наук сводный каталог книг, напечатанных при Петре I,[3] является убе-

дительным свидетельством того, насколько справедливы эти слова Ньютона.

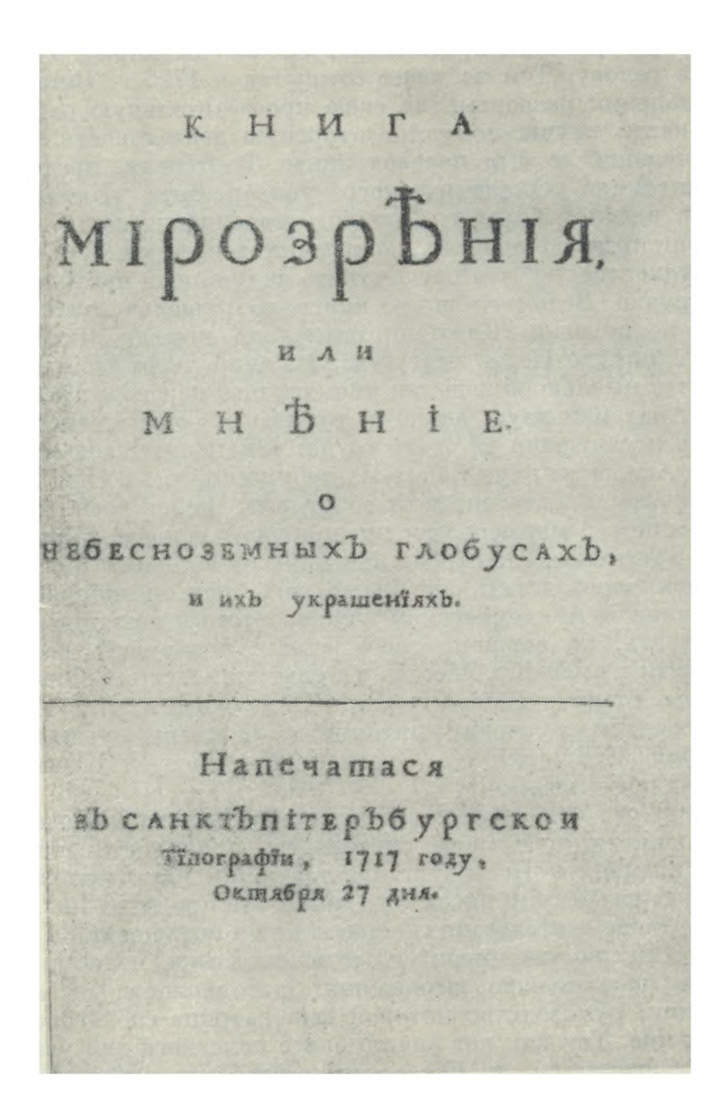
В печатной продукции того времени были книги об устройстве вселенной, которые способствовали укреплению свободомыслия, всегда развивающегося под влиянием успехов естественнонаучных знаний. Так, в 1717 г. в Петербурге был напечатан русский перевод широко известной книги Хр. Гюйгенса (1629—1695) о мироздании,[4] в которой было дано популярное изложение гелиоцентрической системы и содержалось описание результатов работ самого автора по звездному фотометрированию.[5] Однако необходимо отметить, что не успел перевод увидеть свет, как весь тираж был уничтожен. Сохранился лишь один экземпляр этого издания в библиотеке Московской синодальной типографии. Теперь он находится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА).[6] Правда, через семь лет книга снова была издана, но уже в Москве.[7]

С происками реакционеров столкнулся и Антиох Кантемир при издании выполненного им перевода научно-популярного произведения непременного секретаря Парижской академии наук Бернара ле Бовье Фонтенеля (1657—1757) «Разговоры о множестве миров»,[8] которому оно доставило больше славы, чем все остальные его сочинения. В этой книге Фонтенель в блестящей литературной форме пропагандировал идею множественности обитаемых миров.

Фонтенель вначале пробовал свои силы в художественной литературе. Однако полного успеха он достиг только тогда, когда посвятил свои силы популяризации знаний, зарекомендовав себя выдающимся поборником свободы мысли. Его работа «История оракулов»[9] дала основание обвинить автора в безбожии.[10] Завоевав громадную известность, Фонтенель в 1691 г. был избран членом Парижской академии наук.

Во время пребывания Фонтенеля на посту непременного секретаря Академии в состав ее почетных членов был избран Петр I. В связи с этим Фонтенель писал Петру:

«Науки и художества, ради которых ваше величество сами себя с такими партикулярными людьми равно сочиняете, возвысят ваше величество должным и правдивым воздаянием к первым монархам, как Августусам и Карлусам великим. Сия есть слава обыкновенная короля доставать себя новые подданные сильною вооруженною рукою, яко и ваше величество учинили, токмо сия слава отменита и удивительнее учинить себе подданных наученные и тем счастливее. Ваши великие государства не дали бы вам подданных, достойных вашего

КНИГА

мірозрѣнія,

или

мнѣніе

о

небесноземныхъ глобусахъ,

и ихъ украшеніяхъ.

Напечатася

въ санктъпітеръбургской

тѵпографіи, 1717 году,

Октября 27 дня.

Титульный лист первого русского издания труда Хр. Гюйгенса. (ЦГАДА).

величества, когда бы вы премудрыми своими трудами их учить и совершить не искали».[11]

После смерти Петра I кое-что из того, что было сделано им для распространения просвещения, пошло насмарку. Реакция подняла голову. Тем не менее открытая в 1725 г. Петербургская академия развертывала свою просветительную работу и, в частности, научно-популяризаторскую деятельность. Одним из проявлений ее был перевод книги Фонтенеля, предпринятый питомцем Академического университета Кантемиром с целью идейной борьбы с прочно укоренившимися в народе ложными представлениями о строении вселенной.

Не удивительно, что осуществить задуманное издание было очень трудно. Ведь речь шла о книге, разрушавшей устои церковной космологии. Кантемир выполнил перевод Фонтенеля в 1730 г., но напечатать книгу удалось лишь через десять лет.[12]

То, что мыслью об издании упомянутого перевода Кантемир обязан Академии наук, видно из предшествующего тексту следующего посвящения ей этого труда: «Знаменитейшей императорской Академии наук Санкт-Петербургской. . . в знак своего благодарства за полученное от ее мудрых членов воспитание и наставление сей перевод усердно приносит и посвящает князь Антиох Кантемир». Эти строки написаны им в конце 1739 г., т. е. более чем через десять лет после того, как он окончил свое образование в Академическом университете и находился, можно сказать, на вершине своей славы, пользуясь всеобщим признанием в высшем обществе и культурных слоях Франции, где занимал пост русского посла.[13] Надо сказать, что и Академия относилась к своему питомцу с большим уважением. Тогдашний президент К. Бреверн обратился к Кантемиру со следующим письмом:

«После того как были получены сообщения из многих мест о внимании, которое Ваше сиятельство проявляет в течение долгого времени к Петербургской академии наук при любых возможных случаях, и после того как я сам прочитал похвалы, с какими Ваше сиятельство говорит о ней в посвящении к „Разговорам о множестве миров“ на русском языке, я посылаю за них Вам покорнейшие выражения благодарности от имени корпорации, руководство которой императрица соблаговолила доверить мне. Так как нет ничего более полезного для ученых, чем удостовериться в благосклонности лиц, выдающихся равным образом своим славным происхождением и высокими качествами, которыми они обладают, то я буду надеяться выполнить одну из основных обязанностей моей должности, если я буду призывать академиков проявлять себя день ото дня все более достойными Ваших милостей».[14]

РАЗГОВОРЫ

О

МНОЖЕСТВѢ МІРОВЪ

ГОСПОДИНА

ФОНТЕНЕЛЛА

ПАРІЖСКОИ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СЕКРЕТАРЯ.

Съ французскаго перевелъ и потребными примѣчаніями изъяснилъ

КНЯЗЬ АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ

въ Москвѣ 1730 году.

****

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

При Імператорской Академіи Наукъ

MDCCXL.

Титульный лист первого русского издания книги Фонтенеля.

Свой перевод Кантемир снабдил предисловием и большим количеством примечаний (свыше ста пятидесяти). Ему был всего двадцать один год, и, хотя этот перевод не был первым его произведением, он отражает облик вступающего в жизнь юноши, решившего отдать свои силы и знания делу просвещения народа.

Предисловие к переводу начинается с указания на то, что сочинение Фонтенеля переведено почти на все языки. Своим увлекательным изложением в виде диалога автора со своей собеседницей, — прием, давно применявшийся в литературе и успешно оправдавший себя, — Фонтенель приобрел во всем мире огромное количество читателей («от разных народов с наслаждением и жадностью читали»).

Успехом книги автор обязан тому, что он на редкость удачно сочетал популярное изложение с глубоким содержанием освещаемых им вопросов. «Он неподражаемым искусством полезное забавному присовокупил, изъясняя шутками все, что нужнее к ведению в Физике и Астрономии: так что всякому, кто с прилежанием читать любит, из нее легко научится довольной части тех наук». Кантемир решил взяться за перевод, ясно сознавая, какую ценность имеют такие книги для просвещения широких народных масс в деле распространения подлинно научных знаний. «Для того, — писал он, — я чаял нашему народу некую услугу показать переводом ее на русский язык».

Работа, выполненная Кантемиром, имела тем большее значение, что в то время русский научный язык только создавался. Как показал Б. Е. Райков, первым обстоятельно изучивший как труд Кантемира, так и всю литературу, относящуюся к истории гелиоцентрического мировоззрения в России, переводчику приходилось самому придумывать новые термины;[15] многие из них прочно вошли в обиход и употребляются поныне, как например «плотность», «прозрачное» и «непрозрачное тело», «наблюдение», «начало» и др. Современному нам читателю, конечно, будут непонятны некоторые из введенных Кантемиром терминов, таких, как «имагинация» (воображение), «словесница» (логика) или «преестественница» (метафизика); эти термины не удержались в русском языке. Кантемир отдавал себе отчет в том, сколь трудна та задача, которая стояла перед ним, и в то же время понимал, что взялся за дело исключительно важное и неотложное. «Труд мой, — отмечал он, — был не безважен, как всякому можно признать, рассуждая, сколь введение нового дела не легко. Мы до сих пор недостаточны в книгах философских, потому и в речах (терминах, — *М. Р.*), которые требуются к изъяснению тех наук, следственно

Фронтиспис русского издания книги Фонтенеля.
(Автор объясняет своей собеседнице движение небесных тел).

уповаю, что погрешения и недостатки перевода, в рассуждении трудности моего восприятия, будут мне оставлены».

В предисловии Кантемир сообщает, что, имея в виду неподготовленного читателя, он в примечаниях приводит сведения о встречающихся в тексте именах, собственных и географических, и при этом обнаруживает обширные познания в области истории культуры, начиная с древних времен.

Объяснив слово философия и указав, что она делится на логику, нравоучение (ифика), физику и метафизику, Кантемир объясняет содержание каждой из этих категорий. Особый интерес представляет широкое толкование им слова физика: «Фисика или Естественница учит познавать причину и обстоятельства всех естественных действ и вещей».

Глубокое и разностороннее образование, полученное Кантемиром под руководством первых петербургских академиков, позволило ему браться за определение и раскрытие весьма сложных понятий, как например термин «машина». Заслуживают внимания следующие строки из определения Кантемира, представляющие несомненный интерес для историков техники: «Машина или махина, снасть или орудие составное, есть собрание многих частей деревянных, железных или другого какого вещества, таким образом вместе расположенных, что можно теми прибавить или убавить силу движущую; так на приклад, ворот, чем тяжелый якорь или другие какие тяжести поднимают, есть машина, понеже составлен из разных частей и оным лехче те тягости подымаются, чем простыми руками».

Комментарий, составленный Кантемиром к произведению Фонтенеля, заслуживает специального исследования.[16] Нас интересует это произведение как один из первых изданных на русском языке научно-просветительных трудов, сыгравший важную роль в истории общественного сознания в нашей стране. Переписка Кантемира с его учителем академиком Хр. Гроссом и последнего с правителем дел Академии Д. Шумахером дает возможность восстановить историю издания книги Фонтенеля.

Как и Кантемир, Гросс находился тогда в Москве и оттуда сообщил Академии о завершении бывшим его учеником работы по подготовке к печати этой книги. Положение, которое занимал молодой князь в обществе (сатиры его были уже известны), а также служебное положение Гросса, являвшегося воспитателем детей вице-канцлера Остермана и его личным секретарем, заставили Шумахера проявить повышенный интерес к изданию перевода книги Фонтенеля. «Если, — писал он 30 сентября 1731 г. Гроссу, — князю Кантемиру будет угодно переслать мне свой перевод книги Фонтенеля De la

pluralité des mondes, то я тотчас же озабочусь о печатании».[17]

Шумахер прекрасно понимал, что это дело небезопасное, и взять на себя ответственность он никак не хотел. Опасность же угрожала как со стороны светских, так и со стороны духовных властей, которые, конечно, немедленно обратят внимание на это издание, как только оно увидит свет. Близкий ко двору, Шумахер отдавал себя отчет в том, какие последствия может иметь выход этого издания в свет. Выражая согласие опубликовать выполненную Кантемиром работу, он тут же добавляет: «Только я бы предварительно желал знать, одобрил ли это его графское сиятельство (Остерман), а также его преосвященство архиепископ (Феофан Прокопович), потому что книга такого содержания, что ее нельзя напечатать без министерского разрешения».[18]

Самому Кантемиру добиваться разрешения на издание перевода стало невозможно, так как он был назначен послом в Англию и 1 января 1732 г. выехал из Москвы.

За границей, несмотря на напряженные служебные обязанности и на множество предпринятых трудов, как оригинальных, так и переводных, Кантемир не оставил работы над русским изданием «Разговоров о множестве миров». Из дошедших до нас документов видно, что это касалось главным образом составленного им комментария. Хотя Кантемир получил широкое и разностороннее образование, тем не менее следует вспомнить, что ему было всего 20 лет, когда он принялся за перевод произведения, трактовавшего о сложнейших вопросах мироздания, задавшись притом еще целью снабдить русское издание комментарием, значительная часть которого относилась к области истории науки и истории вообще. При таких обстоятельствах ошибки были неизбежны. Перечитывая вновь и вновь свою рукопись, Кантемир замечал в ней некоторые погрешности и вносил необходимые исправления. Он, однако, полагал, что и после этого его труд не может быть безупречен. Сообщая своему учителю Гроссу об обнаруженных недостатках, Кантемир писал 27 июня 1737 г.: «Может быть есть и другие ошибки, которых я не заметил, поэтому вы меня крайне обяжете, если просмотрите упомянутые замечания и исправите, если что-либо неправильно».[19]

Подготовка издания книги тянулась уже семь лет, и конца не было видно. В цитированном письме — в нем речь идет еще об академических изданиях, посланных в Лондон Шумахером, — мы читаем: «Что касается рукописи, то он (Шумахер) сможет ее печатать, когда захочет, и я буду ему крайне признателен, если при печатании ее он закажет для меня шесть экземпляров на бумаге большого формата, я оплачу расходы».[20]

Monsieur 13

J'aprens par une Lettre de Mr. Gross, que vous
avés deja reçu le MSct. de la Traduction du Discours
de Mr. de Fontenelle sur la Pluralité des Mondes,
et que vous avés dessein de le faire imprimer
avec changement du Titre. Comme je ne doute pas
Monsieur, que vous en aïés de très bonnes raisons, j'
ai tâché à les deviner, et j'en rencontre deux:
L'une est, pour oter tout mecontentement aux
Gens bigots ou trop scrupuleux; et l'autre, pour
faciliter la vente du Livre. Si c'est la premiere
qui vous fait souhaiter le changement du Titre
en question, si quoiqu' on ait deja un Ouvrage pareil

Письмо Кантемира Шумахеру.

(Архив АН СССР).

de Mr. Huygens imprimé en Russe par ordre de
Pierre le Grand) on pourroit faire le Titre de la so[rte]
Разговоры Астрономическiе въ которыхъ мои н[а]-
учи нуновѣйшiе знанiи кратко и разумително въ о[б]-
щества понятiе изъяснены чрезъ Гдна Фонтенелла
Si c'est la seconde, je croi qu'on pourroit laisser le Ti-
tre que l'Auteur a donné à son Ouvrage, en y a[jou]-
tant un court detail de ce qui contient, comme
suit: Разговоры о множествѣ мировъ, въ ко[то]-
рыхъ мои Науки Астрономической нуновѣйшiе зна-
нiи &c. Voilà mon sentiment sur ce sujet,
cependant Vous ferés tel usage qui Vous plai[ra]
et je Vous prie d'etre persuadé que je suis fort [sen]-
sible pour les peines, que Vous avés bien voulu [Vous]
donner dans cette Affaire. Si je Vous puis etre [uti]-
le en quelque chose dans ce païs ci, Vous pouvé[s dis]-
poser de moi, Monsieur, come d'une Personne qui [est]
avec toutte l'Estime imaginable

Monsieur

à Londres ce 7. Juillet 1738.

Votre tres humble et tr[es]
obeissant serviteur
A. de Cantemir

Окончание письма Кантемира Шумахеру.

И в следующем году, когда Кантемир послал исправленный экземпляр своего перевода в Академию, дело не продвинулось вперед. То, что Кантемир находился вдали от Петербурга, где печаталась книга, сказалось на ее издании. Просьба его об исправлениях в примечаниях 1, 36 и 65 — уточнения касались исторических (о Марке Тулии и Декарте) и географических справок — не была выполнена. Все время у Кантемира не было уверенности в том, что его труд увидит свет. «Что касается рукописи, — писал он Гроссу, — то я прошу г. Шумахера, если он еще намерен ее печатать, распорядиться обратить внимание на маленькие заметки, которые я добавил. . . Если же печатание будет признано не нужным, сохраните, пожалуйста, рукопись себе для развлечения».[21]

О затруднениях, встретившихся при издании книги, свидетельствует датированное 7 июля 1738 г. письмо Кантемира к Шумахеру. Письмо это является выразительным документом, точно отражающим обстановку, созданную цензурой того времени. Вот этот документ: «Милостивый государь, я узнал из письма г-на Гросса, что Вы уже получили рукопись перевода Разговоров г-на Фонтенеля о множестве миров, и что Вы намереваетесь напечатать ее, изменив название. Так как я не сомневаюсь, милостивый государь, что у Вас были для этого очень серьезные основания, я старался угадать их и нашел два: одно заключается в том, чтобы избавиться от недовольства ханжей или слишком щепетильных людей, и другое, чтобы облегчить продажу книги. Если именно первое заставляет Вас изменить название, о котором идет речь, хотя уже имелся подобный труд г-на Гюйгенса, напечатанный на русском языке по приказу Петра Великого, то можно было составить название в таком виде: „Разговоры астрономические, в которых той науки нужнейшие знания кратко и разумительно к общества понятию изъяснены чрез г-на Фонтенелла и т. д.“».[22]

Как отметил Б. Е. Райков, в цензурном отношении это заглавие было еще менее приемлемо, так как раскрывало содержание книги и явно указывало, к кому она обращена: упоминание об «обществе» не могло не смутить Шумахера.[23] Потребовалось еще два года, пока книга, наконец, вышла из печати. За ее изданием был установлен строгий надзор. Из одного документа видно, что было «приказано, всякий раз, как будет отпечатан лист этого труда, тотчас же посылать один экземпляр князю Черкасскому (канцлеру) и другой — кабинетминистру Волынскому».[24] И все еще не было уверенности, что книга выйдет в свет.

В конце 1739 г. брат академика Гросса, занявший место секретаря русского посольства, передал Кантемиру отпе-

чатанный один лист перевода. Вот что мы читаем в датированном 12 декабря того же года письме Кантемира: «Ваш брат показал мне лист из моего перевода La pluralité des mondes, напечатанный в Петербурге, и так как Вы сообщаете, что г. Шумахер обещал Вам продолжить его печатание, то я надеюсь, что оно вскоре будет закончено. Поэтому беру на себя смелость просить Вас прислать мне при наиболее удобном случае по крайней мере два экземпляра, один из которых я хочу преподнести автору».[25]

В письме имеются дальнейшие сведения, относящиеся к истории этого издания. «Я заметил, — писал Кантемир, — что в начале пятого Вечера [26] вкралась довольно серьезная ошибка, так как я сделал из Федры мужчину вместо женщины. Прошу Вас передать г. Шумахеру прилагаемый лист, на котором я исправил эту ошибку. Надеюсь, что если есть еще ошибки, их позаботятся исправить. Прошу Вас также испросить у Академии, чтобы этот перевод появился от ее имени в знак моей к ней признательности; я прилагаю и маленькое посвящение».

Шумахер не торопился выпустить в свет внушавшую ему опасения книгу. На подобное издание и при тогдашнем уровне полиграфии требовалось не более нескольких недель. Но и через несколько месяцев, после того как первые листы были уже отпечатаны, книга все еще не вышла в свет. В конце февраля 1740 г. Корф писал Кантемиру: «„Разговоры о множестве миров“ на русском языке скоро будут опубликованы, и я буду иметь честь послать Вашему сиятельству несколько экземпляров».[27] Как бы то ни было, в 1740 г. заслужившая мировое признание книга Фонтенеля все же появилась на книжном рынке и сыграла весьма важную роль в распространении подлинных научных знаний в нашей стране.

«Разговоры о множестве миров», столь явно опровергавшие библейские представления о вселенной, вызывали злобные нападки со стороны реакционных кругов. Наиболее резким было выступление бывшего директора Петербургской типографии М. П. Абрамова,[28] по инициативе которого было уничтожено первое издание перевода произведения Гюйгенса. Необходимо отметить, что чрезмерное усердие этого мракобеса, добивавшегося восстановления старых порядков, привели его в свое время к заточению в монастырь, а затем и к ссылке в Охотский острог «на житие за надлежащим караулом».[29] Однако при Елизавете Петровне он вновь начал свою реакционную пропаганду. Зная, что царица, хотя не во всем соблюдавшая предписания религии, была весьма набожной, он обратился к ней с пространным посланием, полностью от-

ражающим характер деятельности врагов свободного научного изучения природы:

«Прилично ли христианам попускать явно чрез печатные атеистические книжичища низводить в небытие творца и бога и облыгать вся его божественная творения, дела и содействия во уничтожение и в попрание всего священного писания и прочие беззаконные печатать и рассевать богопротивные книжичищи! Яко же из Гуенсовой и Фонтенеллевой печатных книжичищ сатанинское коварство явно суть видимо. В них же о сотворении мира сице напечатано: мирозрение или мнение о небесноземных глобусах и украшениях их, которых множественное число быти описует, называя странными древних языческих лживых богов именами. Землю же — с Коперником — около солнца обращающуюся, и звезд многие толикими же солнцы быти, и особые многие луны во многих глобусах быти утверждают. И на оных небесных светилах и во всех множествах, описанных от них глобусах таковым же землям, яко же и на нашей земле, быти научают; и обитателей на всех тех землях, яко же и на нашей земле, быти утверждают; и поля, и луга, и пажити, и леса, и горы, и пропасти, и моря, и прочая воды, и звери, и птицы, и гады, и всякое земледелие, и рукоделие, и музыки, и детородные уды и рождение, и все прочее, иже на нашей земле, тамо быти доводят. И тако на каждых глобусных землях собственно везде солнцы и луны быти утверждают, и множественное их число исчисляют, и на них земли, и жителей, звери, и гады, и пажити, такожде, яко и на нашей земле, все быти научают. И между тем все о натуре вспоминают, якобы натура всякое благодеяние и дарование жителям и всей дает твари: и тако вкрадчися, хитрят везде прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную. О единой бо звезде книжичищи автор написал сице: егда 25 000 лет пройдет, паки полярная звезда на тое ж место придет, идеже ныне стоит. И прочая басенные атеистические доводы, мнения, доказания явно во оные книжичищах на опровержение всего священного писания, на хулу святого духа свободно рассевают, и самих их в почтенных достоинствах и во властях быти попускают. Прилично здесь заградить их нечестивые уста».[30]

В ненависти к учрежденной Петром I Академии наук особую ярость проявляли староверы. Один из них, Иван Павлов, перечисляя «богопротивные» дела царя, писал: «И учинил по еретическим книгам школы мафематические и академии богомерзких наук, в которых установил от звездочетия погодно печатать зловерующие календари. И по них и паче привели русский народ в планеты и в прочие знаки, яко в бога,

веровати, понеже что в них напечатано, того всяк и смотрит, и впредь тому веруют быти, а на бога имети в том упование свое отложили».[31]

На Академию сыпались доносы не только со стороны отдельных реакционеров. Против нее ополчился сам святейший Синод, члены которого были, пожалуй, самыми ревностными читателями академических изданий, выпущенных на русском языке и рассчитанных на широкий круг читателей. Однако приходилось, скрепя сердце, мириться с существованием очага «богомерзких наук»: Академия как-никак была учреждением императорским — таков был и официально ее титул. К тому же она печатала свои труды преимущественно на латинском языке, доступном незначительному числу людей.

Но Академия занималась и более широкой популяризацией знаний. Вначале стали издаваться приложения к выпускавшейся ею газете «Санктпетербургские ведомости» (Примечания к Ведомостям), а затем и специальный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». В этих печатных органах принимали участие лучшие силы Академии.

Духовенство с ужасом стало замечать, как распространяются точные знания, разрушающие основы религии. Отстраненное Петром I от непосредственного участия в политической жизни страны, оно лишилось и права цензуры светских книг. В 1725 г. Екатерина I предписала Синоду: « . . . иметь тщание о напечатании книг, которые бы согласны были с церковными преданиями; однакоже о тех книгах, которые вновь сочинены и печатаны быть имеют, также ежели когда о чем какие наши указы выдавать надлежит, — то для апробации доносить нам в Верховный тайный совет, а без апробации нашей не печатать».[32] Это, разумеется, не ослабляло ревностного надзора духовенства над всем, что печаталось в стране, и побуждало добиваться конфискации «противных вере» книг, что неоднократно выполнялось.[33] В 1756 г. Синод потребовал «для всецелого церкви святой благосостояния и в предостережение от соблазна вере святой поколебания, всякие, до божества и церкви принадлежащие и в народ печатанием производимые, книги единственно с апробации Синода печатаны и в народе употребляемы были».[34]

К этому времени относится расцвет деятельности Ломоносова, среди трудов которого были произведения явно антицерковного характера, вызвавшие большое беспокойство в среде духовенства. Как отмечал академик Л. Н. Майков, именно сочинения Ломоносова побудили Синод обратиться к императрице с ходатайством о принятии соответственных мер.[35]

Царившая в высших церковных сферах тревога, проявлявшаяся в злобных выпадах, ярко выражена в докладе Синода

1755 года

XVIII.

№ 176.

ДѢЛО

Докладъ Синода о запрещеніи С.-Петербургской Академіи печатать въ издаваемыхъ ею ежемѣсячныхъ примѣчаніяхъ статьи, противныя вѣрѣ, и объ отобраніи, у кого имѣется, книги «о множествѣ міровъ» Фонтенеля, переведенной княземъ Кантемиромъ.

СПБ
Государственный Архивъ.
М.И.Д.

Обложка Дела о запрещении книги Фонтенеля.

(ЦГАДА).

Елизавете Петровне о книгах, противных вере и нравственности. Члены Синода требовали запретить издание произведений, подобных книге Фонтенеля, и конфисковать уже изданные, в первую очередь перевод, сделанный Кантемиром. Они писали:

«Просим Академии С.-Петербургской, высочайшим указом в. и. в. именным, запретить и везде в империи Российской публиковать, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами не согласном, под жесточайшим за преступление наказанием, не отваживался, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную при жизни блаженныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны князем Кантемиром, также и примечания в прошедшем и нынешнем годах изданные, в которых о той же материях припоминается или другое что противное вере содержится, указать везде отобрать и прислать в Синод».[36]

Духовнику императрицы Феодору Дубянскому Синод послал реестр, в котором были подробно перечислены все появившиеся в печатном органе Академии статьи, трактовавшие о множестве миров.[37] Царица, несомненно, дала бы ход этому делу в желательном для мракобесов направлении, если бы не влияние ее фаворита И. И. Шувалова, человека высокообразованного. Он не мало содействовал развитию культуры и просвещения в стране (был инициатором учреждения Академии художеств и Московского университета); известны его близкие отношения с Ломоносовым, Тредиаковским, Сумароковым, которым он покровительствовал. По-видимому, Шувалову следует приписать то, что обращение Синода не имело никаких последствий.[38]

Доклад Синода сохранился,[39] но на нем нет никакой резолюции. Мало того, через четыре года Академия наук выпустила новое издание перевода, сделанного Кантемиром, которое с самого начала имело большой успех. Вот что писал Кантемир Шумахеру в апреле 1742 г.: «Хотя я уже имел честь просить Вас в одном из предшествующих моих писем заверить Академию в моей признательности за все знаки внимания, которыми она награждает меня от времени до времени, но я никогда не устану повторять, как они для меня ценны, особенно имея в виду любезные выражения, в которых она отзывается обо мне, и благосклонный прием, оказанный ею моему переводу. Его издание, милостивый государь, великолепно, и может быть благодаря этому моя работа привлекла внимание публики».[40]

Последние слова Кантемира следует отнести к его скромности. Конечно, «Разговоры о множестве миров» были изданы

превосходно, но в печатной продукции Академии того времени были и гораздо более изящные образцы оформления книг, которые по праву занимают видное место в истории полиграфии нашей страны. В Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук таких образцов немало. Своим успехом перевод Кантемира обязан прежде всего содержанию книги Фонтенеля и тому, как его сумел литературно обработать Кантемир, хотя сам он остался не совсем доволен своим трудом. «Не то, чтобы я сомневался в достоинствах своего труда, — писал он Шумахеру, — но я не мог надеяться даже приблизительно передать по-русски то, что г. Фонтенель пишет с таким изяществом на своем языке. Я чувствую, что мог бы сделать перевод более совершенным и исправить незначительные опечатки, о чем я подумаю в дальнейшем».[41]

Осуществить этот замысел Кантемиру не удалось: через два года он умер. Не только издание 1761 г., но и то, которое увидело свет в 1802 г. (почти через шестьдесят лет после его смерти), повторяли первое издание без каких-либо перемен.[42]

При жизни Кантемира Академия предприняла издание его перевода Посланий Горация и комментарий к ним.[43] Эта работа Кантемира издана под псевдонимом Харитона Макентина, что является анаграммой имени и фамилии переводчика.[44] Еще в 1740 г. Кантемир писал Гроссу: «Если гг. академики найдут уместным напечатать перевод посланий Горация, то это их воля. Я в данное время кончаю примечания к этим посланиям, так что смог дать Вам только примечания к первым десяти. Однако я нисколько не сомневаюсь, что и остальные придут во время, имея в виду медленность, с какой печатаются подобные работы».[45] Свою рукопись Кантемир послал князю Трубецкому, занимавшему пост генерал-прокурора. Последний передал ее для напечатания Академии, как это видно из датированного февралем 1743 г. доношения секретаря Академической канцелярии С. Волчкова: «Отдана мне рукописная книга о правилах российского сложения Харитона Макентина с таким от его сиятельства приказом, чтоб оную в академической типографии напечатав, для академической пользы книжками продавать; а его бы сиятельству шесть на александрийской бумаге напечатанных и в золотую бумагу переплетенных экземпляров поднесть, а корректуру бы сея книги исправить г. Тредьяковскому».[46]

Как и во всех своих литературных начинаниях, Кантемир прежде всего имел в виду обогатить отечественную просветительную литературу. Сделать доступным широкому кругу читателей произведения классиков древней литературы яв-

лялось само по себе задачей большого культурного значения. Но этим не исчерпывается ценность работы Кантемира. Огромный труд представляли написанные им примечания, занимавшие гораздо больше места, чем основной текст. Неподготовленный читатель получал поистине целую энциклопедию знаний по классической древности.

От первой до последней страницы Кантемир старался насколько возможно приблизить перевод к уровню знаний современного ему русского читателя. Отсюда и модернизация терминологии, которой он пользовался. «Кантемир, — писал А. А. Веселовский, — отдал долг времени своим переводом: стремление обрусить, приблизить пониманию русского читателя уже офранцуженного Горация сказалось в нем. Но это стремление обрусить подлинник не шло в ущерб отдалению от текста — явление редкое по тому времени».[47]

Успехи просвещения в России в последние десятилетия XVIII в. повысили спрос на классическую литературу, и Академия наук выпустила в 1788 г. новое издание Посланий Горация в переводе Кантемира, в течение длительного времени сохранявшее свое значение.[48]

Во второй половине XVIII в. Академия не была уже единственным научным учреждением в стране. Все нараставший культурный подъем вызвал к жизни новые научные центры, среди которых наиболее видное место заняли Московский университет и Вольное экономическое общество; просветительная деятельность их была весьма интенсивной. Тем не менее участие Академии в культурном движении не ослабло. Наоборот, начиная с 60-х годов значительно возросла книжная продукция Академии, рассчитанная на широкие культурные круги населения. Для этой цели даже была открыта «Новозаведенная» типография,[49] где эти книги издавались. В их число входили сочинения Кантемира.

В течение всей жизни он не имел возможности опубликовать свои поэтические произведения. Политическая их заостренность, несомненно, навлекла бы на него преследования со стороны власть имущих, многие из которых были так ярко представлены в его литературных образах. Он прекрасно понимал, какая ему грозит опасность. Посылая Гроссу свои сочинения, Кантемир писал: «Что касается сатир и других моих поэтических произведений, то они поступают лишь для Вашего развлечения, ибо я не хочу их печатать без особого разрешения ее величества. В случае, если граф Остерман соблаговолит испросить такое разрешение, я охотно соглашусь на их печатание, но не иначе».[50] Не было сомнения, что Гросс, находившийся в столь близких отношениях с Остерманом,

ознакомит его с желанием своего ученика, успехам которого, в особенности литературным, он неизменно оказывал посильное содействие. Но желание Кантемира так и осталось неосуществленным. Тем не менее его сочинения были широко распространены в списках. За четырнадцать лет до того, как его сатиры увидели свет на русском языке, Ломоносов указывал: «В российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общей аппробациею приняты, хотя в них все страсти всякого чина людей самым острым сатирическим жалом проницаются».[51]

В Архиве Академии наук сохранилось немало документов, относящихся к изданию этой серии книг. Из них приведем распоряжение президента К. Г. Разумовского Канцелярии Академии наук: «Представлял мне словесно Канцелярии советник господин Тауберт,[52] что имеет он у себя неизданный манускрипт всех покойного князя Антиоха Дмитриевича Кантемира сатир и прочих стихотворческих сочинений с примечаниями, присланный сюда от самого автора к некоторому его приятелю, и просил, чтоб дозволено ему было оные напечатать на его (Тауберта, — *М. Р.*) коште всякие книги; а понеже упомянутые Кантемировы сочинения на разных иностранных языках давно уже в свет изданы, а российские любители наук поныне принуждены один у другого списывать и то с недостаточных и погрешностями и неполных копий, того ради ему господину Канцелярии советнику Тауберту в печатании на его коште оных кантемировых сочинений сим дозволяется».[53]

В 1751 г. при дворе стало известно, что в Академии наук хранятся произведения Кантемира. Было велено прислать их царице. Вот что записано в журнале Канцелярии Академии 26 февраля 1751 г.: «Его сиятельство Академии наук господин президент изволил приказать. . . книгу рукописную, в которой сатиры покойного князя Кантемира, переплести в переплетной палате мастеру Розенбергу в красный сафьян, и по оному сафьяну покрыть золотом, а по обрезу напереди выкрасить наподобие турецкой бумаги и потом оный обрез покрыть золотом же и проложить в оной книге для запримечивания алую ленту. . . По переплетению, книгу взнесть ему, Розенбергу, для подносу е. и. в. в Канцелярию».[54]

«Подношение», видимо, произвело благоприятное впечатление. Вот почему Разумовский не замедлил отдать приведенное выше распоряжение, как только Тауберт обратился к нему с ходатайством напечатать «Сатиры» Кантемира. Необходимо отметить повышенное внимание к этому изданию, выпущенному весьма значительным для того времени тиражом. В журнале Канцелярии от 27 февраля 1767 г., подписанном ее советниками

М. В. Ломоносовым и Я. Штелином,[55] читаем: «Канцелярии Академии наук, в силу письменного повеления его высокографского сиятельства Академии г-на президента, приказала Сатиры и прочие стихотворения его сочинения с примечаниями покойного князя Кантемира напечатать в новой типографии. . . тысячу двести экземпляров, в том числе четыреста на заморской да восемьсот на здешней коментаторной бумаге».[56]

Первое на русском языке собрание сочинений Кантемира было издано в 1762 г., через тринадцать лет после того, как его сатиры увидели свет за границей.[57] Авторскому тексту предпослан биографический очерк и в подстрочных примечаниях дано большое количество объяснений. Рукопись подготовлена к печати И. С. Барковым (1732—1768), о котором стоит сказать несколько слов.

В апреле 1748 г. шестнадцатилетний ученик Александро-Невской семинарии Барков явился к Ломоносову, заявил ему, что «весьма желает быть студентом при Академии Наук», и просил его проэкзаменовать, что Ломоносов тут же и сделал. «По его желанию, — писал Ломоносов в своем доношении Канцелярии Академии наук, — говорил с ним по-латыни и задавал переводить с латинского на российский язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие и латинский язык столько знает, что он профессорские лекции разуметь может». В заключение Ломоносов указал: «Ежели Канцелярия Академии Наук заблагорассудит, то я уповаю, что он в науках от других отменить себя может».[58] Отзыв Ломоносова обеспечил юному семинаристу зачисление в Академический университет, где он действительно отличился среди студентов, правда, не только успехами в изучаемых предметах, но и безудержной разгульной жизнью. В 1751 г. «за продерзости» он был разжалован в наборщики.[59] В Академии все же ценили его способности, и его положение вскоре было облегчено.[60] Беспорядочная жизнь Баркова и сочинительство порнографических стихов, приносившее ему скандальную славу, не заглушили, однако, его дарования. Подвергнутый многочисленным наказаниям, вплоть до публичной порки,[61] он тем не менее проявил себя впоследствии как одаренный поэт-сатирик и переводчик. Его способности ценил и ими дорожил Ломоносов, заставлявший его даже работать у себя на дому.

Барков был, несомненно, одним из самых одаренных питомцев Академического университета. Однако легкомысленное отношение к жизни и своим обязанностям отразилось и на подготовке им к печати рукописи Кантемира. Впоследствии выяснилось, что Барков произвольно переделал многие стихи и примечания автора.[62]

САТИРЫ

и

ДРУГІЯ СТИХОТВОРЧЕСКІЯ

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА,

съ историческими примѣчаніями

и

съ краткимъ описаніемъ

его жизни.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ
1762 года.

Изъ книгъ архимандрита Евфимия

Титульный лист Собрания сочинений Кантемира.

Написанное Барковым «Житие Антиоха Дмитриевича Кантемира» было первой биографией Кантемира на русском языке. Оно составлено по материалам, содержащимся в очерке, написанном Гуаско. Барков хорошо знал иностранные языки, в том числе французский, с которого делал переводы. Однако, в отличие от Гуаско, Барков избегает помещать сведения, основанные на одних слухах. У Гуаско имеется, например, такое утверждение: «Академия, которая восхищалась превосходством и разносторонностью талантов князя Кантемира в ходе его занятий, избрала его вскоре своим членом, в надежде иметь его в будущем своим президентом».[63] Кантемир никогда не был избран в члены Академии наук, и вопрос о назначении его президентом (вплоть до 1917 г. президенты не выбирались, а назначались) возник лишь в 40-х годах, когда в течение пяти лет в Академии не было президента и когда в составе действительных членов никого уже не было из учителей Кантемира. Баркову все это, конечно, было известно, и он, естественно, когда писал биографию Кантемира, таких ошибок не делал.

Жизнеописание Кантемира было первым оригинальным произведением Баркова. Им начинается Собрание сочинений Баркова, изданных более чем через сто лет после его смерти.[64] Барков несравненно лучше Гуаско знал русскую литературу и ее историю. Поэтому, говоря о поэтическом творчестве Кантемира, Барков отмечает влияние на него русских поэтов XVII в.: «Что касается до сложения его стихов, то он последовал в том древнему в России употреблению. Бывшие прежде его стихотворцы, как Симеон Полоцкий, который в 1680 году псалтырь переложил стихами, и Максимович, издавший по алфавиту житие святых, о котором сатирик в сатире четвертой под стихом 143-м упоминает, и другие наблюдали токмо известное число слогов с некоторым сечением, разделяющим каждой стих на два полустишия, оканчивая согласным падением слогов или рифмою, почему оных их стихи были бестонные, какими и сатиры князя Кантемира писаны. При изрядном расположении мнений, старался он, сколько возможно было, избегать слов иностранных, которые другие в свой язык часто мешать обыкли».

Примечания, составленные Кантемиром, пострадали от переделок Баркова меньше, чем основной текст стихов Кантемира. Исправления явно преследовали цель облегчить пользование авторскими примечаниями. Для примера приведем заключительные строфы из песни IV «В похвалу наук». Примечания к ним дают представление о широте и глубине тех воззрений на вселенную, которые получали питомцы Академического университета:

«В воздух, в светила, на край неба всходим,
И путь и силу числим скоротечных
Телес, луч солнца делим в цветны части;
Чувствует тварь вся силу нашей власти».[65]

Кантемир комментировал эти строфы следующими строками. «*И путь и силу числим скоротечных телес.* Числим дорогу и силу взаимную небесных телес, каковы суть планеты, звезды неподвижные и кометы. Новые астрономы в том дивную удачу имели, и наипаче в том преуспел англичанин Ньютон. *Луч солнца делим в цветны части.* Если в темной горнице впустить луч солнца чрез малую скважину на требочное стекло, которое обыкновенно *призмою*, а у нас *райком* называют, луч тот, преломяся, разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудожелтый, седьмой красный. Сие явление первый усмотрел и исследовал вышепомянутый знаменитый аглинский философ Ньютон».[66] Этот текст Барков изложил следующими словами, нисколько не искажающими смысла, а скорее облегчающими понимание закона всемирного тяготения и открытия Ньютона, касающегося солнечного спектра: «Исчисляем пути и взаимную силу небесных тел, каковы суть планеты, неподвижные звезды и кометы... Естьли в темную горницу солнечный луч сквозь малую скважину пропустить так, чтобы оный падал на призматическое или трегранное стекло, которое мы *райком* называем, то он преломясь разделится на седмь других лучей разных цветов, а именно на фиалковый, пурпуровый, голубой, зеленый, желтый, рудожелтый и красный. Сие явление первый усмотрел и исследовал славный аглинский философ Невтон».[67]

Сочинения Кантемира издавались много раз; о нем имется целая литература. Но тем не менее исследователям много еще даст выявление новых материалов, относящихся к его жизни и творчеству. Можно не сомневаться, что разыскания в наших и зарубежных архивах и библиотеках приведут к немаловажным результатам. Опубликование этих материалов и исследовательская работа над ними — прямая задача советских историков и литературоведов. Хотелось бы также надеяться, что не далеко время появления полного академического издания произведений Кантемира, на что этот выдающийся деятель русской культуры имеет неоспоримое право.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

[1] Русская родословная книга. СПб., 1873, стр. 51.

[2] Особенно обстоятельной является его работа о своем отце «Vita Constantini Cantemirii, cognomento senis Moldaviae principis» в кн.: Operele principelui Demetriu Cantemiru, publicate de Academia Romana, t. VII. Bucuresci, 1883, стр. 3—88; рукопись хранится в Лен. отд. Инст. востоковед. Академии наук СССР (фонд 25).

[3] Г.-З. Байер. История о жизни и делах молдавского господаря князя Кантемира, сочиненная С.-Петербургской Академии Наук покойным профессором Беером с российским переводом и с приложением родословия князей Кантемиров. М., в университетской типографии у Н. Новикова, 1783.

[4] В предисловии Байер писал: «Предуведомление сие утвердив по большей части на словах и свидетельстве князя Димитрия, приступим к повести о самой жизни князя Константина, из одних почти записок его ж князя Димитрия почерпнутой» (Г.-З. Байер. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. . ., стр. 15).

[5] Там же (стр. 3—5). В предисловии говорится: «Кантемиры род свой от крымских татар производят. А дабы кто не подумал, что оной по самому уже своему началу ничего в себе знаменитого не заключает, то коренившееся таковое у нас о татарском народе ложное предрассуждение истребить должно. Ибо, хотя некоторые нравы и образ жизни сего народа в самом деле с нашими обыкновениями не согласует, однако, ни мы столько повинуемся наставлениям благоразумных мужей, советующих не презирать человечества, толико нами превозносимого, ни они по своим делам не заслуживают названия бесчеловечнейших между всеми смертными. Нет ни единого такового жестокого и зверского поступка, которого бы наши сограждане многими и ежедневными не изъявляли примерами, а наипаче при сражениях с неприятелями; нет же, напротив того, ни единой такой добродетели, которой бы не находили в татарах узнавшие обстоятельно их поведение».

[6] Т. А. Стоянович. О молдаво-русских и румыно-русских отношениях (Обзор документов, находящихся в библиотеке Румынской академии наук). Вопросы истории, 1947, № 7, стр. 102.

[7] Большая советская энциклопедия. 2-е изд., 1953, стр. 28.— Н. А. Агасьева. Выдающийся молдавский ученый Д. К. Кантемир. Уч. зап. Кишиневск. гос. пед. инст., т. V, сер. физ.-мат. наук и естеств., 1956, стр. 3 и сл.

[8] Р. И. Сементковский. А. Д. Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893, стр. 13.

[9] Господарем Антиох стал в 1700 г. и занимал этот пост в течение пяти лет. Как и все бывшие господари, он обязан был жить в Константинополе, где и скончался (1726 г.). Дмитрий Кантемир неоднократно ходатайствовал за брата, но из Турции его не выпустили (во время Прутского похода он подвергался репрессиям). Впоследствии его сыновья Константин и Дмитрий приехали в Россию и состояли на русской службе (Русская родословная книга, стр. 52).

[10] Histoire de L'Empire othoman où se voyent les causes de son agrandissement et de sa décadence avec des Notes très instructives. Par S. A. S. Démetrius Cantemir, Prince de Moldavie. Traduite en François par M. de Jonquières, Commandeur, Chanoîne régulier de l'Ordre Hospitalier du Saint Esprit de Montpellier, t. 1. Paris, 1743, pp. 114—115. По свидетельству Гуаско, перевод принадлежит Антиоху (Satyres de Monsieur le Prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en François. London, 1749, стр. 64).

[11] В письме к Вольтеру Антиох, сообщая ему сведения о своем отце, между прочим, писал: «Ноты, изобретенные моим отцом для турецкой музыки, скорее напоминают греческие, которыми пользуются во Франции. У меня в Москве есть целая книга музыкальных пьес, написанных этими нотами и сочиненных моим отцом, но, к несчастью, я не имею к ним ключа. Сами русские до введения итальянских нот пользовались другими знаками в музыке, и сейчас еще остались люди, которые умеют петь по таким нотам» (Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира с введением и примечаниями проф. В. Н. Александренко. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Академии Наук, т. 37, СПб., 1903, стр. 138; имеется и отдельное издание, выпущенное в том же году).

[12] Новый опыт исторического словаря о Российских писателях. Друг просвещения. Журнал литературы, наук и художеств на 1806 г. М., ч. IV, стр. 245. — Г.-З. Байер, ук. соч., стр. 275.

[13] В литературе вплоть до наших дней (см., например, статьи Ф. Я. Прийма «Антиох Дмитриевич Кантемир» в кн.: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений, сер. «Большая библиотека поэта», 1956, стр. 5, и П. Н. Беркова «Писатели XVIII века» в кн.: Литературные памятные места Ленинграда. Очерки. Лениздат, 1959, стр. 16) датой рождения Антиоха назван 1708 г.; неверная дата вошла и в иностранную литературу (см., например: J. P. Jordan. Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft, 1845, III Jahrg., H. 5, SS. 157—159); эта дата совершенно необоснована, как еще полвека тому назад это отметил Е. В. Петухов (см.: Русская литература, исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Пгр., 1916, стр. 442). Сам Антиох называл указанную нами дату своего рождения. В письме к Вольтеру он отметил, что ему было двадцать два года, когда он уехал из России, будучи переведен с военной службы на дипломатическую (Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 139). Заметим, что еще в XVIII в. в жизнеописаниях Кантемира дата его рождения указывалась правильно — 10 сентября 1709 г.; см., например, напечатанный в 1772 г. Н. Новиковым «Опыт исторического словаря о российских писателях» в кн.: Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова, СПб., 1867, стр. 44.

[14] См.: Реестр Молдавским и Волоским старых лет делам и в книгах с 1643 по 1700 год, учиненну канцелярии советником Николаем Бантыш-Каменским 1790 г. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией.

[15] А. Кочубинский. Сношения румынов и югославян с Россией при Петре Великом. ЖМНП, 1872, т. 162, стр. 99.

[16] Впрочем, Бранкован впоследствии изменил Петру. См.: Петр Великий на берегах Прута. ЖМНП, 1847, т. 53, отд. II, стр. 73. — История Молдавии, т. 1, От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1951, стр. 233.

[17] Молдавия и Валахия были отдельными княжествами, управлявшимися каждая своим господарем, но в XVIII в. (и ранее) термин Валахия распространялся также и на Молдавию.

[18] Диплом, данный Валахскому князю Дмитрию Кантемиру — О принятии его в вечное Российское подданство с всем его княжеством, с представлением ему и фамилии его титула владетельного воеводы княжества Валахского и о дозволении ему в случае нужды выехать в Россию. В кн.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. IV (1700—1712). СПб., 1830, стр. 662.

[19] Северная война продолжалась еще в течение десяти лет.

[20] См.: Очерки истории СССР (вторая четверть XVIII в.). М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 695.

[21] История Молдавии, т. 1, стр. 233.

[22] Цитировано по кн.: В. Н. Ермуратский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956, стр. 32.

[23] ЦГАДА, 1711. Сношения России с Молдавией, ф. 68, ед. хр. 11, л. 6.

[24] См. Известие о выехавших в Россию в 1711 году с молдавским господарем князем Дмитрием Константиновичем Кантемиром молдавских боярах и офицерах (Г.-З. Байер, ук. соч., стр. 363 и сл.).

[25] Тогда он организовал первую в России типографию с арабским шрифтом, которым набирались воззвания к персам.

[26] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. X, М.—Л., Изд. АН СССР, 1950.

[27] Из одного письма Кантемира к Петру I видно, что он, имея более сорока лет от роду, углубленно занялся вопросами естествознания и просил у царя разрешения поступить в анатомическую школу. Приведем следующие строки из этого документа: «Философ некий арапин вопрошен быв: от кого научился философии, отвеща, яко от слепых. Паки же вопрошенный: но како от неимущих очес толь совершенную натуральных вещей достиг науку? Рече: яко слепых подражая николи же ступил ногою, аще не прежде посохом дорогу искусил. Подобным прикладом и аз, вашего царского величества раб, сотворих, близь шести лет в снискании таковые натуральных вещей науки слепотствуя. . . Остася убо теперь, да припадши к высочайшему ног ваших подножию, всеприлежнейше просити начну, во еже мне сею зимою, после спасителева рождества, как возможно скорее (понуждает бо последующих и известнейших испытания желание) и в анатомическую поступити школу, учения же и тщания моего желанный конец получити». — Отрывок из письма Дмитрия Кантемира от 23 ноября 1719 года в кн.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. Введение в историю просвещения в России. СПб., 1862, стр. 571.

[28] Operele Principelui Demetriu Cantemiru, publicate de Academia Romana. Bucuresci, 1872—1901.

[29] О них см.: Г.-З. Байер, ук. соч., стр. 313 и сл.

[30] Там же, стр. 315—316. Здесь этот документ приводится в русском переводе: «Президент, вице-президент и директора Королевской Прусской Академии Наук, основанной в Берлине, извещают и свидетельствуют всем, кому ведать надлежит.

«Если можно было сказать, что некогда Парнас снова зазеленел и после суровых зим, внезапно на него обрушившихся, после яростных бурь варварского ненастья снова поднял к небу свою лесистую вершину, то

мы вправе отнести это к нашему счастливому веку. Возвратились счастливые времена, когда опять высоко оценивается ученость и воздается честь почитателям искусств. С наследием предков соперничают молодые таланты, и как бы воспламененные олимпийским огнем в каком-то порыве стремятся как можно дальше пронести факел, переданный им предыдущими поколениями. Растет рвение овладевающих науками, и, ободренные все новыми и новыми успехами, они с каждым днем все далее устремляются вперед. Успехи эти поощряются милостью великих правителей, которые властью своей и могуществом поддерживают попытки стремящихся к вершинам. Они не довольствуются поддержкой старания отдельных лиц, а, собирая полчища ученых, успешно сражаются с невежеством. Не доставало одного, что было в мечтах у Платона: „или философ — правитель, или правитель — философ". Но и то, что было больше в желаниях, чем в надеждах, в то время, когда считалось, что властелинам более надлежит соперничать в делах Марса, чем Паллады, исполнилось к удивлению нашему в редком и похвальном примере светлейшего и сиятельнейшего Дмитрия Кантемира, князя государства Российского, Молдавских земель наследственного господаря, который прославил свое знаменитое имя среди ученых исследователей и своим членством благоволит придать блеск и прекрасное украшение нашей корпорации. Мы по праву поздравляем себя с этим новым счастьем и сознаем великую честь, оказанную нам и нашим занятиям благосклонностью достохвалимого князя. Чтобы отметить это официальным документом, по решению собрания, занесенному в протоколы, властью, данной нам светлейшим основателем, мы скрепили это письмо надлежащей подписью и большой печатью Общества.

В районе Доротеештадт города Берлина.

11 июля 1714».

[31] См.: D. C a n t e m i r. Hronicul velchimei a romano-moldo-vlahilor. Bucuresci, 1901, стр. 179.

[32] История Академии наук СССР, т. 1 (1724—1803). М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 36.

[33] Имеется в виду следующее издание: Allgemeines Gelehrtenlexicon, darinne die Gelehrten aller Stände sowohl männ- als weiblichen Geschlechts, welche vom Anfange der Welt bis auf jetzige Zeit gelebt, und sich der gelehrten Welt bekannt gemacht, . . . herausgegeben von Christian Gottlieb Jocher, Erster Theil A—C. Leipzig, 1750, стлб. 1629. Здесь мы читаем: «Кантемир, Дмитрий, валахский князь, который получил большую известность, благодаря своим знаниям, и был директором Академии в Петербурге. Он издал в 1722 г. научный труд о магометанской вере, который Коль обещал перевести на латинский язык; им подготовлены различные научные заметки, которые помещены в Commentarii Academ. Petropolit., наряду с другими рукописями оставил полную Турецкую историю и умер в 1723 г.»

[34] Печатный орган Академии — Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae. Первый том издан в 1728 г.

[35] См. «Предисловие» Г.-Ф. Миллера к кн.: Дмитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнью сочинителя. С немецкого преложения перевел Василий Левшин. М., в университетской типографии у Н. Новикова, 1789, стр. XXXVIII.

[36] D. C a n t e m i r. Histoire de l'Empire Othoman. Посвящение.

[37] В. А. К р а ч к о в с к а я. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х годов. Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 277.

[38] Д. К а н т е м и р. Книга систима или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722, стр. 360.

[39] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII. Изд. АН СССР, 1955, стр. 616.

[40] О матери Антиоха, Кассандре, в литературе имеются следующие сведения: «Она была княгиня великого разума, весьма любившая книгочтение, и прилежная в домостроительстве и воспитании детей своих. Изящество красоты было ее самое меньшее дарование». О ее кончине рассказывается: «Занемогла лихорадкою и по недознанию аптекаря, отпустившего ей сильный слабительный напиток, в малые дни и в цветущих днях, только тридцати лет, 11 мая 1713 года отправлена на тот свет» Д. Кантемир. Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, стр. XVIII—XIX).

[41] В начале XVIII в. многие из рода Кантакузенов переселились в Россию.

[42] Л. Н. Майков. Княжна Мария Кантемирова. Русская старина, 1897, тт. 89—91. Имеется также отдельный оттиск. О Марии Кантемир см. также: И. Шимко. Личность княжны Марии Дмитриевны Кантемир. ЖМНП, 1891, ч. CCLXXIV, апрель, стр. 376 и сл.

В петербургском обществе Мария Кантемир считалась не только высокообразованной, но и ученой женщиной. Вот что записал в своем дневнике секретарь герцога Гольштинского, Карла-Фридриха (отца Петра III), 17 июля 1721 г., после обеда в доме Димитрия Кантемира: «Дочь князя от первого брака, лет 20-ти и незавидной наружности, но, говорят, очень ученая, знающая отлично языки греческий и итальянский» (Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Перевел с немецкого И. Амман. Ч. 1 (1721 год), М., 1857, стр. 99).

[43] Satyres, стр. 132.

[44] D. Cantemir. Histoire de l'Empire Othoman, t. 1, стр. 115.

[45] Евгений (Е. А. Болховитинов). Словарь исторический бывших в России писателей духовного чина греко-российской церкви, т. 1. 2-е изд., исправл. и умнож., СПб., 1827, стр. 59.

[46] Коль, Иоганн-Христофор (1698—1778), один из первых академиков; в 1725 г. занял кафедру элоквенции и церковной истории. Из-за болезни уехал из Петербурга в 1727 г. За границей Коль не переставал интересоваться Россией и ее историей, выступая по этим вопросам в печати. Он, в частности, ознакомил западных читателей с работой Дмитрия Кантемира об исламе, опубликовав в широко распространенном тогда журнале «Acta eruditorum» (1729, стр. 509) разбор этого труда.

[47] I. P. Kohl. Introductio in historiam et rem literariam slavorum im primis sacram, sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri duobus libris absoluta. Altonaviae, 1729, стр. 26.

[48] Прошение сыновей кн. Дмитрия Кантемира, представленное последним Петру Великому (П. Пекарский, ук. соч., стр. 572).

[49] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 378.

[50] См. Дневник Ильинского «Notationes quotidianae» в кн.: Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира, стр. 295 и сл.

[51] Д. Кантемир. Книга систима или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722.

[52] Материалы для истории императорской Академии Наук, т. 1 (1716—1730), СПб., 1885, стр. 103.

[53] Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания, 2-е изд. Изд. АН СССР, 1947, стр. 190.

[54] В. К. Тредиаковский, Сочинения, т. 1, Изд. Александра Смирдина, СПб., 1849, стр. 777.

[55] I. P. Kohl, ук. соч., стр. 20.

[56] Материалы, т. VI, стр. 101 и сл.

[57] Биографу А. Д. Кантемира Сементковскому не удалось «собрать точных сведений о том, сколько времени собственно он обучался в этом рассаднике русской образованности». — Р. И. Сементковский. Заиконоспасская академия и Академия наук в их влиянии на Кантемира. В кн.: Антиох Дмитриевич Кантемир. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Составил В. Покровский. М., 1905, стр. 21.

Нет оснований утверждать, что Кантемир «прошел выучку в Славяно-греко-латинской академии», как это делает проф. С. Ф. Елеонский в статье «Из истории русско-украинских отношений в русской литературе XVII—первой половины XIX вв.» (Уч. зап. Московск. городск. пед. инст. им. В. П. Потемкина, 1955, т. XLVIII, вып. 5, стр. 66).

[58] С. В. Рождественский. Очерки по истории просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. 1, СПб., 1912, стр. 61. — А. И. Рогов. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии. История СССР, № 3, май—июнь, 1959, стр. 140 и сл.

[59] С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 57.

[60] Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание М. В. Ломоносова. 3-е изд., М.—Л., 1947, стр. 25.

[61] Она составлена по записям академика Я. Штелина, сделанным со слов самого Ломоносова.

[62] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., ч. 1, СПб., 1784, стр. VI—VII.

[63] См. Высочайшие резолюции на прошение Молдавского господаря князя Димитрия Кантемира. — Об определении ему и выехавшим с ним в Россию чиновникам и разночинцам места для жительства их и о детях его, о дозволении писаться ему Светлейшим князем и об оставлении за ним и его наследниками прав на Молдавское княжество. — Полное собрание законов Российской империи, т. IV. СПб., 1830, стр. 724—725.

[64] Оно было составлено, когда ни один из сыновей Кантемира не достиг еще совершеннолетия. — Н. Полевой. Образование Кантемира в отрочестве и его общественная и политическая деятельность. В кн.: Антиох Дмитриевич Кантемир. Его жизнь и сочинения. Составил В. И. Покровский. М., 1910, стр. 14.

[65] ЦГАДА, ф. 68, ед. хр. 11, 1711, л. 15 об. Как уже было отмечено выше, свое состояние Дмитрий Кантемир завещал тому из сыновей, который достигнет больших успехов в образовании. В § 3-м завещания записано: «Из детей моих, а именно Матвея, Константина, Сербана и Антиоха хочю и прошу, чтобы (кроме Матвея) кто-нибудь из трех наследников был, как указы повелевают, и от сих трех лутчей рассуждаю сына Константина, а в уме и науках понеже меньшой мой сын от всих лутший, ежели впредь не в хуже будет переменится, намерен был в наследство его оставить, но и то прошу вашего величества (завещание адресовано императрице Екатерине, — *М. Р.*) смотря их обхождения как будут в законный рост кто нибудь из тех трех, то есть Константина, Сербана, Антиоха по вашего величества рассуждению определить в наследство» (там же).

[66] Вот что гласит этот пункт: «Ежели случитца скончается на дороге, прошу чтоб тело мое грешное понесено было на Москве и сохранено в греческом монастыре при первой моей жене, а в погребении никакой напрасной утраты в церемониях (как ныне обыкновение есть) да не будет, но токмо один архиерей, один священник, один дьякон, чтоб служили, также и в других днях, годных по обыкновению церковному, а по воз-

можности нищим и в тюрьмах милостыню разделять» (ЦГАДА, ф. 68, сд. хр. 11, 1711, л. 16 об.).

[67] В. Н. Ермуратский, ук. соч.

[68] P. P. Panaitescu. Dimitrie Cantemir. Viata si opera. Editura Academiei Republici Populare Romîne, 1958.

[69] Димитриу Кантемир. История иероглифика. Кишинев, 1957.

[70] Д. Корсаков. Суд над князем Д. М. Голицыным. Древняя и новая Россия, т. XV, 1879, октябрь, стр. 48.

[71] Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, под ред. П. А. Ефремова, т. II. СПб., 1868, стр. 343.

[72] ЦГАДА, ф. 9, кабинет Петра I, отд. II, кн. 69, л. 453.

[73] Проект этого учреждения был рассмотрен Петром I в январе 1724 г. (см: А. И. Андреев. Основание Академии наук в Петербурге. В кн.: Петр Великий. Сб. ст. под ред. А. И. Андреева, Изд. АН СССР, 1947, стр. 306 и сл.).

[74] В литературе можно встретить утверждение, что Антиох получил образование в Академической гимназии (см., например: A. Stender-Petersen. Geschichte der Russischen Literatur. Erster Band. 1957, S. 273), что совершенно нелепо: подготовка Кантемира была вполне достаточна, чтобы слушать лекции в Университете. К тому же известны имена всех учившихся в Гимназии в первые пять лет ее существования. — См.: Список ученикам Академической гимназии с 1726 по 1731 год. Уч. зап. имп. Академии Наук по первому и третьему отд. Отд. историч. матер. и розыск., т. III, вып. 3, СПб., 1855, стр. 545 и сл.

[75] Опубликованные сведения о прохождении Кантемиром военной службы ограничиваются его дневником (Заметки на календаре 1728 г. См.: Сочинения, письма и избранные переводы, т. II, стр. 344 и сл.) и сведениями, содержащимися в первой его биографии, написанной его близким другом аббатом О. Гуаско, о чем речь будет в следующей главе.

К главе II

[1] В разработанном при Петре I и им одобренном проекте, в разделе «Должность академиков» сказано: «Каждый академикус обязан систем или курс в науке своей в пользу учащихся младых людей изготовить, а потом оные имеют на императорском иждивении, на латинском языке, печатаны быть» (Материалы, т. I, стр. 18).

Когда же разрабатывался проект контрактов, которые должны были быть заключены с приезжающими из-за границы учеными, то предусматривались следующие пункты: «1. Должен каждый академист на 5 лет обязаться в науках прилежно трудиться, особливо же в тех, которых ему обучать поручено; 2. Должен он в своем училище повседневно один час читать; 3. Систему или книгу о том писать; 4. Некоторых студентов в своей профессии таким образом обучить, чтобы они годны быть могли оному со временем последовать» (Материалы, т. I, стр. 54).

[2] Там же, стр. 15.

[3] В XVIII в. действительные члены назывались профессорами; впоследствии действительными членами считались адъюнкты, экстраординарные и ординарные академики

[4] С. Шевырев. История имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., стр. 123 и сл.

[5] «Алфавитный список докторов медицины, практиковавших в России в XVIII в.» в кн.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. CLXXXII—CLXXXVIII (вторая пагинация).

[6] Так, имя Кантемира, как, впрочем, и многих других студентов не упоминается в написанной Д. А. Толстым (занимал пост президента Академии наук с 1882 по 1889 г.) истории Академического университета (Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук. Приложение к тому 51-му Зап. имп. Академии Наук, № 3, СПб., 1885).

[7] Материалы, т. I, стр. 271.

[8] Студентов всего было 12 человек (Материалы, т. I, стр. 286).

[9] Материалы, т. IV, стр. 442.

[10] Впервые эпистолярным наследием Кантемира занялся профессор Варшавского университета В. Н. Александренко, обративший внимание на появившиеся в английском журнале «Athenaeum» (1878, № 2639, стр. 671) и в «Московских ведомостях» (1878, № 258) заметки, в которых сообщалось о том, что в Рукописном отделе знаменитой Бодлеевской библиотеки в Оксфорде имеются письма Кантемира. Александренко направился в Оксфорд, где и ознакомился с этими документами. См. его письма редактору «Журнала Министерства народного просвещения» от 1 июля 1889 г.: «Где находятся ноты и письма князя А. Д. Кантемира, русского полномочного министра при короле Великобританском Георге II с 1732 по 1738 год?» (ЖМНП, 1889, ч. 264, август, отд. Современная летопись, стр. 34 и сл.) и от 14 июля: «Где находятся письма князя Антиоха Кантемира?» (ЖМНП, ч. 265, сентябрь, стр. 62—65). См. также статью В. Н. Александренко «Переписка кн. А. Д. Кантемира в иностранных и русских архивах» в кн.: Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С введ. и примеч. проф. В. Н. Александренко. СПб., 1903, стр. I—III.

[11] Гуаско де, Октавиан (Guasco de, Octavien, 1712—1781), род. в Пьемонте, поселился во Франции в 1738 г. Писатель, член Академии надписей в Париже (L'Académie des inscriptions), член Лондонского королевского общества (The Record of the Royal Society of London for the promotion of natural knowledge. Forth edition. London, 1940, стр. 412) и Берлинской академии наук (Geschichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. I. Berlin, 1900, S. 475), близкий друг Монтескье. Автор ряда работ по истории, из которых наиболее известными являются Dissertationes historiques, politiques et littéraires (2 vol., 1756); Essai historique sur l'usage des statues chez les anciens (1768); Lettres familières de Montesquieu (Florence, 1767). Гуаско был дружен с Кантемиром и перевел вместе с ним с русского на итальянский язык 8 сатир его, затем Гуаско перевел их на французский язык и опубликовал без упоминания своего имени. — Michaud. Biographie universelle ancienne et moderne, nouvelle édition, t. XVIII. Paris, 1857, pp. 19—20.

[12] «Vie du Prince Antiochus Cantemir» в кн.: Satyres de Monsieur le Prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en Francois. A Londres, chez Jean Nourse, 1749, pp. 15—142. В 1750 г. вышло второе издание «Сатир». В вольном переводе они были напечатаны в 1752 г. в Берлине (об этом издании см.: H. Grasshoff. Die deutsche Ausgabe der Satiren Antioch Dmitrievič Kantemirs vom Jahre 1752 und ihr Uebersetzer. Deutsch-slavische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956, SS. 256—267).

Очерк Гуаско в 1815 г. был переведен на русский язык П. М. Строевым (Современный наблюдатель российской словесности, 1815, ч. 1, стр. 137 и сл.). Составленное Гуаско жизнеописание Кантемира служило основным источником для биографии Кантемира и в XIX в.

[13] Satyres, стр. 34 и 37.

[14] Блюментрост, Лаврентий Лаврентьевич (1692—1755), родился в Москве в семье придворного врача. Будучи лейб-медиком Петра I,

выполнял его поручения по организации Академии наук, президентом которой состоял со дня открытия до 1733 г., оставаясь на службе при дворе, что являлось его главной обязанностью.

[15] Материалы, т. I, стр. 175.

[16] Satyres, стр. 107.

[17] См. публикацию Т. А. Красоткиной в журн. «Вестник Академии наук СССР» (1959, № 7, стр. 99). Заметим, что в числе недошедших до нас рукописей Кантемира было и «Руководство по алгебре» (Улей, 1811, № 1, стр. 196); см. также библиографию трудов Кантемира, приложенную к «Сочинениям, письмам и избранным переводам», т. II, стр. 453.

[18] Материалы, т. VI, стр. 62.

[19] Майер умер 24 ноября 1729 г. (Б. Л. Модзалевский. Список членов императорской Академии Наук, 1908, стр. 12); 8 сентября того же года был издан указ, в котором мы читаем: «Взять в Коллегию иностранных дел бывшего волосского господаря тайного советника кн. Кантемира меньшаго сына кн. Антиоха и послать его из оной Коллегии для наук в иностранные области, а имянно ныне сперва во Францию к чрезвычайному и полномочному послу действительному тайному советнику гр. Головкину, которому велено оного тамо обучать потребным языкам и наукам, такожде и в делах при сем употребить, чтобы он современем мог министерским делам обучитца» (Реляция кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733), т. 1, с введ. и примеч. В. Н. Александренко, проф. Варшавск. унив., М., 1892, стр. VI). Поездка Кантемира за границу не состоялась.

[20] Речь Бильфингера в память Фр. Хр. Майера. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 1, № 105, л. 2.

[21] Материалы, т. VI, стр. 62.

Миллер, Герхард-Фридрих (Федор Иванович, 1705—1783), историк («историограф Российского государства»). Неоднократно занимал пост конференц-секретаря Академии. Участвовал в Камчатской экспедиции, во время которой обследовал архивы важнейших сибирских городов и собрал огромный материал, являющийся ценным источником для истории Сибири («портфели» Миллера). Ему принадлежит обстоятельный труд по истории Академии наук, опубликованный (не полностью) более чем через сто лет после его смерти в т. VI «Материалов для истории императорской Академии Наук» (1890 г.).

[22] Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 4.

[23] Шумахер, Иоганн-Даниил (1690—1761) официально считался начальником Канцелярии Академии, а фактически управлял всеми ее делами. Будучи библиотекарем, Шумахер благодаря поддержке правительства поставил себя в положение первого лица в Академии. Это вызывало недовольство академиков, переходившее иногда в открытое возмущение. Названный документ был представлен в связи с жалобой, поданной на него академиками.

[24] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 791, л. 63.

[25] На принадлежавшем Кантемиру календаре 1728 г. им были сделаны заметки; первая из них помечена 2 февраля. В ней отмечено: «Стоял во дворце на карауле». Запись от 3-го числа гласит о том, что получил письма из Москвы, в том числе от Гросса. В следующий день Кантемир записал: «Государь в Москву въехал». Из последующих записей видно, что в том же феврале месяце Кантемир был уже в Москве. (Сочинения, письма и избранные переводы, т. II, стр. 344).

[26] С. И. Вавилов. 1) Физический кабинет, Физическая лаборатория, Физический институт Академии наук за 220 лет. Собр. соч., т. III. Работы по философии и истории естествознания. Изд. АН СССР, 1956, стр. 470; 2) Очерк развития физики в Академии наук за 220 лет, стр. 531—532.

[27] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 45—46, 66—67.

[28] Исследователь деятельности Кантемира В. Я. Стоюнин писал: «Новая наша литература должна была начаться вопросами о науке, так как ее именем изменено у нас все административное устройство, вся общественная жизнь, ее именем вводились в жизнь новые идеалы и поражались старые. Эти вопросы действительно и являлись у писателей, которые признавали законность реформы. Так им посвящена не случайно вся первая сатира Кантемира, который умел понять истинное значение науки, воспитавшись при особенных благоприятных условиях» (Владимир Стоюнин. О преподавании литературы. СПб., 1864, стр. 210).

[29] Материалы, т. I, стр. 171.

[30] Там же, стр. 280. Гравезанд, Вильгельм-Яков (Gravesand, Wilhelm Jacob, 1688—1772), голландский физик, профессор Лейденского университета, неутомимый пропагандист учения Ньютона. В тексте имеется в виду следующее издание: «Philosophiae Neutonianae institutiones» (Leyden, 1723); до того Гравезандом были изданы: «Physices elementa mathematica experimentis confirmata, sive introductio ad Philosophiam Neutonianam» (1720).

Гравезанд известен еще и как приборостроитель, изготовлявший физические аппараты для России. (История Академии наук СССР, т. 1, стр. 84—85). Переписка Гравезанда хранится в Архиве АН СССР (ф. 1, оп. 3, № 7, л. 281—282; № 8, л. 153; № 27, л. 129—130; № 28, л. 132 и № 29, л. 96).

[31] Т. П. Кравец. Ньютон и изучение его трудов в России. В кн.: Исаак Ньютон. 1643—1943. Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения. Под ред. акад. С. И. Вавилова. Изд. АН СССР, 1943, стр. 315.

[32] Сатиры и другие стихотворения, сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. В Санктпетербурге при имп. Академии наук, 1762, стр. 156—157.

[33] Альгаротти, Франческо (Algarotti, Francesko, 1712—1764), итальянский ученый и писатель. Долго жил в Париже. Путешествовал по России и оставил записки: Saggio di lettere sopra la Russia. Parigi, 1760; через три года там же вышло второе издание. В 1769 г. «Записки» вышли на французском и английском языках: Lettres du comte Algarotti sur la Russie, contenant l'état du Commerce, de la Marine, des revenus, et des forces de cet Empire. Traduites de l'Italien. London, 1769; Letters to Lord Harvey and the Marquis Scipio Mafsei, containing the state of the Trade, Marine, Revenues and Forces of the Russian Empire. Translated from the Italian. London, 1769.

[34] K. Klüpfel. Geschichte und Beschreibung der Universität Tübingen. Tübingen, 1849, SS. 154—155.

[35] Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753. Ein Beitrag zur Geschichte der kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1860, S. 24.

[36] Через пять лет, по истечении срока заключенного с ним контракта, Бильфингер, вернувшись на родину, выступил в Тюбингене с публичной речью «О петербургских достопримечательностях». В ней, касаясь работ Академии, он заявил: «Бесполезно говорить, чем там занимаются. Наши печатанные сочинения обнаруживают это ясно. Кто хочет основательно научиться естественным и математическим наукам, тот отправляйся в Париж, Лондон и Петербург. Там ученые мужи по всякой части и запас инструментов» (Уч. зап. имп. Академии Наук по первому и третьему отд., т. III, вып. 5, 1855, стр. 707).

[37] В. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. Вестник Европы. 1876, т. V, стр. 176.

[38] Вот что рассказывает Миллер о двух уже упоминавшихся академических питомцах В. Адодурове и П. Кондоиди: «Василий Адодуров, мо-

лодой дворянин, родом из Новгорода, по собственному побуждению и с горячим желанием пришел в Академию с просьбой принять его в число учеников. Он уже имел некоторые основные понятия по латыни, полученные им в монастырской семинарии в Новгороде, как получил их Кондоиди. . . Они стали моими учениками. Но я не понимал их языка, как и они моего. Поэтому приходилось объяснять им трудных латинских авторов на известной им латыни и заставлять их упражняться в письме по заданным материалам. Я заметил, что эти затрудения пошли им скорее на пользу, чем во вред. Однако своими успехами они были обязаны более всего своим природным способностям и неизменному прилежанию, заменившим им то, чего не доставало в преподавании» (Материалы, т. VI, стр. 100).

[39] П. Пекарский. История имп. Академии Наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, стр. 189—190.

[40] Архив АН СССР, ф. 784, оп. 2, № 3, л. 50.

[41] Как уже отмечалось, большинство сочинений Дмитрия Кантемира остались в рукописях; многие из них хранятся в Лен. отд. Инст. востоковед. Академии наук СССР (фонд 25).

[42] Материалы, т. I, стр. 440—441.

[43] Там же, стр. 456.

[44] Архив АН СССР, ф. 784, оп. 2, № 8, лл. 125—126.

[45] Там же, № 3, л. 50.

[46] См. кн.: Д. Кантемир. Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, стр. XXIX. В Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР имеется лишь французское издание труда Д. Кантемира, изданного при жизни Антиоха в бытность его послом во Франции. Экземпляр этот прислан Антиохом (см. стр. 52).

[47] Гросс, Христиан-Фридрих (ум. в 1742 г.), с самого начала работы в Академии проявил себя активным ее членом. Он был первым редактором и составителем издававшейся Академией газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (выходила на немецком и русском языках). Вице-канцлеру А. И. Остерману понадобился наставник для его сыновей Федора и Ивана (впоследствии также государственных деятелей), и Гросс был определен домашним учителем у Остермана, выполняя при этом и секретарские обязанности. Они оказались роковыми для Гросса. В 1741 г., по воцарении Елизаветы Петровны, Остерман пал; репрессиям подвергся и Гросс. Он был посажен под домашний арест. Не выдержав оскорбительных допросов, он 2 января 1742 г. покончил с собой, хотя тогда уже было ясно, что никаких преступлений за ним не числится. Академик Г. Ф. Крафт писал Л. Эйлеру через пять дней после самоубийства Гросса: «Такому отчаянному поступку, вероятно, была причиною у Гросса густота крови, потому что по всем признакам он был бы скоро освобожден» (П. Пекарский, ук. соч., т. I, 224).

[48] П. Пекарский. Разбор сочинения г. Чистовича «Феофан Прокопович» в кн.: Тридцать четвертое и последнее присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 25 июня 1865 г. СПб., 1865, стр. 139.

[49] Г.-З. Байер, ук. соч., стр. 333—334.

[50] Материалы, т. I, стр. 94. Здесь мы читаем: «Упомянутый профессор Бильфингер был приглашен Академией наук в качестве профессора логики, метафизики и морали на пять лет и обязался в течение этого времени всецело посвящать себя работе для Академии, совершенствовать порученные ему дисциплины, тщательно обучая им учащуюся молодежь, и подготовить одного или двух студентов к ученой деятельности».

[51] См. Записку Д. Бернулли о его педагогической деятельности в Академии. Материалы, т. II, стр. 195.

[52] Там же, т. I, стр. 171.

[53] Введение в гисторию европейскую чрез Самуила Пуфендорфия. . .

Печатано в Санктпетербурхе, 1718, декабря в 5 день. Подробнее об этом издании см.: Описание изданий гражданской печати, 1708—январь 1725 г., стр. 38, 246 и 412—413.

[54] О должности человека и гражданина по закону естественному. Книги две. Напечатаны в Санктпетербургской типографии ноября в 17 день 1726 года.

[55] Д. А. Корсаков, автор монографии «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» (Казань, 1880), писал: «Увлеченный реформой Петра Великого, молодой Кантемир принимал ее всецело и без критики, и в замыслах верховников и шляхетства видел исключительно только враждебное отношение к реформе. . . Идеалы Кантемира лежали не в допетровской Руси, не в желании освободиться от тягостей, возложенных на шляхетство, и не в политическом строе европейских государств, а в отвлеченных морально-философских схемах» (стр. 259).

[56] Материалы, т. II, стр. 16.

[57] П. Пекарский, ук. соч., т. I, стр. 220.

[58] Петр II взошел на престол, когда ему было всего 12 лет. О его отношениях с Кантемиром Гуаско писал: «Кантемир вступил в Кавалергардский корпус, где Петр II, тогда великий князь России, был единственным командиром. Этот молодой князь, который любил науки и оказывал уважение тем, кто занимался ими, вскоре подружился с князем Антиохом и дал ему место в Преображенском полку» (Satyres, стр. 39).

[59] О том, что собою представляло это издание, сказано в Предисловии к нему: «Доброхотному российскому читателю радоватися. Зде предлагается тебе книга, в ней же все то содержится, в чем профессоры здешния Академии наук потрудилися, 1726 года. Якоже бо без сумнения тебе довольно известно есть, что кроме повседневных часов, к наставлению назначенных, такожде повсенедельно дважды свое особливое собрание имеют, в котором все то, что всяк в доме испытывал, всему обществу (Академии,— *М. Р.*) представлял, и их рассуждению предлагал, и тако оттуду произошла пред несколькими месяцами изданная на латинском языке книга, из которыя сие изъято и сокращено есть».

[60] Протоколы заседаний Конференции имп. Академии Наук с 1725 по 1803 год, т. 1, 1725—1743, СПб., стр. 16.

[61] Материалы, т. I, стр. 366; автограф в Архиве АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 4, л. 481.

[62] Архив АН СССР, ф. 121, оп. 2, № 74, л. 1.

[63] См. выдержки по этому поводу из письма Бернулли к жившему тогда в Москве академику Хр. Гольдбаху (П. Пекарский, ук. соч., т. I, стр. 504).

[64] Материалы, т. I, стр. 456—457.

[65] Уточненную датировку написания произведений Кантемира см. в «Примечаниях» З. И. Гершковича к кн.: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений, Л., 1956, стр. 431 и сл.

[66] Как установили советские исследователи, списки сатир Кантемира в количестве нескольких десятков находятся ныне в хранилищах Москвы, Ленинграда, Киева, Калинина, Нежина и др. См.: З. И. Гершкович. Идейные связи русских и французских писателей 18 века. Вестн. истор. миров. культ., 1959, № 4, стр. 126—127.

[67] «Имя кн. А. Д. Кантемира как сатирика, — писал академик В. Н. Перетц, — было хорошо известно в России XVIII в. Еще задолго до появления в свет печатного издания его сатир (1762 г.) и посланий, — все они, особенно первые пять широко распространялись в массе списков» (В. Н. Перетц. Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира. Изв. по русск. яз. и словесн., 1928, т. 1, кн. 2, стр. 335—357); см. также: Ф. Я. Шолом. Российско-украінскії звязки в галузі громадско-полі-

тичной поэзії XVIII століття. Наукові записки Київського державного університету им. Т. Г. Шевченка, т. XI, вып. IX. Филологичный збірник, 1952, № 4, стр. 125 и сл. «До нас дошло много анонимных произведений общественно-политической обличительной поэзии, на формирование и развитие которой известное влияние оказало творчество родоначальника русской сатиры А. Д. Кантемира» (К. Г. Гуслистый. Культура Украины. В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 607).

[68] Сочинения Кантемира цитируются по последнему и наиболее точному, комментированному З. И. Гершковичем, изданию его произведений: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Советский писатель, Л., 1956 (в дальнейшем см.: Собрание стихотворений).

[69] До этого Кантемир уже выступал в печати; первым его сочинением была «Симфония на псалтырь», написанная в 1726 г. и изданная в 1727 г. (Об этой работе «Фендрика Антиоха Кантемира» см.: Т. Барсов. О духовной цензуре в России. Христианское чтение, 1901, т. CCXI, ч. 1, стр. 974). В том же 1726 г. Кантемир выполнил перевод с французского языка на русский работы, носившей название «Перевод с италианского на французский язык некоего италианского письма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов, писанного от некоего Сицилианца к своему приятелю. На славяно-российский переведено с французского в царствующем С.-Петербурге лета господня 1726». Перевод не был опубликован при жизни Кантемира.

[70] Впервые сатиры Кантемира были изданы на французском языке в 1749 г.; через год было выпущено второе издание.

[71] Собрание стихотворений, стр. 57.

[72] Там же, стр. 62.

[73] Там же.

[74] Т. е. девять муз, покровительствовавшие: Клио — истории, Евтерпа — лирической поэзии и музыке, Талия — комедии, Мельпомена — трагедии, Терпсихора — танцам, Эрато — любовной поэзии, Полигимния — гимнам, Урания — астрономии, Калиопа — эпосу.

[75] Явный намек на оставшегося всю жизнь малограмотным А. Д. Меншикова, окружившего своей петербургский дворец огромным, простиравшимся от Большой до Малой Невы садом, в котором было установлено множество статуй.

[76] Собрание стихотворений, стр. 57.

[77] Там же, стр. 58.

[78] Приверженность Антиоха Кантемира к идеям Прокоповича тем более примечательна, что Дмитрий Кантемир, который знал Феофана со времен Прутского похода, не во всем был с ним согласен. См.: Д. И — в [Д. Г. Извеков]. Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича. Заря. Журнал учено-литературный и политический, 1870, август, отд. II, стр. 1 и сл.

[79] В. Л. Ченакал. Очерки по истории русской астрономии. Наблюдательная астрономия в России XVII и начала XVIII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 36 и сл.

[80] И. Чистович, ук. соч., стр. 627.

[81] П. О. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880, стр. 393. О книжном собрании Прокоповича см.: П. В. Верховский. Библиотека Новгородской духовной семинарии и ее сокровища. Варшавск. унив. изв., 1914, кн. IV, стр. 1—10.

[82] Собрание стихотворений, стр. 62.

[83] Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков. Советский писатель, 1935, стр. 173.

[84] Прокопович, как и Кантемир, считал Аполлона покровителем не

только искусства, но и науки. В примечании к ст. 17 мы читаем: «Аполлин. Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан» (Собрание стихотворений, стр. 62).

[85] Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXI, гл. II. «Ученая дружина» и самодержавие, стр. 41 и сл.

[86] В истории русской литературы XVIII в. именно так и характеризуют Кантемира. Д. Д. Благой, говоря о ранних его сатирах, пишет, что «они представляли не только небывалый у нас до тех пор образец нового литературного жанра, но являлись и смелым политическим выступлением... против сил церковной и боярской реакции» (Д. Д. Благой. Антиох Кантемир. Доклад, прочитанный в Отделении литературы и языка АН СССР 24 апреля 1944 г. по случаю 200-летия со дня смерти А. Кантемира. Изв. Акад. наук. Отд. литер. и яз., 1944, т. III, вып. 4, стр. 122).

[87] О. В. Трахтенберг. Развитие общественно-политической и философской мысли в России в период усиления крепостничества и зарождения капиталистических отношений. В кн.: Очерки по истории философии и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 103.

[88] Там же.

[89] П. Н. Берков во вступительной заметке к стихам Прокоповича (Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков, 1935, стр. 168) говорит о группировавшемся вокруг Феофана объединении писателей. «Объединение это, — пишет автор, — или, как сами эти писатели себя именовали, „ученая дружина“, состояло из Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева, кп. А. Д. Кантемира, позднее А. П. Волынского и А. Ф. Хрущева; были, вероятно, и другие». В кн. «Очерки истории СССР» мы читаем: «Сторонник реформ Ф. Прокопович в эти годы участвует в „ученой дружине“, поддерживает сатирическое направление в творчестве А. Д. Кантемира» (Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 471). В литературе встречается даже такое выражение: «Ученая дружина Петра I». Л. А. Петров в работе «Социологические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира», говоря о них как о передовых мыслителях России пишет, что они составили «ученую дружину» Петра I (Тр. Иркутск. гос. унив., т. 20, сер. философ., вып. 2, Иркутск, 1958, стр. 38). Это выражение встречается и в тех случаях, когда «ученой дружине» дается правильное определение. А. А. Галактионов в статье «О месте А. Д. Кантемира в истории русской философии» пишет, что он «был виднейшим и самым молодым представителем „ученой дружины Петра I“ — группы общественных деятелей и мыслителей, которые по праву считались вернейшими и последовательными сторонниками петровских преобразований» (Вестник Лен. гос. унив., 1956, № 11, сер. эконом., философ. и права, стр. 81).

[90] Русские классики. Сочинения Антиоха Дмитриевича Кантемира, тетр. 1, СПб., 1836, стр. 18.

[91] «Хочется знать, что за труд замышляет когорта ученых» (studiosa cohors). — Квинт Гораций Флакк, Полн. собр. соч., пер. под ред. и с примеч. Ф. А. Петровского, Academia», М.—Л., 1936, стр. 291.

[92] Собрание стихотворений, стр. 260.

[93] См. письма Кантемира к М. И. Воронцову. — Архив князя Воронцова, кн. 1. М., 1870, стр. 357 и сл.

[94] Собрание стихотворений, стр. 99.

[95] Необходимые сведения Кантемиру сообщил Гросс. В письме к нему от 12 мая 1740 г. мы читаем: «Я весьма Вам признателен, милостивый государь, за то, что Вы мне сообщили житие покойного архиепископа Новогородского. В замечании к третьей сатире Вы увидите место, куда я

желал бы включить это житие, а также список сочинений, любезно Вами обещанный. Итак, очень прошу Вас, милостивый государь, позаботиться о том, чтобы это было включено» (А. Н. Майков, ук. соч., стр. 159). Вместе с письмом Кантемир послал Гроссу свои сочинения, надеясь получить «высочайшее» разрешение на их опубликование (см. стр. 80—81).

[96] П. Морозов, ук. соч., стр. 377 и сл.

[97] В этом посвящении мы читаем: «Вы никогда не возобновляете в памяти занятий древностями без того, чтобы они вам не доставили приятного о них воспоминания, а во мне не возбуждали удивления. Мне казалось, что я нахожусь в Греции и в тамошних поэтических и риторических или философских школах, всякий раз, как только мы начинали о них речь. Я часто смотрел на вас, как на некоего Климента, или Кирилла, или Евсевия, когда вы опровергали басни древних народов или нелепейшие мнения философов; точно также вы как будто вводили меня в Рим или в какой другой город Италии, славный священными или гражданскими памятниками; и когда со мной возобновляли в памяти многое из всякого века, мне казалось, что я внимаю далеко перед другими образованнейшему человеку как в словесных науках, так и в высших искусствах. С каким удовольствием я слушал вас всякий раз, когда вы описывали мне памятники древнего времени, которые вы видели в Риме и прочей Италии, и в особенности состояние учености, и рассказывали о прочих ваших путешествиях и о своем, так сказать, курсе в занятии науками. Какое разнообразие и обилие! В повествовании какая память о вещах, какая сила в размышлении и с величайшею важностью соединенная восприимчивость духа, какая легкость в изъяснении, какая способность в рассуждении и какое изящество как римского, так и итальянского языка, какая, наконец, приятность и грация во всей речи, во всем» (цит. по переводу, приведенному в гл. XXXII «Феофан и Академия наук» ук. соч. И. Чистовича, стр. 619—620).

[98] История Академии наук СССР, т. 1, 1958, стр. 141.

[99] И. Чистович, ук. соч., стр. 623. — Стеллер, Георг-Вильгельм (1709—1746), в адъюнкты назначен в 1737 г.

[100] I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Dritter Theil. Göttingen, 1752, S. 175.

[101] См.: П. Пекарский. Разбор сочинения г. Чистовича «Феофан Прокопович» в кн.: Тридцать четвертое и последнее присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 25 июня 1865 г. СПб., 1865, стр. 139. Направляя Гроссу для продолжения образования воспитанников своей семинарии, Прокопович писал: «Не сомневаюсь, что они под твоим благопризрением как в словесных науках, так и в нравственности, человека достойной, преуспеют. Итак, почтеннейший муж! поелику я, уверенный о благородстве души твоей, тебя братом своим почитаю, то ты и вящше цену добродетели своей утвердишь, если для тех, кои у меня место сыновей заступают, не откажешься быть отцем: а сего от тебя не надеяться мне нельзя. Что принадлежит до избрания наук, им полезних, предоставляю твоему благоразумию» (Российский магазин. Трудами Федора Туманского. Ч. II. СПб., 1793, стр. 472).

[102] Гольдбах, Христиан (1690—1764), математик, первый конференц-секретарь Академии, исполнял эти обязанности с некоторым перерывом в течение пятнадцати лет — до 1742 г., когда он был переведен в Коллегию иностранных дел. В истории математики он известен выдвинутой им проблемой, названной его именем и решенной академиком И. М. Виноградовым спустя два века.

[103] П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. 1, стр. 106.

[104] В. Герье. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873.

[105] Eduard W i n t e r. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jahrhundert. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Institute für Slavistik, № 2. Berlin, 1953, S. 330.

[106] Эти материалы служили предметом исследования проф. А. И. Андреева (1887—1959), выступившего 5 мая 1936 г. в Институте истории науки и техники с докладом «В. Н. Татищев и его сношения с Академией наук в 1730—1750 гг.». Эта работа осталась в рукописи.

[107] В. Н. Т а т и щ е в. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887, стр. 158.

[108] Там же, стр. 159.

[109] В. А. Ж у к о в с к и й. Критический разбор Кантемировых сатир с предварительным рассуждением о сатире вообще. Вестник Европы, 1810, ч. XLIX, № 3, стр. 203.

[110] Д. А. К о р с а к о в. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Вып. 1, Казань, 1880, стр. 258.

[111] 25 февраля 1730 г., когда Анна Иоанновна порвала подписанные ею ранее кондиции, в Кремле, в числе противников «верховников» было 150 человек из «главных военных» (Д. А. К о р с а к о в, ук. соч., стр. 269).

[112] Satyres, стр. 48—49.

[113] ЦГАДА, 3 р. Госархива, д. 6, л. 49—49 об.

[114] Satyres, стр. 47—48.

[115] З. И. Г е р ш к о в и ч. К биографии А. Д. Кантемира. XVIII век. Сб. третий. Изд. АН СССР, 1958, стр. 456 и сл.

[116] Вот как характеризует Остермана современник: «В величайшей степени обладал искусством притворяться и такою ловкостью умел придавать лоск истины самой явной лже, что мог бы провести хитрейших людей» (Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания при императорском Российском дворе в звании посла короля испанского 1727—1730 годов. СПб., 1845, стр. 119). «У Кантемира, — писал Н. А. Полевой, — был подозрительный и сильный враг, Остерман, который боялся ученого скромника» (Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого, ч. 1. СПб., 1839, стр. 373). Впоследствии, когда Кантемир находился вдали от России, Остерман не переставал видеть в нем опасного соперника. «Граф Андрей Иванович Остерман, — писал Д. Н. Бантыш-Каменский, — управлявший иностранным департаментом, имея нрав подозрительный, завистливый, не любил князя Антиоха за откровенность его, за искусство в делах дипломатических, приобретенное им уважение в просвещенной Европе, и для того старался представлять самые благонамеренные его действия в превратном виде, испытывал терпение, желал отдалить от двора опасного соперника» (Д. Б а н т ы ш-К а м е н с к и й. Князь Антиох Дмитриевич Кантемир. Московский наблюдатель, 1835, т. 3, август, кн. 2, стр. 492).

[117] Satyres, стр. 57.

[118] Там же, стр. 58.

[119] Донесения и другие бумаги английских посланников и резидентов при русском дворе с 1728 по 1733 год. Сб. имп. Русск. истор. общ., 1889, т. 66, стр. 408. — А. А р д а б а ц к а я. Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII века. Уч. зап. Саратовск. гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, т. XXXIX, вып. истор., 1954, стр. 143—145.

К главе III

[1] Satyres, стр. 60.

[2] См. депешу от 31 марта 1732 г. в кн.: Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона, т. 1, стр. 2.

[3] Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в., стр. 354.

[4] Английский резидент К. Рондо писал 15 ноября 1731 г. в Лондон: «Князь Молдавский, назначенный в Англию, обедал у меня несколько дней тому назад с графом Остерманом и многими знатными особами здешнего двора. Князь кажется очень молодым, но он человек здравомыслящий, говорит по-французски и на нескольких других языках» (Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 по 1733 год. Сб. имп. Русск. истор. общ., 1889, т. 66, стр. 392). В донесении от 14 января 1732 г. Рондо, сообщая лорду Гарингтону об отъезде Кантемира в Лондон, писал: «Надеюсь, он понравится вашему превосходительству, несмотря на молодость и на то, что до сих пор в делах участия не принимал» (там же, стр. 408).

[5] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Составил Ф. Мартенс. Т. IX (Трактаты с Англией, 1701—1801), СПб., 1892, стр. 67.

[6] Satyres, стр. 61.

[7] В гвардии Кантемир дослужился до чина поручика. Первое послание к нему из Петербурга в Лондон так и озаглавлено: «Рескрипт к поручику от гвардии князю Антиоху Кантемиру отправленному ко двору аглинскому». (В. Александренко. Рескрипты, отправленные в 1732 г. из государственной коллегии иностранных дел к русскому резиденту в Лондоне князю А. Д. Кантемиру. Варшавск. унив. изв., 1892, II, стр. 2).

[8] Вскоре он был возведен в ранг чрезвычайного посланника. — Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 год), ч. 1. М., 1894, стр. 137.

[9] В. Стоюнин. Князь Антиох Кантемир в Лондоне. (Из биографии Кантемира: 1732—1738). Вестник Европы, 1867, т. II, июнь, стр. 99.

[10] М. Малии. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской академии наук). Вестн. истор. миров. культ., 1957, № 3, стр. 105.

[11] В. Стоюнин, ук. соч., Вестник Европы, 1867, т. I, стр. 240 и сл.

[12] Библиографические записки, 1859, т. II, № 18, стр. 545—546.

[13] Die sogenannte Moscowitische Briefe oder die, wider die löbliche Russische Nation von einem aus der andern Welt zurückgekommenen Italiäner ausgesprengte abendtheuerliche Verläumdungen und Tausendlügen. Aus dem Frantzösischen übersetzt, mit einem zulänglichen Register versehen, und dem Briefsteller mit dienlichen Erinnerungen wieder heimgeschickt von einem Teutschen. Frankfurt und Leipzig, 1738.

[14] В. Тимирязев. Русские дипломаты XVIII столетия в Англии. Истор. вестн., 1898, т. 72, стр. 264.

[15] В. Н. Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в., т. 1. Варшава, 1897, стр. 163. — Л. В. Пумпянский. Очерки по литературе первой половины XVIII века. Кантемир и итальянская культура. — XVIII век. Сб. ст. и мат., под ред. акад. А. С. Орлова, М.—Л., 1935, стр. 83—102.

[16] Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. В кн.: Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. В Санктпетербурге при имп. Академии наук, 1762 году, стр. 6.

[17] Корф, Иоганн-Альбрехт (1697—1766), пост президента занимал с 1734 по 1740 г. Его предшественник Г.-К. Кейзерлинг (1697—1764), возглавлявший Академию всего полгода, получил назначение послом в Польшу, причем полагалось, что он пробудет там недолго и вернется на прежнее место. Корф и был назначен «до указу» «ведать и управлять Санктпетербургской Академии наук», но Кейзерлинг пре-

восходно проявил себя на дипломатическом поприще и всю жизнь оставался в ведомстве иностранных дел. Корф же оказался лучшим, чем его предшественники (и преемники), руководителем высшего научного учреждения. Но, как и все талантливые деятели, Корф «не пришелся ко двору», где всесильный временщик Бирон старался под любым предлогом удалить его из России. Такой случай подвернулся в 1740 г., когда понадобилось назначить нового посла в Данию; Корф и был отправлен туда. Уезжая из Петербурга, он обратился к академикам с письмом, из которого приведем следующие строки: «Что я сделался известным в разных странах и, может быть, пользуюсь там некоторым уважением, которого не заслужил, то обязан единственно тому, что имел честь стоять во главе столь знаменитого общества. Вы трудились для приобретения мне известности, и это обстоятельство я буду всегда считать приятнейшим в моей жизни; оно будет также всегда поддерживать к вам мое расположение. Желаю только иметь приятный случай, чтобы иметь возможность доказать это на деле, по крайней мере буду следить с сильнейшим участием за вашим возрастающим процветанием» (П. Пекарский, ук. соч., т. I, стр. 530).

[18] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 27—28.

[19] Письмо Корфа было отослано 1 марта (прямого морского сообщения с Лондоном не было вследствие отсутствия навигации), а ответ Кантемира датирован 25 марта 1735 г. (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 18, лл. 60—61 об.).

[20] Там же, л. 61.

[21] П. Пекарский, ук. соч., т. I, стр. 518.

[22] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 18, л. 61.

[23] Там же, № 19, л. 104.

[24] Там же, л. 114 об.

[25] Грехем, Джордж (Graham, George, 1673—1751), известный английский приборостроитель, изделиями которого пользовались во многих странах; член Лондонского королевского общества.

[26] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 81. Насколько Академия дорожила письмами Кантемира, видно из того, что они оглашались в Общем собрании (Конференции) академиков. В протоколе от 25 апреля 1737 года мы читаем: «Профессор Делиль представил и огласил полученное из Лондона от князя Кантемира письмо, на латинском языке, содержащее сведения о математическом приборе, о котором его запрашивали. На письме не только поставлена обычная помета о представлении, но и велено снять с него копию. Когда это было сделано, то оригинал тут же был возвращен Делилю, а копия передана в архив» (Протоколы заседаний Конференции имп. Академии Наук, т. I, стр. 383).

[27] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 34.

[28] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 18, л. 313.

[29] Исторический архив, 1946, № 3, стр. 144.

[30] Ныне г. Салехард, центр Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской обл., расположен у впадения р. Полуй в Обь, близ Северного полярного круга.

[31] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 30, л. 24 об.

[32] Там же, л. 313. Не все письма Кантемира, посланные академикам, дошли до нас, как это видно, из протокольных записей Академии. Из одной из них от 19 июня 1736 г. мы узнаем, что Кантемир ознакомил президента Лондонского королевского общества со своим переводом Юстина (Протоколы, т. 1, стр. 288).

[33] Кирилов, Иван Кирилович (1689—1737), обер-секретарь Сената, географ и картограф. Гросс говорит здесь о широко известном Атласе Всероссийской империи Кирилова.

[34] Страленберг, Филипп-Иоганн (1676—1747), шведский офицер, участник похода Карла XII против России; во время Полтавской битвы попал в плен и был сослан в Сибирь. Здесь занимался картографией. Его работа увидела свет в 1730 г. В русском переводе «Историческое и географическое описание полуночно-восточной части Европы и Азии», издана в 1797 г.

[35] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 26.

[36] После смерти Кантемира была составлена опись его библиотеки, часть ее — около 300 книг на русском, латинском и греческом языках — была куплена русским правительством. — Опись библиотеки Кантемира см. В. Н. Александренко. К биографии князя Кантемира. Варшавск. унив. изв., 1896, кн. II, стр. 15 и сл.

[37] Речь идет о пятитомном труде И.-Х. Буксбаума (1694—1730) «Plantarum minus cognitarum Centuria», издававшемся Академией в 1728—1740 гг.

[38] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 86.

[39] О работе Кантемира над составлением русско-французского словаря говорит и Гуаско: «Он начал составлять русско-французский словарь, который не был закончен» (Satyres, стр. 141).

[40] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 89—90.

[41] История Академии наук, т. 1, стр. 102.

[42] Предложение о мерянии земли в России, чтенное в Конференции Санктпетербургской императорской Академии Наук, генваря 21 дня 1737 года через господина дел'Иля, первого профессора астрономии. Печатано при императорской Академии Наук 1737 года. — Выступление Делиля было издано тогда же на немецком и на французском языках.

[43] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 92.

Юсупов, Борис Григорьевич (1695—1759), получил военно-морское образование во Франции, но проявил себя на гражданском поприще. Входил в состав комиссии по расследованию деятельности Шумахера, на которого больше всех жаловался Делиль.

[44] Бильфингер уехал из России в 1731 г. и вернулся в Тюбинген. По вступлении на престол герцога Вюртембергского Карла-Александра Бильфингер занялся «военной архитектурой» (фортификацией). Находясь за границей, он не порвал с Петербургской академией наук, оставаясь всю жизнь почетным (иностранным) членом, получавшим пенсию (жалованье). В печатном органе Академии публиковались его работы. Это соответствовало контракту, заключенному с ним на основе его предложения. (Материалы, т. I, стр. 688—689).

[45] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 45—46.

[46] Первыми почетными членами Петербургской Академии наук были Христиан Вольф (1679—1754) и Иоганн Бернулли (1667—1748), которые после смерти Лейбница и Ньютона считались наиболее выдающимися учеными в мире.

[47] Исторический архив, 1956, № 3, стр. 139—155.

[48] Уместно привести не видевшие еще света строки из работы по истории Академии наук Миллера, в которых он рассказывает о своем пребывании в Англии и встречах с Слоаном.

«Самым видным из ученых, знакомства с которым я искал, был сэр Ганс Слоан, баронет, первый королевский лейб-медик, президент как Королевского научного общества, так и Общества врачей. Со стороны этого превосходного человека я встретил самый любезный прием. Я передал ему от имени нашей Академии данные мне книги и гравюры, сообщил, что таковые же имею передать Королевскому обществу, на его вопрос об уставе и положении Академии упомянул при случае и о том, что Академия имеет также иностранных почетных членов и была бы счастлива,

если бы на то последовало его, г. Слоана, согласие; наконец, я просил разрешения ознакомиться с его музеем предметов искусства и естественной истории и богатой библиотекой, о которой много слышал еще в России. Все это было принято г. Слоаном весьма любезно. Он поблагодарил за преподнесенные ему книги; назначил мне день, когда я мог бы присутствовать на первом заседании Общества после каникул и лично передать книги; заверил, что он счел бы величайшей для себя честью, если бы Академия приняла его в число своих почетных членов» (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 1, № 1, л. 11).

[49] Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук, т. I, стр. 83.

[50] См.: М. И. Радовский. Английский натуралист XVIII в. Ганс Слоан и его научные связи с Петербургской Академией наук (из истории англо-русских научных связей). Тр. Инст. истор. естеств. и техн., т. 24 . История биологических наук, вып. 5, 1958, стр. 315.

Уместно привести следующую подробность из письма Кантемира к Корфу, где речь идет о передаче Слоану диплома об избрании его в Петербургскую академию наук: «Мне не удалось видеть господина Слоана после того, как Вы мне прислали его диплом, хотя я и известил его об этом; мне, правда, сказали, что он заходил ко мне, но в такое время, когда я еще был в постели; конечно, я вскоре его увижу (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 18, л. 312).

[51] Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., стр. 102.

[52] Satyres, стр. 136—138.

[53] Тайная полиция следила за каждым его шагом. Как видно из одного секретного донесения, ей до мелочей был известен распорядок дня русского посла. В названном документе отмечается, что встает он очень рано, в 10 часов иногда уходит из дому, в 3 часа он обедает, а когда у него бывают гости, то остаются часов до семи; в 10 часов вечера ложится спать (В. Н. Александренко. К биографии князя Кантемира. Варшавск. унив. изв., 1896, кн. II, стр. 1). Инспектору Парижской полиции было дано следующее указание: «Следовало бы постараться определить к князю Кантемиру лакея или по крайней мере (если возможно) человека, исполняющего какую-либо работу, для того, чтобы узнать, куда он уходит и кто у него бывает». Далее требовалось, чтобы были указаны имена лиц, бывающих у Кантемира, и их адреса. В отчете по выполнению этого задания мы читаем: «Помянутый князь держит себя очень осторожно, и нет никакой возможности ввести к нему в дом кого-либо. Он не берет к себе в услужение иначе, как по рекомендации какого-нибудь посла, а своим прежним слугам он положительно воспрещает переступать порог своего дома; со времени установления за ним надзора он более не устраивает у себя обедов» (В. Александренко. Тайный надзор за дипломатами в XVIII веке и перлюстрация их переписки. Журн. юрид. общ. при имп. С.-Петерб. унив., 1896, январь, Заметки и известия, стр. 44—45).

[54] M. Ehrhard. Le prince Cantemir a Paris (1738—1744). Paris, 1938 (Annales de l'université de Lyon. Troisième série. Lettres. Fascicule 6). «Роль посредника, — писал автор, — какую часто приходилось играть Кантемиру, никогда не была ему в тягость, когда дело шло о науках и искусствах, и он мог работать над культурным сближением России с Западом, которое он горячо принимал к сердцу... Через него математик Эйлер входит в сношение со своими коллегами, а Мопертюи — с русскими академиками... Тихая жизнь человека науки с каждым днем нравилась ему больше, чем блестящая карьера дипломата» (стр. 185—188).

В настоящее время темой «Кантемир и Франция» занимается немецкий исследователь Г. Грасгоф, приезжавший в 1958 г. в Ленинград для

изучения материалов, хранящихся в Архиве Академии наук СССР. Им же на IV Международном съезде славистов был прочитан доклад «Кантемир и Фенелон» (IV Международный съезд славистов. 1—10 сентября 1958 г. Программа заседаний. М., 1958, стр. 40).

[55] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 123—124.

[56] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 28, л. 16.

[57] Там же, л. 113.

[58] Там же, № 29, л. 14.

[59] Там же.

[60] В 1947 г. издан в серии «Классики науки», выпускаемой Академией наук СССР. — А. Клеро. Теория фигуры Земли, основанная на началах гидростатики. Пер. Н. С. Яхонтовой, комм. и ред. Н. И. Идельсона. Изд. АН СССР, 1947.

[61] П. Пекарский, ук. соч., т. 1, стр. 110.

[62] Н. И. Идельсон. Алексис Клод Клеро и Петербургская Академия наук. Вестн. АН СССР, 1947, № 8, стр. 119. — Сохранились не только письма Клеро к Эйлеру, но и Эйлера к нему; эта переписка хранится в Архиве АН СССР (ф. 136, оп. 2).

[63] Нартов Андрей Константинович (1680—1756), выдающийся техник, на которого обратил внимание Петр I. В Академии наук служил с 1736 г., заведуя механической мастерской.

[64] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 31, л. 188.

[65] Там же, № 33, л. 12.

[66] А. Н. Майков, ук. соч., стр. 191. Труд Л. Эйлера «Механика или наука о движении, изложенная аналитически» (Mechanica sive motus scientia analutice exposita) издан в 1736 г.

[67] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 31, л. 185.

[68] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 192.

[69] Там же, стр. 192—193.

[70] П. Пекарский, ук. соч., т. I, стр. 112.

[71] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 23, л. 158.

[72] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 180.

[73] Речь идет о следующем издании: Палаты С.-Петербургской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочиненное для охотников оные вещи смотреть желающих (год издания на титуле не указан, на латинском же языке это издание отмечено 1744 г.: Conspectus Aedium Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae; nec non Bibliothecae et Technophylacii: una cum summario indice rerum artificiosarum et naturalium ibi conservatarum, in eorum usus, qui aedes has invisere cupiunt. Petropoli, Typis Imperialis Academiae Scientiarum. MDCCXLIV). Подробнее об этом издании (весьма редком) см.: Г. Н. Геннади. О книге «Палаты Академии наук». Уч. зап. имп. Академии наук по первому и третьему отд., т. 1, 1853, стр. 341 и сл.).

[74] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 153—154.

[75] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 29, л. 12.

[76] Там же, л. 14.

[77] Это была не первая (и не последняя) премия, присужденная Эйлеру Парижской академией. Награды от нее он получал в 1738, 1741, 1744, 1747, 1748, 1752, 1753, 1756, 1759, 1768 и 1772 годах. См.: Ю. Х. Копелевич. Материалы к биографии Леонарда Эйлера. Истор.-математ. исслед., 1957, вып. X, стр. 60.

[78] Оба письма опубликованы Т. А. Красоткиной (Вестн. АН СССР, 1959, № 7, стр. 95).

[79] Шумахер попал под арест вследствие жалобы на него академика Делиля, поддержанного многими другими сотрудниками Академии.

Но не все были против Шумахера, на его стороне были Эйлер и другие, между прочим, и Адодуров.

[80] Вестн. АН СССР, 1959, № 7, стр. 96.

[81] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 73, л. 3.

[82] Бреверн, Карл (1704—1744), президент Академии с 1740 по 1741 г.; от должности отстранен после падения Бирона, с которым был близок. До и во время президентства занимался государственными делами, выполняя важные поручения Кабинета. По воцарении Елизаветы Петровны возвратился к активной государственной деятельности, главным образом дипломатической.

[83] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 179—180.

[84] Материалы, т. V, стр. 493.

[85] Там же, стр. 538.

[86] ЦГАДА, Рукописный отдел, ф. 181, д. 1413, ч. IV, л. 33 об.

[87] Об ученых сборниках и периодических изданиях императорской Академии Наук с 1726 по 1852 год и об издании «Ученых записок». Уч. зап. имп. Академии Наук по первому и третьему отд., т. 1, стр. XVIII. — Здесь мы читаем: «Напрасно академики старались обратить внимание на даровитого и признательного воспитанника Академии, князя Антиоха Кантемира, тогда как он, при своем воодушевлении к отечественному просвещению, был способнее, может быть, всякого другого восстановить Академию по мысли ее основателя. Напрасно и сам Кантемир не раз, как говорят его биографы, просил президентского кресла в Академии, как лучшего и единственного вознаграждения за свою службу в Лондоне и Париже».

[88] Satyres, стр. 37—38.

[89] Там же, стр. 96—97.

[90] Нарышкин, Семен Кириллович (1710—1775), один из образованных государственных деятелей того времени; с 1741 по 1743 г. — русский посланник в Лондоне.

[91] Архив князя Воронцова, кн. 1, М., 1870, стр. 383.

[92] Разумовский, Кирилл Григорьевич (1728—1803), на посту президента Академии числился 52 года — с 1746 по 1798 г. Вначале он пытался серьезно выполнять возложенные на него обязанности, но в 1750 г. стал гетманом и уехал на Украину. По уничтожении гетманства Разумовский постепенно был отстранен от государственных дел вообще и, как раньше, в дела Академии не вникал; жил в Москве, а затем в своих украинских поместьях.

[93] Как писатель (и историк) Вольтер был широко известен в России. Корф, например, писал в феврале 1740 г. Кантемиру: «Мне любопытно увидеть Вольтероманию, Историю эпохи Людовика XIV и другие небольшие вещи г-на Вольтера, которые не включены в собрание его сочинений» (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 30, л. 24 об.).

[94] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 71—72.

От ошибок не были свободны и многие другие, написанные Вольтером исторические труды, но это, конечно, не значило, что знаменитый французский мыслитель не имеет никаких заслуг в исторической науке. Академик Е. А. Косминский в своей работе «Вольтер как историк» писал: «Слишком легко указывать на многочисленные ошибки Вольтера, на его плохую осведомленность в ряде вопросов, на то, что в некоторых отношениях он не стоял на высоте знаний своего времени, что о многом трактует слегка и поверхностно. История не была главным предметом его занятий. Если бы он вздумал обработать весь материал всемирной истории равномерно и исследовательским путем, его великий труд никогда не был бы выполнен. Если у него и немало ошибок, немало недодуманного и незрелого, то все же он дал буржуазной исторической литературе XIX

века широкую программу исследовательской работы. И почти все лучшее и прогрессивное в этой работе может быть возведено к Вольтеру» (Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. акад. В. П. Волгина. Изд. АН СССР, 1948, стр. 182).

[95] Н. И. Идельсон. Вольтер и Ньютон. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы, стр. 217.

[96] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 71—72.

[97] Они хранятся в Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. — Письма Вольтера. Публ., вводн. ст. и прим. В. С. Люблинского, М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 307—308. — Письма Вольтера опубликованы в «Voltaire's correspondence, ed. by Theodore Besterman, vol. IX. March-December 1739. Genève, 1954, pp. 29—31 и 103—104.

[98] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 138. — Приводим это письмо:

«Милостивый государь! Поскольку Вы знаете мое происхождение, разрешите мне писать с полной простотой, принятой в стране, откуда я веду свой род. Эта простота особенно нужна мне сейчас, потому что я не слишком красноречив по части комплиментов и обычно ограничиваюсь тем, что благодарю в двух словах, но искренно, за одолжения, которые мне делают. Я поступаю так же, милостивый государь, в настоящем письме, заверяя Вас, что я весьма признателен за внимание с Вашей стороны к памяти моего отца. Если бы я имел удовольствие быть знакомым с Вами раньше, я взял бы на себя смелость предостеречь Вас от использования мемуаров, не слишком достоверных по своему содержанию. На основании данного мне Вами разрешения я сделаю несколько мелких замечаний по поводу Вашего добавления к „Истории Карла XII". Мой отец получил от великого монарха две привилегии (их оригиналы до сих пор хранятся у меня в Петербурге) на княжества Молдавии и Валахии, но никогда не вступал во владение второй, потому что вынужден был уйти вместе с императором Петром Великим после договора 1711 г. . . . [далее следует текст, приведенный на стр. 87]. Я был бы также очень рад дать Вам разъяснения по вопросам, затронутым в Вашем письме. Но, милостивый государь, вот уже 7 лет как я живу вне своей страны, выехав оттуда 22-х лет от роду, и прослужив до этого в войсках. У меня поэтому не было особого интереса к изысканиям, не свойственным ни моему возрасту, ни моей профессии. Я однако выскажу Вам мои соображения. Совершенно невозможно, чтобы Россия была более населена 700 лет назад, чем сейчас, ибо тогда она была раздроблена на мелкие княжества, постоянно подверженные набегам иностранцев, да и каким образом можно было бы знать численность населения, если первая перепись была проведена в 1720 году? Согласно этой переписи, проведенной по приказу Петра Великого, число только крестьян мужского пола доходило примерно до 7 миллионов. Безусловно следует предполагать, что некоторые дворяне не сообщали полностью число своих крепостных, чтобы освободить их от подушной подати.

«Предположим, что было еще около миллиона крестьян, которые не были зарегистрированы. Все мещане различных городов сюда не вошли, а я уверен, что их могло быть до 3 миллионов. Обычно во всех странах мира женщин больше, чем мужчин, таким образом, население России должно было составлять более 20 миллионов; это не много, имея в виду пространство, которое они занимают. Я не смогу сообщить Вам количество казаков и калмыков, но думаю, что оно довольно значительно, потому что они без труда выставляли до 200 тысяч человек на войну. Не следует также забывать народности Сибири, о которых Ваш корреспондент не упомянул. Число дворян также кажется мне преувеличенным, как и число духовных лиц; я знаю, что последних перед смертью Петра Великого насчитывали 70 тысяч. После всего, что я имел честь сообщить Вам, мило-

стивый государь, я не берусь спорить о том, уменьшается ли наше население от цинги или оспы, я опасаюсь, что Ваш врач отыскивал причины следствия, в котором сам не был уверен, — несчастье, которое нередко случается с философами». Не эти ли обстоятельства побудили Кантемира заняться написанием истории России, для чего он, как об этом сообщает Гуаско, собирал необходимые материалы, но смерть помешала осуществиться этому замыслу (Satyres, стр. 141).

[99] Л. Н. Майков. ук. соч., стр. 141—142.

[100] Л. В. Жигалова. Библиография трудов Кантемира и работ о нем (рукопись).

[101] Пантеон российских авторов. Изд. П. Бекетова. Ч. 1, тетрадь 2, М., 1802.

[102] С. П. Обнорский. Формы склонения по сатирам Кантемира. Русск. филолог. вестн., 1913, т. 69.

[103] С. В. Калачева. Сатиры Кантемира. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук, М., 1953. — В. А. Приходько. Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук, Л., 1953. — Р. Б. Паина. Роль и значение А. Д. Кантемира в истории русской литературы. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук., Минск, 1954.

[104] Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в., стр. 421.

[105] Монтескье, Шарль Луи (Montesquieu, Charles Louis, 1689—1755), знаменитый французский мыслитель. Близкий друг Кантемира. Кантемир перевел на русский язык известное произведение Монтескье «Персидские письма», но перевод вместе со многими другими его работами утерян (А. П. Примаковский. О русских переводах произведений Монтескье. Вопр. философ., 1955, № 3, стр. 138).

[106] Montesquieu. Oeuvres complètes. Nouvelle édition. T. 8, Basle, 1799, p. 25.

[107] Satyres, стр. 142.

[108] См., М. П. Алексеев. Монтескье и Кантемир. Вестн. Лен. гос. унив., 1955, № 6, стр. 55—78.—Ф. А. Коган-Бернштейн. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке. Вопр. истор., 1955, № 5, стр. 101. — З. И. Гершкович. Идейные связи русских и французских просветителей 18 века. Вестн. истор. миров. культ., 1959, № 4 (16), стр. 120 и сл.

К главе IV

[1] А. Н. Крылов. Ньютон и его значение в мировой науке. Изд. АН СССР, 1943, стр. 3.

[2] С. И. Вавилов, Собр. соч., т. III. Работы по философии и истории естествознания. Изд. АН СССР, 1956, стр. 454. — Письмо послано по случаю избрания Меншикова в члены Королевского общества. Он, конечно, не был ученым, и Ньютон приветствовал в его лице представителя державы, успехи которой способствовали расцвету науки.

[3] Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1726 г. Составили Т. А. Быкова и М. И. Гуревич. Ред. и вступит. статья проф. Беркова. Изд. АН СССР, 1955.

[4] Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях. Напечатася в Санктпитербургской типографии, 1717 году, октября 27 дня. ЦГАДА, Библ. Моск. синодальн. типографии, № 351.

[5] К. К. Баумгарт. Христиан Гюйгенс. Краткий биографический очерк в кн.: X. Гюйгенс. Три мемуара по механике. Изд. АН СССР, 1951, стр. 285.

[6] Описание изданий гражданской печати, стр. 212.

[7] Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях, напечатанная в Санктпитербургской типографии, 1717 году октября 27 дня. А в Москве против того ж первое 1724 году, марта в 31 день.

[8] Entretiens sur la pluralité des mondes, Paris, 1686.

[9] Histoire des oracles, Paris, 1686.

[10] А. В. Виноградов. Фонтенель и его «Разговоры о множестве миров» (к 250-летию со дня появления книги). Природа, 1936, № 4, стр. 116.

[11] П. Пекарский. Наука и литература в России, т. 1, стр. 530.

[12] Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля, Парижской Академии Наук секретаря. С французского перевел и подробными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. В Санктпетербурге. При имп. Академии Наук, 1740.

[13] См. письмо Кантемира Гроссу от 12 декабря 1739 г. (Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 155).

[14] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 30, л. 4.

[15] Б. Е. Райков, ук. соч., стр. 225. — С именем Кантемира связано и создание русской философской терминологии. — См.: А. А. Галактионов. В. Н. Татищев и А. Д. Кантемир — идейные предшественники материалистической философии М. В. Ломоносова. Научная сессия Лен. гос. унив. им. А. А. Жданова 1955—1956 гг. Тез. докл. по секц. философ. наук. Л., 1956, стр. 22—25.

[16] В. П. Зубов в своем труде «Историография естественных наук в России (XVIII—первая половина XIX в.)» уже указал на значение примечаний Кантемира, отметив, что они весьма интересны для истории русского научного языка (стр. 23).

[17] П. Пекарский. История имп. Академии Наук в Петербурге, т. 1, стр. 215.

[18] Там же.

[19] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 23, л. 157.

[20] Там же.

[21] См. письмо Кантемира к Гроссу от 20 апреля 1738 г. (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 23, л. 158).

[22] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 23, л. 156. — Письмо написано по-французски и в оригинале напечатано в кн.: Сочинения, письма и избранные переводы, т. II, стр. 328.

[23] Б. Е. Райков, ук. соч., стр. 224.

[24] Материалы, т. IV, стр. 241.

[25] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 155.

[26] Книга разбита на главы, каждая из которых составила содержание беседы, происходящей в звездные вечера.

[27] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 30, л. 24 об.

[28] О нем см.: И. Шишкин. Михаил Абрамов — один из противников Петровской реформы. Невский сборник, 1867, 1, стр. 375—429.

[29] П. Пекарский. Наука и литература в России, т. 1, стр. 507.

[30] И. Шишкин, ук. соч., стр. 424.

[31] Исторические материалы, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Академии Наук, т. IX, СПб., 1872, стр. 120.

[32] Т. Барсов. О духовной цензуре в России. VII. Круг действий синодальной цензуры. Христианское чтение, 1901, т. CCXI, ч. 2, стр. 973.

[33] Там же, т. CCXII, ч. 1, стр. 111.

[34] Там же.

[35] Л. Н. Майков. К характеристике Ломоносова как ученого. В кн.: Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 242. — См. также: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VIII, Изд. АН СССР, 1959, стр. 1060 и сл.

[36] Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1867, кн. 1, V, Смесь, стр. 7—8.

[37] Т. Барсов, ук. соч., стр. 112.

[38] Незадолго до обращения Синода к Елизавете Шувалову пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы в издании Московского университета (Шувалов был его куратором) вышел выполненный учеником М. В. Ломоносова Н. Н. Поповским (1730—1760) русский перевод с французского философской поэмы известного английского поэта А. Попа (Pope, Alexander, 1688—1744) «Опыт о человеке» («An essay on man»). Как произведение морально-дидактического содержания, оно подлежало духовной цензуре (Б. Е. Райков, ук. соч., стр. 287). Вот что мы читаем в заключении Синода, посвятившего разбору рукописи два заседания: «Понеже, по прочтении оной книги, усмотрены многие заключающиеся в ней основания такие, которые и св. писанию противны и с православною нашею христианскою верою весьма несходны, следственно потому и учащемуся юношеству не точию полезны, но и соблазнительны быть могут, ибо издатель оныя книги, ни из св. писания, ни из содержимых в православной нашей церкви узаконений ничего не заимствуя, единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и коперникову систему, також и мнения о множестве миров, священному писанию совсем несогласные, чего ради и к печатанию оной книги позволения дать несходственно» (Библиографические записки, 1858, т. 1, № 15, стр. 490). Шувалов, считая, что эта книга «весьма быть может небесполезна учащемуся юношеству» (там же, стр. 489), предпринял свои меры. Он поручил члену Синода архиепископу Амвросию Переяславскому просмотреть рукопись. Последний внес целый ряд «поправок» и написал: «Ежели в том переводе вместо отмеченных мною стихов вновь исправленное будет внесено, то в оном переводе ничего о множестве миров, коперниканской системы и натурализму склонного не останется, зачем и в печать издать несумнительно» (там же, стр. 490—491). Таким образом, хотя и в искаженном виде, книга все же увидела свет в 1757 г. и благодаря заступничеству Шувалова была напечатана довольно быстро — всего в течение одного месяца (подробней об этом издании см.: Б. Е. Райков, ук. соч., стр. 284 и сл.).

[39] Доклад Синода о запрещении С.-Петербургской Академии печатать в издаваемых ею ежемесячных примечаниях статьи, противные вере, и об отобрании у кого имеются книги «О множестве миров» Фонтенеля, переведенной князем Кантемиром. ЦГАДА, ф. 18, № 176, лл. 1—2.

[40] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 171—172.

[41] Там же, стр. 172.

[42] Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля, Парижской Академии секретаря. С французского перевел и популярными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. Издание третье. В Санктпетербурге при имп. Академии Наук, 1802.

[43] Квинта Горация Флакка Десять писем первой книги переведены с латинских стихов на русские с примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. Печатались в Санкт-Петербурге при имп. Академии Наук 1744 года.

[44] Д. Кобеко. Несколько псевдонимов в литературе XVIII века. Библиографические записки, 1861, т. III, стр. 115.

[45] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 159.

[46] П. Пекарский, ук. соч., т. II, стр. 91.

[47] А. А. Веселовский. Кантемир — переводчик Горация (Классический мир в представлении писателя первой половины XVIII века). Изв. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Академии Наук, т. XIX, 1915, стр. 253.

[48] П. Н. Черняев. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II (материалы для истории классического образования в России в биобиблиографических очерках его деятелей былого времени). Филологич. зап., Воронеж, 1904, вып. V—VI, стр. 84—85.

[49] История АН СССР, т. 1, стр. 297.

[50] Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 159.

[51] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IX, Служебные документы, 1742—1765 гг., Изд. АН СССР, 1955, стр. 621.

[52] Тауберт, Иван Иванович (Иоганн-Каспар, 1717—1771), воспитанник Академической гимназии и Университета; в 1738 г. назначен адъюнктом Академии по истории, чему содействовал Шумахер, на дочери которого Тауберт был женат. В Академии занимал должность советника Канцелярии. Ему принадлежит инициатива открытия «Новозаведенной» типографии (1759 г.).

[53] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 73, л. 37.

[54] Там же, № 150, л. 284.

[55] Там же, № 473, л. 38.

[56] Имеется в виду бумага, на которой печатались «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae»; эта бумага также была высокого качества, о чем свидетельствуют дошедшие до нас экземпляры, стоящие на открытой полке Библиотеки АН СССР, которыми пользуются ежедневно.

[57] За рубежом они были напечатаны дважды — в 1749 и 1750 гг. На титульной странице местом издания значится Лондон, но имеются веские основания считать, что первое издание вышло в Голландии, а второе — в Париже (З. И. Гершкович, ук. соч., Вестн. истор. миров. культ., 1959, № 4, стр. 128).

[58] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 440—441.

[59] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 151, л. 394 и сл.

[60] См. Дело по определению Канцелярии Академии наук о разжаловании за непорядочные поступки в типографские ученики студента Ивана Баркова и о разрешении ему обучаться российскому штилю у профессора Крашенинникова и французскому и немецкому языкам у преподавателей Сужи и Кожика (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 424 и сл.; № 159, л. 326 и № 165, л. 21).

[61] См. относящееся к 1753 г. «Дело о наказании розгами студента Баркова и двух гравировальных учеников за учиненную ими в пьяном виде ссору» (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 183, л. 133); через год было заведено новое дело: «Определение Канцелярии Академии о наказании батогами копииста Ивана Баркова за его пьянство и дерзкое поведение» (Там же, № 192, л. 264). Бесчинства Баркова долго еще не прекращались; иногда он пропадал и подолгу не появлялся в Академии. Январем 1757 г. помечено «Дело об отрешении копииста Ивана Баркова за пьянство и неправильность от письменных дел при президенте Академии наук графе Разумовском и о причислении его в команду унтербиблиотекаря Тауберта для переписки всяких манускриптов» (Там же, № 218, л. 244); через год в Академии было заведено новое дело: «О сыске через полицию академического копииста Ивана Баркова, в течение нескольких недель уже не показывавшегося на службе» (Там же, № 236, л. 219).

[62] См.: Сочинения, письма, избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, т. 1. Сатиры, мелкие стихи и переводы в стихах, СПб, 1867. Несколько слов об издании, стр. VI. Подробней об искажениях, допущенных Барковым, см.: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Примечания. Советский писатель, Л., 1956.

[63] Satyres, стр. 37.

[64] Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762—1764. С биографическим очерком автора. СПб., 1872, стр. 1—16. — Жизнеописание Кантемира, приложение к его «Сатирам», изданным в 1762 г., было опубликовано без указания имени Баркова: что авторство принадлежит ему, см.: В. М. Перевощиков. Князь Антиох Кантемир (материалы для истории русской словесности). Вестник Европы, 1822, № 13 и 14, стр. 135. — Н. В. Губерти. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия. Чтения в Общ. истор. и древн. российск., 1878, кн. III, стр. 161.

[65] Собрание стихотворений, стр. 202.

[66] Там же, стр. 208.

[67] Сатиры и другие стихотворческие сочинения кн. Антиоха Кантемира, стр. 156—157.

СОДЕРЖАНИЕ

Моисей Израилевич Радовский

АНТИОХ КАНТЕМИР И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

*

Утверждено к печати
Институтом истории естествознания и техники
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *М. В. Медведев*
Технический редактор *В. Т. Бочевер*
Корректор *И. П. Палкина*

Сдано в набор 20/X 1959 г. Подписано к печати 30/XI 1959 г. РИСО АН СССР № 21—102В. Формат бумаги 60×92$^1/_{16}$. Бум. л. 3$^5/_8$. Печ. л. 7$^1/_4$ = 7$^1/_4$ усл. печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л. 7,47 + 2 вкл. (0,09) Изд. № 1152. Тип. зак. № 371. М-26755.
Тираж 3000.

Цена 4 р. 60 к.

Ленинградское отделение Издательства АН СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12